

43 #4 2022

ТРУДЫ
ПО ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ
СОБСТВЕННОСТИ

WORKS
ON INTELLECTUAL
PROPERTY

Vol. 43 #4 2022

WORKS ON INTELLECTUAL PROPERTY

ISSUE TOPIC

China: The Omnimedia Phenomenon

Who Should be Arbiter in Domain Disputes?

Collective Rights: a New Look

Legal Dimensions of Virtual Objects

Public Domain: Theory and Practice

Legal Nature of Related (Neighboring) Rights

Can a Machine Create?

HIGHER SCHOOL OF ECONOMICS
NATIONAL RESEARCH UNIVERSITY

MOSCOW 2022

Том 43 #4 2022

ТРУДЫ ПО ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

ТЕМЫ НОМЕРА

Китай: феномен омнимедиа

Кому быть арбитром в доменных спорах?

Коллективные права: новый взгляд

Правовые измерения виртуальных объектов

*Общественное достояние:
теория и практика*

Правовая природа смежных прав

Может ли машина творить?

ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

МОСКВА 2022

UNESCO Chair on Copyright,
Neighboring, Cultural
and Information Rights,
HSE University, Moscow,
Russian Federation

The journal is registered on
September 16, 2021 in the Federal
Service of Supervision of Communications,
Information Technology and Mass Media.
Certificate of registration of mass media
ΦC77–81925.

The reproduction of articles and other
materials against the will of the copyright
holders is prohibited in accordance with
paragraph 3 of Art. 1274 of the Civil Code
of the Russian Federation.

The RLS "ConsultantPlus" was used when
preparing the journal.

The journal is included in the List of
peer-reviewed scientific publications
recommended by the Higher Attestation
Commission of the Ministry of Higher
Education and Science of Russian
Federation for the publication of the
main research results for the degree of
candidate and doctor of Legal Sciences.

Subscription Index
Unified catalogue "Russian Press" 11287

Address:
National Research University Higher
School of Economics

20 Myasnitskaya St.
Moscow 101000, Russia

Tel. +7 495 772 95 90 *23017
e-mail: tis@hse.ru

Executive editor:
Ruslan Budnik

Designer
Valery Korshunov

Pre-press
Natalya Puzanova

Proofreader:
Elena Satarova

ISSN 2225-3475
ISSN 2713-1270 (Online)

WORKS ON INTELLECTUAL PROPERTY

Vol. 43 #3 2022

Scientific and analytical journal
Issued since 1999

(Certificates of registration of mass media
018878 dated 28/05/1999 and ΦC77–45963 dated 15/07/2011)

Publishers:

National Research University Higher School of Economics
Creativity Center for UNESCO

The journal is published according to the Agreement between UNESCO and the
Higher School of Economics on the establishment of the UNESCO Chair in Copyright,
Neighboring, Cultural and Information Rights dated August 7, 2020. The authors are
responsible for the choice and presentation of views contained in this journal, and for
opinions expressed therein, which are not necessarily those of UNESCO and do not
commit the Organization as well as of the UNESCO Chair.

Editor-in-Chief

MIKHAIL FEDOTOV (HSE, Russian Federation)

Deputy Editor-in-Chief

RUSLAN BUDNIK (HSE, Russian Federation)

Executive secretary

NATALIA YAKIMOVSKAYA (HSE, Russian Federation)

Editorial Council:

YURI BATURIN (Lomonosov Moscow State University, Russian Federation)

IVAN BLIZNETS (Kutafin Moscow State Law University, Russian Federation)

ELENA VOINIKANIS (HSE, Russian Federation)

EDUARD GAVRILOV (HSE, Russian Federation)

GADIS GADZHIEV (HSE, Russian Federation)

ADOLF DIETZ (Max Planck Society, Germany)

MIKHAIL KRASNOV (HSE, Russian Federation)

PETER MAGGS (University of Illinois, USA)

OLEG NERETIN (Federal Institute of Industrial Property, Russian Federation)

ANGELIKA NUSSBERGER (University of Cologne, Germany)

SERGEY POTAPENKO (Kuban State University, Russian Federation)

ILYA RASSOLOV (Moscow City University, Russian Federation)

ALEXANDR SERGEEV (HSE, Russian Federation)

ANTON SERGO (Russian State Academy of Intellectual Property, Russian Federation)

ASTAMUR TEDEEV (Lomonosov Moscow State University, Russian Federation)

ILYA SHABLINSKY (State Academic University for the Humanities, Russian Federation)

SERGEY SHAKHRAV (Shenzhen MSU-BIT University, PRC)

© National Research University
Higher School of Economics, 2022

unesco

Кафедра

Кафедра ЮНЕСКО
по авторскому праву,
смежным, культурным
и информационным правам,
НИУ ВШЭ, Москва,
Российская Федерация

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций и включен в реестр зарегистрированных средств массовой информации, серия ПИ № ФС77–81925 от 16 сентября 2021 г.

Перепечатка материалов против воли правообладателей запрещена в соответствии с п. 3 ст. 1274 ГК РФ. При подготовке журнала использована СПС «КонсультантПлюс».

Журнал входит в Перечень рецензируемых научных изданий, рекомендованных ВАК при Минобрнауки России для публикации основных результатов исследований на соискание ученых степеней кандидата и доктора юридических наук.

Распространяется по подписке. Объединенный каталог «Пресса России» — подписной индекс 11287.

Координаты редакции:
адрес фактический: 109028, Москва, Б. Трехсвятительский пер., д. 3, оф. 436; почтовый: 101000, Москва, ул. Мясницкая, 20, журнал «Труды по интеллектуальной собственности», тел.: +7 495 772 95 90 *23017, e-mail: tis@hse.ru

Координаты издателя и распространителя:
адрес фактический: 117418, Москва, ул. Профсоюзная, д. 33, кор. 4, Издательский дом НИУ ВШЭ; 101000, Москва, ул. Мясницкая, 20, Издательский дом НИУ ВШЭ, тел. +7 495 772 95 90 *15298, e-mail: id@hse.ru

Выпускающий редактор:
Будник Р.А.

Художественное оформление:
Коршунов В.П.

Верстка:

Пузанова Н.Е.

Корректор:
Сатарова Е.В.

© Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 2022

Напечатано с готового оригинал-макета. ООО «Фотоэксперт», 109316, Москва, Волгоградский проспект, д. 42.

Подписано к печати 01.09.2022 г.
Формат 60×90 1/8. Усл.печ.л. 13,88.
Тираж 300 экз. Заказ №

ISSN 2225-3475
ISSN 2713-1270 (Online)

ТРУДЫ ПО ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

Том 43 #4 2022

Научно-аналитический журнал
Издается с 1999 г.

(Свидетельства о регистрации СМИ
№ 018878 от 28. 05.1999 и ФС77–45963 от 15.07.2011)

Учредители:

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Автономная некоммерческая организация «Творческий центр ЮНЕСКО».

Журнал издается по Соглашению между ЮНЕСКО и НИУ ВШЭ об учреждении Кафедры ЮНЕСКО по авторскому праву, смежным, культурным и информационным правам от 7 августа 2020 г. В соответствии с Соглашением авторы статей, опубликованных в журнале, несут ответственность за выбор и представление мнений, которые не обязательно совпадают с мнением ЮНЕСКО и не являются мнением Организации или Кафедры ЮНЕСКО НИУ ВШЭ.

Главный редактор

ФЕДОТОВ М.А. (НИУ ВШЭ, Российская Федерация)

Заместитель главного редактора

БУДНИК Р.А. (НИУ ВШЭ, Российская Федерация)

Ответственный секретарь

ЯКИМОВСКАЯ Н.Л. (НИУ ВШЭ, Российская Федерация)

Редакционный совет:

БАТУРИН Ю.М. (Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Российская Федерация)

БЛИЗНЕЦ И.А. (Московская государственная юридическая академия им. О.Е. Кутафина, Российская Федерация)

ВОЙНИКАНИС Е.А. (НИУ ВШЭ, Российская Федерация)

ГАВРИЛОВ Э.П. (НИУ ВШЭ, Российская Федерация)

ГАДЖИЕВ Г.А. (НИУ ВШЭ, Российская Федерация)

ДИТЦ А. (Институт Макса Планка, ФРГ)

КРАСНОВ М.А. (НИУ ВШЭ, Российская Федерация)

МЭГГС П. (Иллинойский университет, США)

НЕРЕТИН О.П. (Федеральный институт промышленной собственности, Российская Федерация)

НУССБЕРГЕР А. (Кёльнский университет, ФРГ)

ПОТАПЕНКО С.В. (Кубанский государственный университет, Российская Федерация)

РАССОЛОВ И.М. (Московский городской педагогический университет, Российская Федерация)

СЕРГЕЕВ А.П. (НИУ ВШЭ, Российская Федерация)

СЕРГО А.Г. (Российская государственная академия интеллектуальной собственности, Российская Федерация)

ТЕДЕЕВ А.А. (Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Российская Федерация)

ШАБЛИНСКИЙ И.Г. (Государственный академический университет гуманитарных наук, Российская Федерация)

ШАХРАЙ С.М. (Университет МГУ-ППИ в Шеньчжэне, КНР)

СОДЕРЖАНИЕ

12.00.00. Юридические науки

ИНФОРМАЦИЯ. ГОСУДАРСТВО. ПРАВА ЧЕЛОВЕКА

БАТУРИН Ю.М., СИНЬЦЗЮНЬ Ю. Феномен омнимедиа (на примере китайской газеты People's Daily)	8
БОГДАНОВА Н.А., ГРЕКОВА Е.М. Коллективные права в конституционном праве.	15
ПАЩЕНКО И.Ю. Цифровые правоотношения как новое явление для системы правового регулирования	21
СЕРГО А.Г., СУСАЛЁВА Т.Г. Палата по доменным спорам при Роспатенте. Почему бы и нет?	26
ПАНИН В.О. Правовой режим виртуальных объектов в информационной среде.	43

ПРАВА ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

БЛИЗНЕЦ И.А. Юридическая природа общественного достояния: за и против его применения на практике.	56
БУЗОВА Н.В. Цифровые активы и интеллектуальная собственность	61
ПЕТКИЛЁВ П.И. История и определение понятия смежных прав	71
ШИРКОВА И.В. Смежные права: сравнительный анализ неоднородных прав	82
КАТКОВА М.М., СУРЬЯНИНОВА П.А. Виртуальная собственность в компьютерных играх: проблемы регулирования в российском законодательстве	91

ПРАВО ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

НАЗАРОВ Н.И. Машинное творчество и право: две части одного целого	101
---	-----

О КАФЕДРЕ ЮНЕСКО ПО АВТОРСКОМУ ПРАВУ, СМЕЖНЫМ, КУЛЬТУРНЫМ И ИНФОРМАЦИОННЫМ ПРАВАМ НИУ «ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ»	111
---	-----

TABLE OF CONTENTS

12.00.00. Juridical Sciences

INFORMATION. STATE. HUMAN RIGHTS

BATURIN Y.M., YU XINJUN. The Omnimedia Phenomenon (on the example of the newspaper People's Daily)	8
BOGDANOVA N.A., GREKOVA E.M. Collective Rights in Constitutional Law	15
PASCHENKO I.Y. Digital Relations as a New Phenomenon for the Regulatory System	21
SERGO A.G., SUSALEVA T.G. Domain Name Dispute Resolution Chamber in Rospatent. Why Not?	26
PANIN V.O. Legal Regime of Virtual Objects in the Information Environment	43

INTELLECTUAL PROPERTY RIGHTS

BLIZNEC I.A. The Legal Nature of the Public Domain: the Pros and Cons of its Application in Practice	56
BUZOVA N.V. Digital Assets and Intellectual Property	61
PETKILEV P.I. History and Definition of the Concept of Related (Neighboring) Rights	71
SHIRKOVA I.V. Related Rights: a Comparartive Analysis of Heterogeneous Rights	82
KATKOVA M.M., SURYANINOVA P.A., Virtual Property in Computer Games: Problems of Regulation in Russian Law	91

ARTIFICIAL INTELLIGENCE LAW

NAZAROV N.I. Machine Creativity and the Law: Two Parts of a Whole	101
---	-----

BOUT UNESCO CHAIR ON COPYRIGHT, NEIGHBORING, CULTURAL AND INFORMATION RIGHTS AT THE HSE UNIVERSITY	111
---	-----

Научная статья

УДК: 366.636

[https://: doi.org](https://doi.org/.....)

Original article

ФЕНОМЕН ОМНИМЕДИА (НА ПРИМЕРЕ КИТАЙСКОЙ ГАЗЕТЫ PEOPLE'S DAILY) THE OMNIMEDIA PHENOMENON (ON THE EXAMPLE OF THE NEWSPAPER PEOPLE'S DAILY)

Юрий Михайлович БАТУРИН

Московский государственный университет имени
М.В. Ломоносова, факультет журналистики, Москва,
Российская Федерация,
baturin@ihst.ru,
[https://www.scopus.com/authid/detail.uri?author-
Id=6603102121](https://www.scopus.com/authid/detail.uri?authorId=6603102121)

Юй СИНЬЦЗЮНЬ

Московский государственный университет имени
М.В. Ломоносова, факультет журналистики, Москва,
Российская Федерация,
ulikov383@gmail.com,
<https://istina.msu.ru/profile/YUXINJUN/>,
IstinaResearcherID (IRID): 175155307

Информация об авторах

Батурин Ю.М. — член-корреспондент РАН, доктор юри-
дических наук, профессор факультета журналистики
МГУ имени М.В. Ломоносова
Синьцзюнь Ю. — представитель China Scholarship Council
(КНР), стипендиат правительства КНР, аспирант факуль-
тета журналистики МГУ

Аннотация. Проанализировано новое для теории
и практики СМИ понятие «омнимедиа». Проиллюстри-
рованы становление и практика омнимедиа на примере
одной из ведущих газет КНР — People's Daily. Описано,
как на основе искусственного интеллекта (ИИ) и техно-

- логи больших данных в КНР была создана платформа
- для производства и эксплуатации ИИ в СМИ, как она
- была запущена в интеллектуальную среду, ориентиро-
ванную на омнимедиа, которые объединяют интеллекту-
альное производство и распространение информации.

- **Ключевые слова:** омнимедиа; СМИ; информация; искус-
ственный интеллект; Китайская Народная Республика;
массовые коммуникации; большие данные; интеллекту-
альная среда

- **Для цитирования:** Батурин Ю.М., Синьцзюнь Ю. Фено-
мен омнимедиа (на примере китайской газеты People's
Daily) // Труды по интеллектуальной собственности
(Works on Intellectual Property). 2022. Т. 43, № 4.
С. 8–14;
[http://: dx.doi.org.....](http://dx.doi.org/.....)

Yurii M. BATURIN

- Lomonosov Moscow State University, Faculty of Journalism,
Moscow, Russian Federation,
baturin@ihst.ru,
[https://www.scopus.com/authid/detail.uri?author-
Id=6603102121](https://www.scopus.com/authid/detail.uri?authorId=6603102121),

Yu XINJUN

- Lomonosov Moscow State University, Faculty of Journalism,
Moscow, Russian Federation,

- ulikov383@gmail.com,
- <https://istina.msu.ru/profile/YUXINJUN/>,
- IstinaResearcherID (IRID): 175155307

Information about the authors

Baturin Y.M. — Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Law, Professor of the Faculty of Journalism of Lomonosov Moscow State University

Xinjun Yu — Representative of the China Scholarship Council (PRC), Scholarship holder of the Chinese government, PhD student of the Faculty of Journalism of Lomonosov Moscow State University

Abstract. The concept of “omnimedia”, new to media theory and practice, is analyzed. It illustrates the formation and practice of omnimedia on the example of one of China’s leading newspapers “People’s Daily”. It describes how, based on artificial intelligence and Big Data technology, the China created a platform for the production and exploitation of artificial intelligence in the media and launched an intelligent environment focused on omnimedia, which integrates intelligent production and distribution of information.

Keywords: omnimedia; media; information; artificial intelligence; People's Republic of China; mass communications; Big data; intellectual environment

For citation: Baturin Y.M., Xinjun Yu. The Omnimedia Phenomenon (on the Example of the Newspaper "People's Daily") // Trudi po Intellectualnoy Sobstvennosti (Works on Intellectual Property). 2022. Vol. 43 (4). P. 8–14; <https://doi.org/>

Сегодня в публикациях по журналистике и средствам массовой информации (СМИ) нет-нет да и мелькнет термин «омнимедиа», практически неизвестный в российской профессиональной среде. Между тем в теории и практике китайских СМИ он давно известен и используется без пояснений. В мае 2022 года обнародован доклад Всекитайской ассоциации журналистов «Развитие средств массовой информации Китая». Согласно докладу, новые технологии, такие как медиаплатформа, цифровая передача данных, видеотехнологии высокой четкости, искусственный интеллект (ИИ) и 5G, способствовали преобразованиям и инновационному развитию сектора СМИ. В 2020-2021 годах главной тенденцией в индустрии новостных СМИ Китая стали омнимедиа и коммуникация на основе платформ [1].

Воспользуемся китайским опытом, чтобы объяснить суть понятия «омнимедиа». Опишем его на примере китайской газеты People's Daily (кит. — 人民日报), одного из лидеров в областях трансформации печатных СМИ в цифровой формат, использования современных информационных технологий и применения технологий искусственного интеллекта для развития «умных», или «интеллектуальных», медиа.

Китайская Народная Республика (КНР) подключилась к интернету в 1994 году, и с тех пор интернет в Китае развивается и существенно влияет на формы получения информации гражданами. За неполные 30 лет медиаиндустрия КНР продвинулась от эпохи Web1.0 к реальному использованию систем искусственного интеллекта в «умном» интернете. Первая интернет-газета в Китае появилась в 1995 году. В 1998-м был создан первый китайский интернет-портал Sina, и китайские бумажные СМИ стали быстро вступать в эру интернет-порталов.

Рынок мгновенно захватили интернет-порталы Sina, Sohu, Tencent и NetEase благодаря мультимедийным функциям, таким как быстрое обновление, богатая графика и удобный для восприятия контент. Тем временем сетевые телекоммуникационные технологии быстро развивались, в интернете появилась интерактивность, произошел стремительный переход на стандарты связи 3G и 4G. С наступлением эпохи 5G китайская медиаиндустрия вступила на путь все-

В 2015 году People's Daily начала пробное использование в своей повседневной работе искусственного интеллекта, на основе которого появился прототип Центра творческого управления (ЦТУ) этого СМИ (кит. — 中央厨房). С 19 февраля 2016 года ЦТУ официально начал работу онлайн, и People's Daily вступила в эпоху омнимедиа.

ЧТО ТАКОЕ «ОМНИМЕДИА»?

Концепция «омни» пришла в СМИ из бизнеса, точнее — из электронной торговли и маркетинга, что неудивительно, потому что информация, ставшая контентом, почти не отличается от товара. Термин «омни» произошел от латинского корня *omni* — собирательная форма со значением «все». Примерный перевод — «целый», «совокупный», «универсальный», «всеобщий».

В обиход термин «омнимедиа» вошел на волне успеха американской компании и бренда «Martha Stewart Living Omnimedia Inc.» (MSLO). Компания MSLO — диверсифицированная медиа- и мерчендайзинговая (от англ. *merchandising* — комплекс техник «выкладки» товаров, продукции СМИ и т.д.) компания, основанная Мартой Стюарт. Сегодня MSLO разделена на четыре бизнес-сегмента: издательское дело, интернет-издания, вещательные медиаплатформы и мерчендайзинговые линии. Бизнес-холдинги MSLO включают в себя различные печатные издания, теле- и радиопрограммы, а также веб-сайты электронной коммерции.

Омниканалы (*omnichannel*) торговли — это расширение понятия многоканальной торговли через кроссканальные возможности (снятие границ между каналами), предоставляемые потребителям. Например, покупатель может заказать товар онлайн, а получить его в торговом зале магазина. В реальности создается общее пространство взаимодействия бизнеса и потребителя, в котором потребитель выбирает набор товаров по разным каналам, а бизнес обеспечивает ему поставку товаров в той форме и в таких сочетаниях, которые желает покупатель. При этом на первом месте — потребитель, он персонифицирован, в отличие даже от многоканальной торговли, работающей с обезличенными клиентами.

Какой-то объем персональных и персонифицированных (т.е. привязанных к потребителю) данных собирается для таргетированной (целевой, адресованной персонально кому-то; от англ. *target* — «цель», «мишень») рекламы, которая давно используется в рекламной индустрии. Каждый пользователь интернета оставляет немало следов. Если он не применяет специальных средств защиты, то серверам, которые

он посещает, доступна информация о его IP-адресе, по которому устанавливаются страна, регион, город, где пользователь вошел в сеть, а также провайдер, услугами которого он пользуется. Серверы, которые посещает пользователь, фиксируют и накапливают информацию о том, каким браузером пользуется клиент, с какого сайта он заходит, и ряд других параметров.

Помимо IP-адреса для идентификации клиента используются так называемые *cookie*-файлы — текстовая информация небольшого объема, которая сохраняется на компьютере пользователя по запросу веб-сервера и передается ему при повторных посещениях. Основным назначением *cookies* является организация сессий в ходе работы пользователя с онлайн-магазинами, форумами и иными интерактивными системами с веб-интерфейсом, например с системами документооборота или почтовыми сервисами с веб-интерфейсом. В этом случае в *cookie*-файлах хранятся параметры сессии, например ее уникальный идентификатор. *Cookies* хранят различные параметры пользователя, в том числе позволяющие программному обеспечению веб-сервера опознать пользователя.

Схожим образом производится идентификация пользователя в рейтинговых системах, счетчиках, системах баннерного показа, онлайн-голосованиях. При посещении пользователем сайта или совершении им определенных действий, например регистрации, сервер сохраняет идентификационную информацию. После этого, даже если клиент вошел в сеть с компьютера, которому присвоен другой IP-адрес, сервер опознает клиента. То же происходит при пользовании поисковыми системами. Так, если вы искали в сети варианты мебели, которую собираетесь приобрести, у вас на всех страницах, которые вы открываете для других целей, будут появляться ссылки типа «Хотите купить мебель?». Процесс составления такого рода характеристик конкретных пользователей называется профайлингом (от англ. *profile* — «профиль»).

Сегодня существуют значительно большие возможности обработки структурированных и неструктурированных данных для выявления новой информации с помощью технологии так называемых больших данных, что позволяет без излишне сложных алгоритмов, а посредством установления корреляций между отдельными фрагментами больших данных не только идентифицировать личность любого клиента, но и составить его точный портрет («профайл»).

Эта методика и взята на вооружение СМИ, которые, используя ее, переходят на уровень омнимедиа, т.е. к общему способу и стратегии ведения бизнеса, использованию всех средств массовой информации и платформ. Газеты, радио, телевидение и интернет являются обычными компонентами этой системы.

Термин «омнимедиа» означает:

а) использование текста, звука, видео, анимации, веб-страниц и других средств выражения мыслей и идей в СМИ (мультимедиа) для распространения массовой информации;

б) использование различных форм СМИ, таких как радио, телевидение, аудио- и видеоматериалы, фильмы, публикации, газеты, журналы и веб-сайты (бизнес-интеграция);

в) распространение информации через интегрированную радио- и телевизионную сеть, телекоммуникационную сеть и интернет;

г) интегрированный прием информации пользователем с помощью различных терминальных устройств, таких как телевизор, компьютер и мобильный телефон (три экрана в одном), в любое время, в любом месте, на любом оконечном устройстве для получения любой желаемой информации в нужных пропорциях и составе.

Концепция омнимедиа полностью меняет отношение к конечным потребителям информации по сравнению с традиционными СМИ. Уже недостаточно того, что каждое СМИ предлагает своему кругу читателей и зрителей формируемое им и соответствующее его заявленной позиции информационное подпространство. В современном мире человек может выбирать самые разные способы получения информации, и в конце концов у каждого потребителя формируются собственные предпочтения — например, свежие новости получать из интернета, спортивные соревнования смотреть по телевизору, аналитические статьи читать на сайте любимой газеты, а в воскресенье листать еженедельный выпуск о спорте.

Все это необходимо увязывать по времени, комплектовать и предлагать читателю (зрителю) в удобные для него часы. Традиционные СМИ не могут удовлетворить возросшие потребности таких потребителей. А ведь еще надо учесть сезонный фактор (в отпуске информационные потребности меняются), состояние здоровья потребителя, его занятость и т.д.

Стратегия омниканальности предполагает постоянное отслеживание трансформации предпочтений и ожиданий подписчиков, которые становятся все более разнообразными и динамичными, не без помощи омниканальных медиа. Потребители информации по всему миру становятся более самостоятельными, более осведомленными, более коммуникабельными, более требовательными и более непохожими друг на друга. Они ожидают от СМИ соответствия изменившимся условиям и своим внутренним переменам.

При таком подходе каждое следующее взаимодействие омнимедиа с подписчиком становится продолжением предыдущего, позволяя ему продолжить свой опыт ровно с того места, в котором он остановился

в прошлый раз. Чтобы найти правильное решение в каждом конкретном случае недостаточно получить детальный профайл (неявный, скрытый способ получения информации). Нужен диалог, чтобы прямо предлагать потребителю выбор и делать все, чтобы результат выбора ему понравился.

Собственно, вести диалог с аудиторией научили социальные сети. Теперь этот опыт перенимают омнимедиа. Желание удовлетворить свои информационные потребности возникает на основе социальных связей человека. Он получает первую информацию о событии через тот канал СМИ, в зоне вещания (распространения) которого оказался. Получив информацию, он оценивает ее качество в соответствии с привычными ему критериями и личным опытом.

Для того чтобы получить доступ к максимальному объему привязанных к потребителю данных, необходимо признать, что человек вовсе не обязательно пользуется единственным (твоим) источником информации, и отслеживать другие СМИ, чтобы понять интересы и предпочтения в них своего читателя (зрителя) или того, за которого данное СМИ борется, а также его мотивацию при выборе того или иного СМИ. Информация и обратная связь, которую можно получить от потребителя, должны быть переведены в решения, предоставляющие подписчику удобство взаимодействия с данным СМИ.

Чтобы сделать СМИ омниканальным, во-первых, нужно менять логику ключевых организационных процессов, пересматривать организационную структуру, заново создавать техническую инфраструктуру на основе ИИ. Причем все это должно происходить в виде распределенного во времени (и пространстве) процесса с определенными контрольными точками, согласно выбранной стратегии. Во-вторых, необходимо анализировать всю информацию о потребителе, которую удалось собрать, учитывать накопленный им личный опыт, а также контролировать информацию, распространяемую другими СМИ, и учитывать их (чужих) читателей и зрителей (борьба за покупателя существует и в СМИ).

На этом этапе особую важность приобретает тема систематизации информации, о которой писал Г. Миттал, подчеркивая необходимость создания на пути омниканального опыта общей информационной системы продукции [2]. Омнимедиа требуется исследовать профиль конкретного подписчика и обращаться к подписчику через равноправные каналы, но универсальным образом (через «универсальное окно»). Это означает, что многие каналы, поддерживая друг друга, становятся одним многомерным каналом, создающим персонифицированные проекции множеству подписчиков.

Некоторые авторы объясняют омниканальность через синергетику — синергетическое управление [3], синергетические коммуникации [4, с. 4]. Интеграция каналов — важная и непростая задача, для ее решения нужна своя инфраструктура. Омниканальность требует общения с пользователем в режиме реального времени, что обязывает внедрять продвинутую IT-платформу.

Необходимость управлять такой сложной системой, как омнимедиа, без теории омниканальных медиа, только на основе которой можно выстроить алгоритмы управления, может столкнуться с внутренней противоречивостью функциональных особенностей омнимедиа и неизбежными ошибками руководства им, что неминуемо приведет к негативным последствиям во взаимодействии омнимедиа с потребителями. Справиться с описанной многопараметрической задачей поручили искусственному интеллекту.

Итак, омнимедиа — совокупный канал формирования, распределения и распространения информации, ставящий на первое место подписчика (читателя, слушателя, зрителя). Работа идет с конкретным получателем информации на основе знания не только его персональных данных, но и в целом его профиля. Происходит персонификация информационного обслуживания. Для потребителя информации омниканал формируется как продолжение его личного опыта. Столкнувшись с большим потоком информации, человек стремится сформировать свое личное информационное пространство. Омнимедиа помогают ему в этом. В результате потребителю больше не нужно ограничивать себя, довольствуясь одним медиаканалом или несколькими никак не связанными между собой. Таковы отдельные суждения по характеристике омнимедиа, но теория омниканальных медиа пока отсутствует.

Заметим, что термины «СМИ» и «массмедиа» уже не могут применяться к омнимедиа: массовая информация предназначена для неопределенного круга лиц. В омнимедиа же массовая информация существует в своем «массовом состоянии» только до завершения этапа сбора информации; после этого идет индивидуализация информационного пакета для конкретного потребителя.

PEOPLE'S DAILY КАК ОМНИМЕДИА

19 сентября 2019 года в Китае в целях специальной разработки систем искусственного интеллекта для медиа было объявлено об основании Исследовательского института интеллектуальных медиа газеты People's Daily, в задачу которого входили создание и применение технологий искусственного интеллекта на всех

этапах цикла производства массовой информации: сбора, передачи, производства и распространения. Его основными проектами были следующие:

- программно-аппаратный комплекс People's Daily версии 7.0, выполняющий алгоритм анализа ведущих тенденций в сфере отбора качественного контента, осуществляющий реструктуризацию логики и порядка передачи информации и обеспечивающий интеллектуальный переход от массовых предпочтений к персональному выбору;
- ведущая платформа коротких видео People's Daily Плюс, включающая в себя систему генерации контента посредством системы PUGC (профессиональная пользовательская генерация контента), состоящую, в свою очередь, из PGC (профессиональная генерация контента) и UGC (пользовательская генерация контента). Данная платформа имела три функции: видео, прямая трансляция и видеообращения людей к государственному руководству, рассказывающие о насущных проблемах в своей повседневной жизни;
- разработки и исследования инновационной продукции СМИ, посвященный созданию универсальной платформы PAAS «интеллект + большие данные + облачные сервисы», которая вводит в медиаиндустрию универсальные решения для интеллектуализации конвергентных СМИ;
- лаборатория по исследованию искусственного интеллекта в сфере СМИ, занимающаяся, в частности, обработкой речи, самообучением и другими технологиями искусственного интеллекта;
- мультимедийное смарт-облако. На основе облачных вычислений, искусственного интеллекта и технологии больших данных была создана платформа для производства и эксплуатации цифрового интеллекта в СМИ, интеллектуального анализа больших данных в СМИ и другого. Данные услуги представляют собой ряд комплексных решений для интеллектуального облака.

24 декабря 2020 года на форуме «2020 Smart Media Summit» Исследовательского института интеллектуальных медиа был презентован комплексный интеллектуальный продукт, названный «Центр творческого управления газеты People's Daily, разработанный Институтом при технической поддержке компании Baidu. Его назначение можно описать через выполняемый им набор функций.

Первая функция. Центр творческого управления представляет собой комплекс систем искусственного интеллекта для создания новостных материалов. С помощью алгоритмов искусственного интеллекта графический монтаж, видеомонтаж и производство материалов становятся много проще, что приводит

к сокращению времени подготовки новостей к эфиру и повышению производительности в целом.

Вторая функция — быть медиа-информационным источником новостных больших данных. С его помощью создатели новостных программ могут одновременно получать данные в режиме реального времени с веб-сайтов, приложений, WeChat, Weibo, Toutiao и так далее, а также настраивать мониторинг новостей на раннее предупреждение о самой важной информации во всей сети в целях планирования новостных выпусков, подготовки аналитических статей и эффективной помощи в производстве продукции СМИ.

Третья функция. Так называемое интеллектуальное облако ЦТУ предоставляет возможность осуществления таких функций, как архивирование файлов, пакетный обмен для их использования, шифрование файлов, подготовка их для мгновенного (одним кликом) обмена, а также многомерный анализ файлов с помощью искусственного интеллекта, что делает производство контента более удобным и эффективным.

Четвертая функция — развитие операционной системы приложений. ЦТУ обеспечивает мощную поддержку онлайн и офлайн медиа-операций, включая «систему связей», «систему голосования», «систему подсчета очков» и «взаимодействие с мобильным телефоном», а также поддержку взаимодействия с экраном и отображения данных.

Пятая функция — эффективная обработка аудио- и видеофайлов, их анализ искусственным интеллектом в режиме реального времени, разделение прямой трансляции на разные аудитории, другие интеллектуальные возможности обработки аудио- и видеофайлов, такие как «устранение дрожания видео» и «отслеживание и обрезка объекта».

На основе облачных вычислений, искусственного интеллекта и технологии больших данных была создана платформа для производства и эксплуатации ИИ в СМИ, интеллектуального анализа больших данных в СМИ и др. Данные услуги представляют собой ряд комплексных решений для интеллектуального мультимедийного смарт-облака.

Исследовательский институт интеллектуальных медиа строился с учетом опыта создания искусственного интеллекта в медиаиндустрии. Например, компания Microsoft Research Asia, которая быстро развивалась с момента своего основания в 1998 году и насчитывала более 300 талантливых научных и технических сотрудников, проводящих исследования в таких областях, как естественные пользовательские интерфейсы, интеллектуальные мультимедиа, искусственный интеллект, большие данные и основы компьютерных наук, в настоящее время превратилась в крупнейшую

фундаментальную и прикладную исследовательскую организацию Microsoft за пределами США.

Институт искусственного интеллекта Facebook¹ (теперь известный как Meta AI) является частью обширной системы искусственного интеллекта Facebook, от фундаментальных исследований до прикладных исследований и разработки технологий в таких областях, как компьютерное зрение, разговорный ИИ, целостность, обработка естественного языка, человеческий и машинный интеллект и другие области, обеспечивающие поддержку развития ИИ в Facebook. Китайские компании, такие как Alibaba, Huawei и Baidu, также успешно создали свои исследовательские институты.

Таким образом, сегодня People's Daily представляет собой омнимедийную платформу, являющуюся основой омнимедийного объединения самой газеты, новостного агентства этой газеты и других медиа, выступающих под логотипом People's Daily. Объединенная платформа для публикации статей и новостей — только часть феномена омнимедиа. Главное — это новая система, которая комплексует создание, распространение и использование публикуемого содержания, объединяет медиа разного типа и их совместные усилия для развития.

Центр творческого управления в этой системе является своего рода «кухней» (кстати, в обиходе его так и называют), на которую от искусственного интеллекта поступает информация о каждом подписчике — любимые темы, формы сообщений (печатные, аудио-, видео-), желательные размеры публикаций и т.д. На «кухне» вся поступающая туда информация «сервируется», раскладывается по «блюдам» и направляется подписчикам в соответствии с их предпочтениями. ЦТУ не только оказывает поддержку медиа, объединяемых общим названием People's Daily, но также создает общественную базу для всей отрасли СМИ, которая занимается предоставлением услуг по доставке подписчикам (читателям, зрителям) публикаций высококачественного содержания.

People's Daily — не единственная газета в КНР, трансформировавшаяся в омнимедиа. И надо заметить, что в этом отношении Китай обошел и США, и Японию, не говоря уже о других странах. Медиатренды сегодня необходимо оценивать по китайской мерке.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Всекитайская ассоциация журналистов рассказала о развитии СМИ Китая // Труд. 2022. 16 мая. — URL: <https://www.trud.ru/article/16-05>

¹ С 21 марта 2022 года компания Facebook официально запрещена на территории России.

- 2022/1415952_vsekitajskaja_assotsiatsija_zhurnalistov_rasskazala_o_razvitii_smi_kitaja.html (дата обращения: 28.08.2022).
2. Mittal G. Right integration strategy — a cornerstone for omnichannel retail // Wipro. — URL: <http://www.wipro.com/documents/right-integration-strategy-a-cornerstone-for-omni-channel-retail.pdf> (дата обращения: 28.08.2022).
3. Verhoef P.C. From multichannel retailing to Omni-channel retailing: Introduction to the special issue on multi-channel retailing // Journal of retailing. 2015. Vol. 91. No. 2. P. 174–181.
4. Cummnis S., Peltier J., Dixon A. Omni-channel research framework in the context of personal selling and sales management: a review and research extensions // Journal of Research in Interactive Marketing. 2015. Vol. 10.

REFERENCES

1. The All-China Journalists' Association has talked about China's media development // The Labour. 2022. 16 May. — URL: https://www.trud.ru/article/16052022/1415952_vsekitajskaja_assotsiatsija_zhurnalistov_rasskazala_o_razvitii_smi_kitaja.html (last access: 28.08.2022).
2. Mittal G. Right integration strategy — a cornerstone for omnichannel retail / Wipro. — URL: <http://www.wipro.com/documents/right-integration-strategy-a-cornerstone-for-omni-channel-retail.pdf> (last access: 28.08.2022).
3. Verhoef P.C. From multichannel retailing to Omni-channel retailing: Introduction to the special issue on multi-channel retailing // Journal of retailing. 2015. Vol. 91. No. 2. P. 174–181.
4. Cummnis S., Peltier J., Dixon A. Omni-channel research framework in the context of personal selling and sales management: a review and research extensions // Journal of Research in Interactive Marketing. — 2015. Vol. 10.

КОЛЛЕКТИВНЫЕ ПРАВА В КОНСТИТУЦИОННОМ ПРАВЕ

COLLECTIVE RIGHTS IN CONSTITUTIONAL LAW

Наталья Александровна БОГДАНОВА

Московский государственный университет имени
М.В. Ломоносова, юридический факультет, Москва,
Российская Федерация,
bogdanova-na@mail.ru
[https://www.elibrary.ru/author_profile.
asp?authorid=651520,](https://www.elibrary.ru/author_profile.asp?authorid=651520)
SPIN-код: 8903-0615

Екатерина Михайловна ГРЕКОВА

Московский государственный университет имени
М.В. Ломоносова, Высшая школа государственного
аудита, Москва, Российская Федерация,
[grekova.insce@gmail.com,](mailto:grekova.insce@gmail.com)
<https://orcid.org/0000-0002-4473-380X>

Информация об авторах

Н.А. Богданова — доктор юридических наук, профес-
сор юридического факультета МГУ имени М.В. Ломо-
носова

Е.М. Грекова — магистрант Высшей школы государ-
ственного аудита (факультет) МГУ имени М.В. Ломоно-
сова

Аннотация. В контексте вопроса о важности прав чело-
века особое место занимает категория коллективных
прав как прав третьего поколения, на данный момент
изученных и описанных неполно, однако заслуживаю-
щих внимания ввиду своей бесспорной необходимости.
в рамках данной статьи были исследованы природа,
особенности и значение коллективных прав в общей
системе прав и свобод, а также проведен анализ кон-
ституционно-правового закрепления таких прав.

Ключевые слова: права человека и гражданина; права
человека; права третьего поколения; коллективные
права; индивидуальные права; конституция; конституци-
онное право; зарубежное право, коллектив.

Для цитирования: Богданова Н.А., Грекова Е.М. Кол-
лективные права в конституционном праве // Труды по

• интеллектуальной собственности (Works on Intellectual
• Property). 2022. Т. 43, № 4. С. 15–20; [http://dx.doi.
org/.....](http://dx.doi.org/.....)

• **Natalya A. BOGDANOVA,**

• Lomonosov Moscow State University, Faculty of Law,
• Moscow, Russian Federation,
• [https://www.elibrary.ru/author_profile.asp?author-
id=651520,](https://www.elibrary.ru/author_profile.asp?author-id=651520)
• SPIN-код: 8903-0615

• **Ekaterina M. GREKOVA**

• Lomonosov Moscow State University, Higher School
• of Public Audit, Moscow, Russian Federation,
• [grekova.insce@gmail.com,](mailto:grekova.insce@gmail.com)
• <https://orcid.org/0000-0002-4473-380X>

• **Information about the authors**

• Bogdanova N.A. — Doctor of Law, the professor of the
• Faculty of Law of Lomonosov Moscow State University
• Grekova E.M. — undergraduate of Higher School of Public
• Audit of Lomonosov Moscow State University

• **Abstract.** In the issue of the human liberties' importance,
the group rights as rights of the third generation deserve
• specific attention. They are currently not fully studied
and described. In the article we have studied the nature,
• aspects, and significance of group rights in the general
• system of rights and freedoms. Furthermore, the analysis of
the constitutional and legal enshrinement of such rights was
carried out.

• **Keywords:** human and civil rights, human rights, third gener-
ation of rights, collective rights, individual rights, constitution,
constitutional law, international law, foreign law, collective.

• **For citation:** Bogdanova N.A., Grekova E.M. Collective
Rights in Constitutional Law // Trudy po Intellectualnoy
Sobstvennosti (Works on Intellectual Property). 2022.
Vol. 43 (4). P. 15–20; <https://doi.org/>

Коллективные права как таковые в настоящее время являются относительно малоизученной категорией. Единый подход к соответствующему понятию в доктрине пока не сложился, ведутся споры о самой природе коллективных прав, а значит, окончательно и однозначного понимания и определения места коллективных прав в системе прав, их роли на данный момент нет. Тем не менее в разных источниках можно отыскать различные варианты определения понятия «коллективные права».

Так, Н.В. Варламова пишет, что коллективные права — это права, принадлежащие и реализуемые совместными действиями людей определенной общности [1]. Б. Дж. Сингер, в свою очередь, отмечает, что коллективные права являются правами подсообщества, так как индивиды обладают ими в силу их коллективной принадлежности к тому или иному подсообществу [2]. Еще одно определение, далеко не последнее, можно найти в Энциклопедическом словаре по конституционному праву России. в нем коллективные права определяются как «права и свободы, реализация которых требует коллективных действий граждан (право на объединение, проведение собраний, митингов, шествий, пикетирование, право на забастовку и др.)» [3].

На основе анализа различных определений указанного понятия, а также мнений ученых относительно коллективных прав сформируем собственное определение:

коллективные (солидаристские) права, такие как право народа, общности, ассоциации, — это особая совокупность прав, относящаяся к третьему поколению прав и требующая коллективных действий граждан для своей реализации.

Считается, что коллективные права нельзя отнести к категории естественных прав, потому что их формирование и совершенствование происходят в контексте общественно-исторического развития различных социальных общностей [4]. Это не сумма индивидуальных прав, а некая особая категория, имеющая двойственную природу: коллективные права являются одновременно и индивидуальными, и общими — правами нации, народа, общества в целом. Они

принадлежат личности, но только тогда, когда эта личность взаимодействует с социумом.

Упомянутый ранее Б. Дж. Сингер не относится к сторонникам кардинальной дифференциации солидаристских и индивидуальных прав. В его концепции коллективные права — это индивидуальные права, реализуемые коллективом. Но если считать коллектив отдельным субъектом общества, то правильным ли будет подобное определение? Индивид не обладает этими правами, находясь вне коллектива, тогда как внутри какой-либо группы уже сложнее выделить индивида как такового. Вместе с тем согласимся, что коллектив все же существует как субъект социальных отношений.

Дискуссионным и поныне остается вопрос, относить ли коллективные права к правам человека. Учитывая принятую ранее классификацию коллектива как субъекта наряду с личностью, мы уже не можем отождествлять коллектив и личность. В таком случае спорным будет и отождествление права общности и права человека. Но что есть общность, как не совокупность людей? Каждый из них, находясь в общности, не теряет своих индивидуальных прав, лишь прибавляет к ним коллективные. Собственно, с такой точки зрения коллективные права все же будут правами человека, пусть и реализующимися лишь сообща.

Из наших рассуждений следует, что коллективные права нельзя считать простой суммой индивидуальных прав. Это скорее особая категория прав, возникающих в коллективе и реализуемых коллективом как субъектом общественных отношений. Далее согласимся, что коллективные права являются определенной разновидностью прав человека, а не прав коллектива как отдельного субъекта. Но с оговоркой — человека *коллективного*, входящего в общность.

Коллективные права не должны противоречить индивидуальным, ущемлять или умалять их. Это подтверждается историческим опытом: если коллективное право как-либо ограничивает права отдельного человека, то это неизбежно приводит к социальной нестабильности, кризисам, противоречиям в обществе. Солидаристские права по самой своей природе не могут быть антиобщественными, так как восходят к человеку, являются разновидностью его прав. Ко-

нечно, в чрезвычайных ситуациях, требующих исключительных мер, общность подавляет отдельную личность. Но при этом важно понимать основную цель подобного подавления — защита жизни и здоровья отдельных лиц, когда ее невозможно обеспечить никакими иными методами.

В то же время, как пишет Д.А. Саблин, необходимость непротиворечия коллективных прав индивидуальным «не следует трактовать как утверждение примата эгоистического интереса индивида над интересами общности» [5]. По его мнению, коллективные права должны проходить определенную проверку правами индивидуальными, чтобы затем гармонизировать с ними и способствовать максимально эффективному взаимодействию человека и общества, обеспечивать нормальную жизнедеятельность индивида в социуме. С этим мнением сложно не согласиться, хотя между индивидуальными и солидаристскими правами могут возникать и противоречия в тех или иных исторических ситуациях.

Наличие подобных противоречий может стать одним из факторов, порождающих локальные конфликты, споры о территории, что существенно повышает риски распада государств. Поиск выверенного баланса интересов, отраженного в совокупности коллективных и индивидуальных прав, чрезвычайно важен, поскольку способствует повышению стабильности государства и общества.

Коллективные права прошли определенный путь становления и развития, подчиненный объективному ходу исторического прогресса. Считается, что они сложились после 70-х годов XX века [6] и стали результатом обострения круга глобальных проблем, в том числе экологической.

Формированию коллективных прав способствовали и конфликты прошлого века, в частности Вторая мировая война, по результатам которой очевидной стала необходимость закрепления и защиты так называемых прав меньшинства. В первую очередь это касалось еврейского населения, пострадавшего от холокоста. Права других народов, подвергшихся геноциду, также необходимо было гарантировать.

Тем не менее ошибочно полагать, что коллективные права как таковые не существовали до XX века. Другое дело, что их роль не была столь значительной, чтобы выделять их в отдельную категорию прав. Сама историческая ситуация прошлого столетия показала недостаточность индивидуальных прав человека для определения и защиты прав целых народов [7].

Основную роль в формировании коллективных прав как категории и института на начальном этапе сыграла Организация Объединенных Наций (ООН). Так, положения Устава ООН содержат помимо проче-

го нормы о правах народов. К примеру, в первой статье Устава говорится, что одна из целей, преследуемых ООН, — это «развивать дружественные отношения между нациями на основе уважения принципа равноправия и самоопределения народов, а также принимать другие соответствующие меры для укрепления всеобщего мира» [8].

Принятие Устава ООН стало отправной точкой в развитии нормативного закрепления коллективных прав. Далее последовал ряд международно-правовых актов, связанных с коллективными правами и раскрывающих их более полно. Это такие акты, как Декларация о предоставлении независимости колониальным странам и народам 1960 года, Международный пакт о гражданских и политических правах 1966 года, Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах 1966 года. Каждый из них так или иначе касается солидаристских прав: права на самоопределение, права на распоряжение естественными ресурсами и богатствами, права на развитие. Достаточно обширный перечень коллективных прав был определен в Документе Копенгагенского совещания Конференции по человеческому измерению 1990 года [9], и, вероятно, его можно даже назвать исчерпывающим.

Коллективные права продолжили свое развитие и на региональном уровне. Подтверждением тому являются многочисленные правовые акты, принятые в различных странах и упоминающие права народов. Например, Алжирская всеобщая декларация прав народов 1976 года, Африканская хартия прав человека и народов 1981 года.

В настоящее время формирование коллективных прав продолжается. Они обретают все более тесную связь с другими категориями прав, расширяются, получают развернутое толкование и обеспечиваются. К тому же глобализация способствует возрастанию роли солидаристских прав, потому что сегодня уже сложно говорить об отдельно взятом человеке, отбросив все его национальные, социальные, политические характеристики. Защита коллективных прав в XXI веке не потеряла своего значения, так же как не утеряна важность обеспечения прав первого или второго поколения. Более того, данная категория прав весьма перспективна в контексте развития международного права.

Отметим, что коллективные права представлены не только в международно-правовых актах. Они нашли отражение и в конституциях разных стран, что еще раз подчеркивает их значение для конкретных обществ и государств.

Так, в первой же статье конституции Италии [10] говорится о суверенитете народа. «Республика признает и гарантирует неотъемлемые права чело-

века — как частного лица и как члена общественных объединений», — гласит вторая статья, в соответствии с которой гарантируется защита прав человека не только как индивида, но и как части коллектива, что является одним из критериев выделения солидаристских прав. Также конституция гарантирует защиту языковых меньшинств (ст. 6), охраняет «природу страны, историческое и художественное наследие нации» (ст. 9). Все это свидетельствует о высоком уровне развития и обеспечения коллективных прав в Италии.

Другим примером может послужить Королевство Норвегия [11], конституция которого провозглашает права на благоприятную окружающую среду, на «охрану природной продовольственной продукции и ее многообразие» (ст. 110, b). Более того, в конституции Норвегии отдельно прописана обязанность государства охранять национальную самобытность народа саамов, их язык, культуру и общественную жизнь (ст. 110, a).

Можно найти упоминания солидаристских прав также в конституции Японии [12]. Государственная власть, по конституции Японии, принадлежит народу (ст. 1), а третья глава названа «Права и обязанности народа», где человек рассматривается не только как частное лицо, но и как член общества, часть народа.

Рассматривая вопрос о значении и особенностях коллективных прав, нельзя обойти вниманием Российскую Федерацию, в законодательстве которой содержится немало положений [13], затрагивающих не только индивидуальные, но и солидаристские права человека.

Так, ст. 42 Конституции Российской Федерации признается право каждого на благоприятную окружающую среду. Данное право нельзя однозначно отнести к коллективному или индивидуальному, так как оно реализуется и отдельным лицом, и группой лиц, и обществом в целом. Это прослеживается и при анализе ст. 12, где говорится о местном самоуправлении, которое осуществляется как отдельным человеком в процессе его участия в муниципальных выборах, так и социальной общностью, коллективные интересы которой представляет орган местного самоуправления.

Но есть в Конституции и права, которые можно однозначно отнести к солидаристским. Такими являются, например, право народа на сохранение родного языка (ст. 68), права коренных малочисленных народов (ст. 69), права национальных меньшинств (ст. 71). Сама формулировка статей подразумевает, что данные права предоставлены общности — коренным малочисленным народам, национальным меньшинствам и т.д., то есть эти права могут быть реализованы лишь общностью, которой они адресованы.

Также в контексте недавних поправок к Конституции [14] кратко прокомментируем их для целей данного исследования.

Формулировки, использованные в ряде поправок, к примеру в ч. 2 ст. 67.1, пусть и отражают характеристики, присущие российскому народу, однако отнесены к публично-правовому образованию — Российской Федерации, что следует из грамматического толкования нормы. То есть перспективное с точки зрения солидаристских прав содержание, по нашему мнению, ограничено формой и сугубо декларативно.

В России также действует достаточное количество законодательных актов, развивающих положения Конституции о коллективных правах. Более того, некоторые законы говорят и о других общностях, не упомянутых в Основном законе. Их права также закреплены, соблюдаются и охраняются государством. Речь идет, например, о беженцах и мигрантах.

Таким образом, российское законодательство признает и обеспечивает солидаристские права общностей, состоящих не только из граждан Российской Федерации, но и из иностранных граждан, лиц без гражданства.

В заключение подчеркнем важность глубокого и всестороннего изучения проблемы коллективных прав. Бесспорно, теоретическая проработка данной категории способствует эффективной работе различных международных правозащитных организаций, особенно если их деятельность связана с разрешением таких глобальных задач современности, как миграция, экология, сохранение и поддержание мира.

Нормативное выражение правовых гарантий для той или иной общности, того или иного коллектива должно соответствовать существующим реалиям, быть эффективным и жизнеспособным.

Таким образом, целостное рассмотрение указанной категории позволит усовершенствовать законодательство, расширить понимание прав человека, не ограничивая их лишь индивидуальными.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Варламова Н.В. Классификация прав человека: подходы к проблеме / Н.В. Варламова // Сравнительное конституционное обозрение (Институт права и публичной политики) / 2009. № 4 (71).
2. Сингер Б. Дж. Демократическое решение проблемы этнического многообразия // Вопросы философии. — 1994. — № 6.
3. Конституционное право России: Энцикл. Словарь / Авт.-сост. Г.И. Иванец, И.В. Калинин, В.И. Червонюк. М.: Юр. лит., 2002.
4. Федосенко В.А. Особенности становления и обособления института коллективных прав //

Актуальные проблемы государства и права: сб. материалов Всероссийской научно-практической конференции, 14-15 апреля 2005 года. Новокузнецк: Изд-во НФИ КемГУ, 2005. С. 139–142.

5. Саблин Д.А. Права человека: уч. пособие. Оренбург: ОГУ, 2004.
6. Азаров А.Я., Ройтер В., Хюфнер К. Введение в теорию прав человека. Права человека: Международные и российские механизмы защиты. М.: Московская школа прав человека, 2003.
7. Тузмухамедов Р.А. Права и свободы народов по международному праву // Российский ежегодник международного права. 1993-1994. СПб., 1995. С. 304.
8. Устав Организации Объединенных Наций. — URL: <http://www.un.org/ru/charter-united-nations/index.html>
9. Документ Копенгагенского совещания Конференции по человеческому измерению СБСЕ. Organization for Security and Co-operation in Europe, 29.07.1990. — URL: <https://www.osce.org/ru/odihr/elections/14304>
10. Конституция Итальянской Республики. — URL: <https://worldconstitutions.ru/?p=148>
11. Конституция Норвегии. — URL: <https://worldconstitutions.ru/?p=142>
12. Конституция Японии. — URL: <https://worldconstitutions.ru/?p=37>
13. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993, с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации, 04.07.2020. — URL: <http://www.pravo.gov.ru>
14. Закон РФ о поправке к Конституции РФ от 14.03.2020 № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» // Собрание законодательства РФ. 2020. № 11, ст. 1416.

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ ИСТОЧНИКИ

- Авакьян С.А. Конституционное право России: Учебный курс: учеб. пособие: в 2 т. — 5-е изд., перераб. и доп. М.: Норма: ИНФРА-М, 2014.
- Алебастрова И.А. Конституционализм как правовое основание социальной солидарности. М.: Проспект, 2016.
- Кривоногова М.А. Коллективные права: прошлое, настоящее, будущее // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2010. № 4 (14).
- Лукашук И.И. Международное право. Особенная часть: учеб. для студентов юрид. фак. и вузов (Рос. акад. наук, Ин-т государства и права, Академ. пра-

вовой ун-т). Сер. «Библиотека студента». — Изд. 3-е, перераб. и доп. М.: Волтерс Клувер, 2005.

- Регеда Е.В. К вопросу о правовой сущности института коллективных прав // Бизнес в законе. 2009. № 1.
- Умнова И.А. Конституционное право Российской Федерации: в 2 т. Т. 1. Общая часть: учебник и практикум для бакалавриата и магистратуры. Сер.: Бакалавр и магистр. Академический курс. — М.: Юрайт, 2018.

REFERENCES

1. Varlamova N.V. Klassifikatsiya prav cheloveka: podhody k probleme // Sravnitel'noe konstitucionnoe obozrenie. 2009. No. 4 (71).
2. Singer B.Dzh. Demokraticheskoe reshenie problemy etnicheskogo mnogoobraziya // Voprosy filosofii. 1994. № 6.
3. Konstitucionnoe pravo Rossii: Encikl. slovar' / Avt.-sost. G.I. Ivanec, I.V. Kalinskij, V.I. Chervonyuk. M.: YUrid. lit., 2002.
4. Fedosenko V.A. Osobennosti stanovleniya i obosoblenniya instituta kollektivnykh prav // Aktual'nye problemy gosudarstva i prava. Sbornik materialov Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii, 14-15 aprelya 2005 goda. Novokuzneck: Izd-vo NFI KemGU, 2005. S. 139–142.
5. Sablin D.A. Prava cheloveka: Uchebnoe posobie. Orenburg: OGU, 2004.
6. Azarov A.Ya., Rojter V., Hyufner K. Vvedenie v teoriyu prav cheloveka. Prava cheloveka: Mezhdunarodnye i rossijskie mekhanizmy zashchity. M.: Moskovskaya shkola prav cheloveka, 2003.
7. Tuzmuhamedov R.A. Prava i svobody narodov po mezhdunarodnomu pravu // Rossijskij ezhegodnik mezhdunarodnogo prava. 1993-1994. SPb., 1995. S. 304.
8. Ustav Organizacii Ob"edinennyh Nacij. — URL: <http://www.un.org/ru/charter-united-nations/index.html>
9. Dokument Kopenagagenskogo soveshchaniya Konferencii po chelovecheskomu izmereniyu SBSE // Izdatel': Organization for Security and Co-operation in Europe, 29.07.1990. — URL: <https://www.osce.org/ru/odihr/elections/14304>
10. Konstituciya Ital'yanskoj Respubliki. — URL: <https://worldconstitutions.ru/?p=148>
11. Konstituciya Norvegii. — URL: <https://worldconstitutions.ru/?p=142>
12. Konstituciya Yaponii. — URL: <https://worldconstitutions.ru/?p=37>
13. Konstituciya Rossijskoj Federacii (prinyata vsenarodnym golosovaniem 12.12.1993 s izmeneniyami, odobrennymi v hode obshcherossijskogo golosovaniya 01.07.2020) // Oficial'nyj internet-portal pravovoj informacii, 04.07.2020. — URL: <http://www.pravo.gov.ru>

14. Zakon RF o popravke k Konstitucii RF ot 14.03.2020
No. 1-FKZ "O sovershenstvovanii regulirovaniya
otdel'nyh voprosov organizacii i funkcionirovaniya pu-
blichnoj vlasti" // Sobranie zakonodatel'stva RF. 2020.
No. 11. St. 1416.

ADDITIONAL REFERENCES

- Avak'yan S.A. Konstitucionnoe pravo Rossii. Uchebnyj kurs:
ucheb. posobie: v 2 t. — 5-e izd., pererab. i dop. M.:
Norma: INFRA-M, 2014.
- Alebastrova I.A. Konstitucionalizm kak pravovoe osnovanie
social'noj solidarnosti: monografiya. M.: Prospekt, 2016.
- Krivotogova M.A. Kollektivnye prava: proshloe, nasto-
yashchee, budushchee // Yuridicheskaya nauka i
pravoohranitel'naya praktika. 2010. No. 4 (14).
- Lukashuk I.I. Mezhdunarodnoe pravo. Osobennaya chast':
ucheb. dlya studentov yurid. fak. i vuzov; Ros. akad.
nauk, In-t gosudarstva i prava, Akadem. pravovoj
un-t. — Izd. 3-e, pererab. i dop. Ser. "Biblioteka studen-
ta". M.: Volters Kluver, 2005.
- Regeda E.V. K voprosu o pravovoj sushchnosti instituta
kollektivnyh prav // Biznes v zakone. 2009. No. 1.
20. Umnova I.A. Konstitucionnoe pravo Rossijskoj Federacii:
v 2 t. T. 1. Obshchaya chast': uchebnik i praktikum dlya
bakalavriata i magistratury. Ser.: "Bakalavr i magistr.
Akademicheskij kurs". M.: Izdatel'stvo YUrajt, 2018.

ЦИФРОВЫЕ ПРАВООТНОШЕНИЯ КАК НОВОЕ ЯВЛЕНИЕ ДЛЯ СИСТЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ DIGITAL RELATIONS AS A NEW PHENOMENON FOR THE REGULATORY SYSTEM

Илья Юрьевич ПАЩЕНКО

аппарат Избирательной комиссии Краснодарского
края, Краснодар, Российская Федерация,
ilpa@mail.ru
[https://www.elibrary.ru/author_profile.
asp?authorid=837894](https://www.elibrary.ru/author_profile.asp?authorid=837894),
SPIN-код: 1219-3789

Информация об авторе

И.Ю. Пашенко — главный консультант аппарата Изби-
рательной комиссии Краснодарского края

Аннотация. Исследуется феномен цифровизации в кон-
тексте развития правового регулирования, а также такой
категории, как цифровые правоотношения. Отмечается,
что новеллы законодательства, нацеленные на правовое
оформление развития цифровой экономики в России,
формируют систему принципиально нового типа право-
вых отношений — цифровых правоотношений.

Цифровые правоотношения рассматриваются как
отдельное явление в системе правового регулирования
и как возможная основа для формирования новой отрасли
права. В связи с недостаточностью теоретических научных
изысканий сделано предположение о том, что утверждать
возникновение новой отрасли права преждевременно.

Проанализирована связь цифровых правоотноше-
ний с правовыми отношениями, регулируемые в рам-
ках информационного права. Сделан вывод о том, что
ключевой особенностью содержания цифровых право-
отношений являются нормативные правила в сфере при-
менения цифровых технологий. Информация, которая
подверглась обработке с использованием указанных
технологий, рассматривается в качестве данных в циф-
ровой форме и имеет экономический аспект.

Ключевые слова: информация; информационные
правоотношения; информационное право; цифровое

- право; цифровые технологии; цифровизация; цифровые
- правоотношения; цифровая экономика; правовое регу-
- лирование; теория.

- **Для цитирования:** Пашенко И.Ю. Цифровые право-
отношения как новое явление для системы правового
регулирования // Труды по интеллектуальной собствен-
- ности (Works on Intellectual Property). 2022. Т. 43, № 4.
- С. 00–00; [http://: dx.doi.org.....](http://dx.doi.org/.....)

Ilya Y. PASCHENKO

Election Commission of Krasnodarskiy Kray, Krasnodar,
Russian Federation
ilpa@mail.ru
[https://www.elibrary.ru/author_profile.asp?author-
id=837894](https://www.elibrary.ru/author_profile.asp?author-id=837894)
SPIN-код: 1219-3789

Information about the author

I.Y. Paschenko — chief consultant of the apparatus
of the election commission of Krasnodarskiy Kray

- **Abstract.** The article is devoted to the study of the
phenomenon of digitalization in the context of the
development of legal regulation, as well as such category
as digital legal relations. It is noted that the innovations
of the legislation aimed at the legal formalization of the
development of the digital economy in Russia form a system
of a fundamentally new type of legal relations — digital
legal relations.

- Digital legal relations are considered as a separate
phenomenon in the legal regulation system and as a pos-
sible basis for the formation of a new branch of law. Due
to the lack of theoretical scientific research, it makes the
assumption that it is premature to claim the emergence of a
new branch of law.

The author analyzes the relationship between digital legal relations and legal relations regulated within the framework of information law. It was concluded that the key feature of the content of digital legal relations is the regulatory rules in the field of application of digital technologies. Information that has been processed using these technologies is considered as digital data and has an economic aspect.

Keywords: information; information legal relationship; information law; digital law; digital technologies; digitalization; digital legal relationship; digital economy; legal regulation; theory.

For citation: *Paschenko I.Y. Digital Relations as a New Phenomenon for the Regulatory System // Trudy po Intellektual'noy Sobstvennosti (Works on Intellectual Property). 2022. Vol. 43 (4). P. 00–00; <https://doi.org/>*

- Феномен цифровизации, активно проникающий в различные сферы жизни общества в связи с быстрым
- развитием каналов цифровой связи и выработкой на их основе принципиально новых типов технологий,
- формирует иные условия для развития общественных отношений и права в целом.

Становится все более заметной трансформация привычной системы правоотношений. Активное использование технологий и механизмов электронной среды позволило развиваться отношениям совсем в иной, нематериальной реальности. Средой для развития подобных отношений можно назвать сферы электронной коммерции и документооборота, расширение возможностей функционирования информационных систем различного плана и т.п. [1].

- Тем не менее данные отношения, которые полностью реализуются в электронной среде, не выделены в качестве самостоятельных в теоретическом плане.
- Активное внедрение цифровых технологий лишь усилило определенные тенденции развития общества, позволяющие задуматься о разграничении правоотношений, осуществляющихся в фактической среде
- и в электронном формате. Как следствие заметны не только различия, но и определенный синергетический эффект, обусловленный взаимопроникновением и выработкой устойчивых связей между двумя системами
- на практике.

В научной литературе не удалось обнаружить выработанную и устоявшуюся классификацию правоотношений, которая учитывает среду взаимодействия субъектов и четко разграничивает объекты в связи с их фактической природой происхождения, обусловленной уровнем развитием общественных отношений. Тем не менее в современных исследованиях все чаще встречается такая категория ограниченно урегулированных на текущий момент нормами права общественных отношений, как цифровые правоотношения [2]. Комплексные теоретические разработки по вопросам выработки критериев для выделения из общей системы цифровых правоотношений практически отсутствуют, что, во-первых, связано с недостаточным объемом нормативно-правового регулирования, а во-вторых, обусловлено отсутствием достаточных методологических разработок для фор-

мально-юридического подхода в вопросах цифровизации как явления общественной жизни на нынешнем этапе. Предпринимаются некоторые попытки выделения цифровых правоотношений на базе цифрового права [3].

Не менее актуальна для науки проблема формирования новой отрасли права — цифрового права. Серьезные попытки выделения подобной отрасли предпринимаются современным научным сообществом. Формируются исследовательские подходы, основанные не на формально-юридической, а на объективно-правовой и ситуативной сторонах правового воздействия, что обусловлено расширяющимся опытом цифровой виртуальной коммуникации субъектов [4].

Размышляя о выделении цифровых правоотношений в самостоятельную группу, необходимо определить их специфику, в частности содержание. В теории права выработан достаточно убедительный взгляд на существо содержания правоотношения, при этом он не лишен дискуссионного аспекта с учетом специфики общественного развития. Под содержанием правоотношения принято рассматривать конкретизированную форму выражения абстрактного юридического содержания реализуемой нормы объективно-го права [5].

В теоретическом плане для изначального выделения данной разновидности правоотношений, названных цифровыми, необходимо определить объект и предмет. Кроме того, нельзя не отметить, что для цифровых правоотношений важное значение приобретает субъект, имеющий особый статус. Указанный статус определяется рамками регулирования, но зависит от особенностей требуемого поведения и практики взаимоотношений сторон.

Фактически к цифровым правоотношениям можно отнести значительный объем уже сложившихся и постепенно складывающихся правоотношений, основанных на правовых нормах, которые нацелены на регулирование информации, передающейся по цифровым каналам связи. При этом цифровые правоотношения в самом общем виде не имеют четко выраженной отраслевой принадлежности. Их сущность можно определить лишь на конкретном примере и исходя из источника закрепления правовой нормы.

Информация, передаваемая по цифровым каналам связи, обрабатывается с помощью различных цифровых технологий. Регулирование процесса и результатов использования технологий может быть выполнено широким спектром отраслей.

Вместе с тем подобный подход ведет к возникновению другой научной проблемы теоретического плана, поскольку правовое регулирование информации формирует основу для отрасли информационного

права. Одним из элементов триады предметов информационного права выступает информация с учетом разнообразия форм ее проявления и формируемых на этой основе информационных ресурсов [6]. К гармоничному разрешению данной спорной ситуации можно прийти, если рассматривать цифровое право в качестве системы (совокупности правовых норм), включающей в себя правила регулирования аспектов и механизмов применения цифровых технологий, а не информации и соответствующих каналов связи.

Перспективность данного подхода обусловлена тем, что каналы связи, как и развивающиеся современные технологии, находятся в динамичном состоянии — они изменяются и определенно будут совершенствоваться в будущем с различной скоростью. Кроме того, информация, передаваемая по каналам цифровой связи, приобретает измененный цифровой вид, а результаты обработки такой информации приобретают и представляют экономический интерес. Однако сущностная характеристика информации для права как предмета регулирования не изменяется. На текущий момент утверждать, что формируется цифровое право как отрасль права, можно лишь с определенной долей условности, но более уверенно можно говорить о предпосылках ее возникновения.

Более обстоятельно представляется возможным говорить о существовании цифровых отношений, поскольку они уже сегодня выстраивают тесную смежную систему внутренних связей между отраслями частного и информационного права.

Если цифровые правоотношения основаны на применении соответствующего типа технологий, то все иные отношения, не отвечающие подобному критерию и отражающие исключительно материальный мир, не являются цифровыми. Для них цифровая среда не выступает фактором, определяющим развитие.

Как отмечается в научной литературе, механизмы правового регулирования отношений, складывающихся по вопросам использования цифровых технологий, имеют приоритетное значение для Российской Федерации [7]. Потребность в исследовании возможностей применения правовых норм в связи с развитием технологий объясняется другим феноменом эволюции общественного развития — появлением цифровой экономики. Российская Федерация, как и многие другие государства, выбирая данный вектор развития, стремится выработать свою собственную систему эффективного нормативного регулирования. Однако особенности применения норм, т.е. практический аспект права, невозможно проработать без четкого ассоциативного теоретического основания.

Попытки создания механизмов правового регулирования цифровых отношений в условиях постро-

ения цифровой экономики на текущий момент не отвечают должным образом таким важным критериям правотворчества и правоприменения, как системность и последовательность [8]. Особенно наглядно это можно обнаружить на уровне дробления отраслей права на частные и публичные. Одни направления (подотрасли) в рамках частных отраслей оказываются более открытыми для восприятия феномена цифровизации, например как предпринимательское право. Другие отрасли вынужденно приобретают защитные механизмы против цифровизации, как в случае с наследственным правом. Публичные отрасли права в данном случае выступают менее заметным маркером, однако и они не лишены проблем в связи с развитием новой разновидности правоотношений.

Отметим, что цифровизация фактически позволяет более уверенно сделать вывод о том, что виртуальный (искусственный) мир все активнее проникает в сферу отношений традиционного уклада материального плана. Отвечая на вызовы общественного развития, право, будучи эффективным общественным регулятором, способно выделить новую категорию правоотношений, которые имеют цифровую природу. Подобные отношения возникают в программной среде, которая не только формирует определенные возможности для восприятия тенденций общественного развития, но и свидетельствует о достаточно высоком уровне прогресса цивилизации. Примечательно, что катализатором такого процесса выступил процесс передачи и обработки информации, т.е. возникновение новых способов работы с информацией. Именно поэтому информация в условиях цифровизации общественной жизни приобретает первостепенное значение, как и в цифровой экономике.

В научных исследованиях особо подчеркивается, что существует необходимость модернизации правовых подходов к урегулированию новых общественных отношений [9]. Указанное в равной мере актуально для системы цифровых правоотношений, которые формируют надежный фундамент для нового этапа общественного развития, учитывают перспективные потребности в обеспечении информационной безопасности и этики использования информации в современных условиях.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Цифровая экономика: глобальные тренды и практика российского бизнеса / отв.ред. Д.С. Медовников. М.: НИУ ВШЭ, 2018.
2. Тумаков А.В., Петраков Н.А. Развитие цифровых правоотношений в современных реалиях // Вестник Московского университета МВД России. 2019. № 2.

3. Головкин Р.Б., Амосова О.С. «Цифровые права» и «цифровое право» в механизмах цифровизации экономики и государственного управления // Вестник Владимирского юридического института. 2019. № 2.
4. Цифровое право: учебник / М.А. Егорова, В.В. Блажеев, А. Дюфло и др.; под общ. ред. В.В. Блажеева, М.А. Егоровой. М: Проспект, 2020.
5. Нерсисянц В.С. Общая теория права и государства: учебник для вузов. М.: НОРМА — ИНФРА-М, 1999.
6. Бачило И.Л. Информационное право: учебник, 2-е изд. М: Юрайт, 2011.
7. Минбалева А.В. Модели регулирования цифровых отношений // Проблемы и вызовы цифрового общества: тенденции развития правового регулирования цифровых трансформаций: сб. науч. трудов по материалам I Международной научно-практической конференции. Саратов, 2019.
8. Румянцев М.Б. Правотворчество в Российской Федерации. Чебоксары: Среда, 2019.
9. Полякова Т.А. Проблемы и вызовы цифровой трансформации и тенденции правового обеспечения информационной безопасности // Проблемы и вызовы цифрового общества: тенденции развития правового регулирования цифровых трансформаций: сборник научных трудов по материалам I Международной научно-практической конференции. Саратов, 2019.

REFERENCES

1. Cifrovaya ekonomika: global'nye trendy i praktika rossijskogo biznesa / otv.red. D.S. Medovnikov. M.: NIU VSHE, 2018.
2. Tumakov A.V., Petrakov N.A. Razvitie cifrovyyh pravootnoshenij v sovremennyh realiyah // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. 2019. No. 2.
3. Golovkin R.B., Amosova O.S. "Cifrovye prava" i "cifrovoe pravo" v mekhanizmah cifrovizacii ekonomiki i gosudarstvennogo upravleniya // Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta. 2019. No. 2.
4. Cifrovoe pravo: uchebnik / M.A. Egorova, V.V. Blazheev, A. Dyuflo i dr.; pod obshch. red. V.V. Blazheeva, M.A. Egorovoj. M: Prospekt, 2020.
5. Nersesyanc V.S. Obshchaya teoriya prava i gosudarstva. M, 1999.
6. Bachilo I.L. Informacionnoe pravo: uchebnik. — 2-e izd. M: Yurajt, 2011.
7. Minbaleev A.V. Modeli regulirovaniya cifrovyyh otnoshenij // Problemy i vyzovy cifrovogo obshchestva: tendencii razvitiya pravovogo regulirovaniya cifrovyyh transformacij: sbornik nauchnyh trudov po materialam I Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii. Saratov, 2019.

8. *Rumyancev M.B.* Pravotvorchestvo v Rossijskoj Federacii: monografiya. Cheboksary: Sreda, 2019.
9. *Polyakova T.A.* Problemy i vyzovy cifrovoj transformacii i tendencii pravovogo obespecheniya informacionnoj bezopasnosti // Problemy i vyzovy cifrovogo obshchestva: tendencii razvitiya pravovogo regulirovaniya cifrovyh transformacij: sbornik nauchnyh trudov po materialam I Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii. Saratov, 2019.

ПАЛАТА ПО ДОМЕННЫМ СПОРАМ В РОСПАТЕНТЕ:

ПОЧЕМУ БЫ И НЕТ?¹

DOMAIN NAME DISPUTE RESOLUTION CHAMBER IN ROSPATENT.

WHY NOT?

Антон Геннадьевич СЕРГО

Российская государственная академия интеллектуальной собственности, Москва, Российская Федерация,
mail@internet-law.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-9685-9607>

Татьяна Геннадьевна СУСАЛЁВА

ООО «КЛОВЕРМЕД», Москва, Российская Федерация,
susalyova.juriste@mail.ru, jurist@clovermed.ru,
<https://orcid.org/0000-0003-3779-7642>

Информация об авторах

Серго А.Г. — доктор юридических наук, профессор кафедры авторского права, смежных прав и частноправовых дисциплин ФГБОУ ВО «Российская государственная академия интеллектуальной собственности»; профессор кафедры интеллектуальных прав ФГБОУ ВО «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина»; президент юридической фирмы АНО «Интернет и Право»; ассоциированный член кафедры ЮНЕСКО по авторскому праву, смежным, культурным и информационным правам Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»
Сусалёва Т.Г. — юрисконсульт ООО «КЛОВЕРМЕД»; медиатор, член Союза профессиональных медиаторов «М2В»

Аннотация. Рассмотрена возможность, необходимость и целесообразность создания в Российской Федерации Палаты по доменным спорам как квазисудебного органа в структуре Федеральной службы по интеллектуальной собственности (Роспатент). Предпринята попытка выявить основные преимущества деятельности Палаты по доменным спорам, определить полномочия Палаты

- при формировании системы разрешения споров в сфере доменных имен и установить принципы ее функционирования. Рассмотрен вопрос наличия или отсутствия противоречия деятельности Палаты по доменным спорам существующим нормативно-правовым актам.

- Выдвинут тезис о том, что в условиях стремительного изменения законодательства Российской Федерации как в области интеллектуальной собственности и средств индивидуализации, так и в области регулирования деятельности по регистрации и использованию доменных имен учреждение Палаты по доменным спорам и установление обязательного порядка досудебного рассмотрения в ней доменных споров будут способствовать адекватной защите прав и законных интересов правообладателей средств индивидуализации и администраторов доменных имен, а также снижению нагрузки на российскую судебную систему.

- **Ключевые слова:** доменный спор; квазисудебный орган; Палата по доменным спорам; Роспатент

- **Для цитирования:** Серго А.Г., Сусалёва Т.Г. Палата по доменным спорам в Роспатенте. Почему бы и нет? // Труды по интеллектуальной собственности (Works on Intellectual Property). 2022. Т. 43, № 4. С. 26–42; <http://dx.doi.org/.....>

Anton G. SERGO

Russian State Academy of Intellectual Property, Moscow, Russian Federation,
mail@internet-law.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-9685-9607>

Tatiana G. SUSALYOVA

CLOVERMED LLC, Moscow, Russian Federation,
susalyova.juriste@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0003-3779-7642>

¹ Работа выполнена в рамках НИР «Развитие альтернативных систем урегулирования споров в сфере интеллектуальной собственности на примере доменных имен» № 4-ГЗ-2021.

Information about the authors

A.G. Sergo — Doctor of Legal Sciences, Professor, Professor of the Department of Copyright, Related Rights and Private Law Disciplines of the Russian State Academy of Intellectual Property; Professor of the Department of Intellectual Rights of the O.E. Kutafin' Moscow State Law University; President of the legal firm "Internet and Law"; associated fellow of the UNESCO Chair on Copyright, Neighboring, Cultural and Information Rights at the National Research University "Higher School of Economics"

T.G. Susalyova — legal adviser, CLOVERMED LLC; mediator, member of the Union of Professional Mediators "M2B"

Abstract. The article considers the possibility, necessity and reasonability of creating the Chamber for Domain Disputes in the Russian Federation as a quasi-judicial entity in the structure of the Federal Service for Intellectual Property. The authors attempt to identify the main advantages of the activities of the Chamber for domain disputes, to determine the powers of the Chamber in the formation of a domain name dispute resolution system and to establish the principles of its functioning. The issue of the presence or absence of a contradiction between the activity of the Chamber for Domain Disputes and existing regulatory legal acts is being considered.

The thesis is put forward that in the conditions of rapid changes in the legislation of the Russian Federation both in the field of intellectual property and means of individualization, and in the field of regulating the registration and use of domain names, the establishment of the Chamber for Domain Disputes and the establishment of an obligatory procedure for pre-trial consideration of domain disputes will promote adequate protection of the rights and legitimate interests of the right holders of means of individualization and domain name administrators, as well as reducing the burden on the Russian judicial system.

Keywords: domain dispute; quasi-judicial entity; Chamber for Domain Disputes; Rospatent

For citation: Sergo A.G., Susalyova T.G. Domain Name Dispute Resolution Chamber in Rospatent. Why Not? // Trudi po Intellektualnoy Sobstvennosti (Works on Intellectual Property). 2022. Vol. 43 (4). P. 26–42; <https://doi.org/>

Древние греки считали, что в возрасте с 30 до 40 лет человек достигает вершины своего развития, своего акме, становится готовым к великим свершениям, подвигам и достижениям. Система доменных имен² и отношения, с ней связанные, как раз достигли возраста акме. В российской правовой среде предсказуемо существуют ожидания, что регулирование отношений в сфере доменных имен или хотя бы в сфере доменных споров между правообладателями средств индивидуализации и администраторами доменных имен выйдет на новый правовой уровень, приобретет такие характеристики, как прозрачность и предсказуемость; ожидания, что правоведы перестанут теоретизировать по поводу существующих в мире систем регулирования доменных споров и в нашей стране будет выстроена своя эффективная система, способная быстро и эффективно реагировать на нарушения исключительных прав правообладателей различных средств индивидуализации, защищать права добросовестных администраторов доменных имен, снизить нагрузку на российские суды, придать прочность и предсказуемость конструкции экономических отношений, связанных с доменными именами.

Тем более это актуально в условиях, когда после пандемии 2020 года рынок онлайн-услуг, онлайн-магазинов, онлайн-развлечений и даже онлайн-образования многократно вырос, в условиях, когда развитие получают уже децентрализованные доменные имена, а товарные знаки регистрируются на нескачиваемые онлайн-виртуальные товары и NFT (42-й класс МКТУ), услуги розничных магазинов, продающих виртуальные товары (35-й класс МКТУ), и другие новые категории товаров и услуг с расчетом защитить их в Метавселенной [1], пока еще чуждой российскому праву.

Между тем в условиях, когда «нужно бежать со всех ног, чтобы только оставаться на том же месте, и бежать вдвое быстрее, чтоб попасть в место другое» [2] российские субъекты отношений в сфере доменных имен в доменных зонах .RU, .РФ, .SU сегодня,

² Система доменных имен (Domain Name System — DNS) — компьютерная распределительная система для получения информации о доменах.

как и 30 лет назад, не имея альтернативных способов разрешения доменных споров, таких как, например, процедура UDRP [3] или ее аналоги [4], вынуждены ориентироваться на судебную систему Российской Федерации. Безусловно, судебное разрешение спора имеет положительные стороны, такие как широкие возможности по формулированию объема требований и объектам защиты, наличие у суда полномочий на истребование и проверку доказательств, возможность признания судебных решений за пределами Российской Федерации в соответствии с Конвенцией [5] и двухсторонними соглашениями [6], возможность применения процедур принудительного исполнения в соответствии с действующими нормами об исполнительном производстве и некоторые другие. Немаловажную роль, кроме того, играет нормативная урегулированность судебного способа разрешения спора по сравнению с неприменимой в настоящее время в национальных доменных зонах .RU, .РФ, .SU процедурой UDRP, основанной на Единой политике разрешения споров о доменных именах (Uniform Domain Name Dispute Resolution Policy (UDRP) [7], далее — Политика, UDRP) и Правилах Единой политики разрешения споров о доменных именах (Rules for Uniform Domain Name Dispute Resolution Policy [8], далее — Правила). Однако указанные плюсы могут нивелироваться высокой загруженностью российских судов, длительными сроками рассмотрения в том числе элементарных судебных дел, сложностями исполнения судебных решений и т.п.

Безусловно, за почти три десятка лет российские суды достигли существенного прогресса в рассмотрении доменных споров и переняли ряд международных правовых позиций по разрешению таких споров, в то же время остались и неурегулированные судебной практикой вопросы [9]. Правообладатели, администраторы и регистраторы доменных имен, юристы и судьи с замиранием сердца следят за развитием остросюжетной драмы о противостоянии правообладателей и «домейнеров» и не всегда успевают за крутыми поворотами этого сюжета: какое значение в настоящее время имеет дата регистрации доменного имени по сравнению с датой регистрации средства индивидуализации? Есть ли у правообладателя неиспользуемого товарного знака достойный защиты правовой интерес? Когда запрет на использование товарного знака в доменном имени может быть абсолютным, а когда ограниченными классами МКТУ [10], в отношении которых получена правовая охрана обозначения? Можно ли требовать аннулировать регистрацию доменного имени? Возможна ли передача доменного имени правообладателю товарного знака по решению суда? Поможет ли сохранить доменное

имя отсутствие конкурентных отношений между администратором доменного имени и правообладателем средства индивидуализации? Угрожает ли владельцу доменного имени наличие комбинированного товарного знака со сходным до степени смешения словесным элементом? Все это вопросы, ответы на которые могут быть диаметрально противоположными в решениях разных судов или тех же судов в решениях разных лет.

Арбитражные суды первой и второй инстанции не всегда моментально подхватывают меняющуюся судебную практику высших судов, в результате чего на сегодняшний день наблюдается высокий процент доменных споров, которые на уровне кассационной инстанции возвращаются на пересмотр. Так, в 2021 году Суд по интеллектуальным правам по спорам о запрете использования в доменных именах товарных знаков более чем в 30% случаев принял решение о передаче дела на новое рассмотрение. И это с учетом того, что в юридической среде признается «традиционно более высокий уровень профессионализма арбитражных судей в вопросах интернета» [11], а следовательно, должен быть более высокий уровень единообразия судебной практики по доменным спорам и низкий процент пересмотра принятых судебных актов. Между тем очевидно, что российское законодательство об интеллектуальной собственности стоит на пороге очередных глобальных изменений, которые могут в том числе негативно повлиять на хрупкую судебную практику по доменным спорам.

С 29 июня 2023 года право на товарный знак или знак обслуживания сможет зарегистрировать любое физическое лицо [12]. Может ли это изменить позицию Верховного Суда Российской Федерации по вопросу подсудности споров в отношении средств индивидуализации [13]? Может ли это означать, что споры о нарушении прав на товарные знаки и знаки обслуживания, в том числе доменные споры, могут быть переданы на рассмотрение в суды общей юрисдикции? Сохранит ли в таком случае Суд по интеллектуальным правам свой статус суда кассационной инстанции при рассмотрении подавляющего большинства доменных споров? В настоящее время все это находится в зоне неизвестности, но можно предположить, что количество споров о нарушении исключительных прав на товарные знаки и знаки обслуживания, включая их нарушение при регистрации или использовании доменных имен, будет возрастать по мере роста количества правообладателей — физических лиц, увеличивая судебную нагрузку и, вероятно, уменьшая качество принятых решений. Ведь как верно указывал А.С. Мамыкин еще в 2016 году, «при “конвейерном” правосудии невозможно говорить об удовлетворении интересов

субъектов права в скором, правом и справедливом разрешении юридических конфликтов» [14].

В свете указанного встает вопрос о поиске вариантов решений, позволяющих избежать негативных явлений при рассмотрении доменных споров.

Председатель Совета судей РФ Виктор Момотов в докладе на пленарном заседании Совета судей РФ 24 мая 2022 года подчеркнул: «... Одной из главных целей реформирования судебной системы по-прежнему является снижение нагрузки на судей и работников аппарата суда... с одновременным перераспределением нагрузки, введением новых должностей и разделением функций... и, конечно, требуется совершенствование судебной системы в части процессуального законодательства, а именно: ограничение применения договорной подсудности, расширение применения досудебного, внесудебного порядка разрешения конфликтов, развитие примирительных процедур, оптимизация целого ряда процессуальных действий, расширение количества дел, рассматриваемых в порядке приказного и упрощенного производства» [15].

Авторы согласны с тем, что применение внесудебного порядка рассмотрения споров и применение квазисудебных процедур их разрешения может положительно повлиять на судебную систему Российской Федерации. Более того, мы считаем, что в части рассмотрения возникающих доменных споров Россия как никогда готова к переходу к более эффективному, качественному и доступному разрешению споров путем применения альтернативных и квазисудебных процедур.

Авторы ранее уже перечисляли возможные варианты организации системы разрешения доменных споров в Российской Федерации [16], одним из которых может являться учреждение административного органа рассмотрения доменных споров — Палаты по доменным спорам при Федеральной службе по интеллектуальной собственности (далее — ПДС при Роспатенте).

ПДС при Роспатенте, по нашему мнению, может стать даже органом обязательного досудебного разрешения доменных споров в узком классическом их значении³ в отношении доменных имен национальной доменной зоны [17], вобрав в себя многие преимущества квазисудебного органа. Воспринимая «квазисудебность» в положительном ее смысле как «вспомогательное судебным механизмам явление» [18], к таким преимуществам можно отнести:

- рассмотрение узкой категории споров, позволяющее установить умеренную нагрузку на «квази-судей»;
 - рассмотрение спора специалистами в сфере соответствующих общественных отношений, обладающими профессиональным опытом и специальными знаниями в близкой к предмету спора сфере, позволяющее повысить качество выносимых решений;
 - возможность установить менее высокие требования к предъявляемым процессуальным документам, использовать «формы для заполнения», позволяющие повысить доступ к «правосудию» субъектам права и уменьшить расходы участников процесса на привлечение профессиональных защитников;
 - применение принципов состязательности, непосредственности, гласности и открытости при рассмотрении дел [19];
- отсутствие требований о наличии высшего юридического образования у представителя сторон спора;
- соблюдение жестких сроков рассмотрения обращения/жалобы;
- отсутствие необходимости возмещать расходы второй стороны в случае неудовлетворения требований, указанных в обращении;
- возможность установления иных правил взимания пошлины за рассмотрение спора по сравнению с установленными действующим процессуальным законодательством;
 - возможность подачи обращения через онлайн-сервисы, в том числе через сервисы ЕСИА и портал «Госуслуги» и др.

Российская Федерация как в прошлом, так и в настоящем имеет опыт создания и функционирования квазисудебных органов по разрешению специальных категорий споров. Так, с 1993 по 2000 год в России успешно действовала Судебная палата по информационным спорам при Президенте Российской Федерации [20] (далее — Судебная палата). В ее компетенцию входили дела, «возникающие в сфере деятельности средств массовой информации, кроме тех, которые отнесены законом к юрисдикции судов Российской Федерации, норм журналистской этики, в части, касающейся средств массовой информации, а также вытекающих из требований общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации» [21]. Созданная для обеспечения прав и свобод в сфере массовой информации Судебная палата обеспечивала соблюдение как прав граждан на получение ими объективной и достоверной информации, так и прав редакций СМИ на пе-

³ Доменные споры — споры правообладателей традиционных средств индивидуализации к владельцам доменов по поводу нарушения последними исключительных прав правообладателей при регистрации и/или регистрации доменного имени.

редачу общественно значимой информации, а также защиту от ограничений прав журналистов по признакам дискриминационного характера. Решения Судебной палаты являлись окончательными и должны были быть исполнены государственными органами в двухнедельный срок с момента принятия.

Интересными примерами квазисудебных органов, которые действуют в Российской Федерации в настоящее время и эффективные инструменты которых можно учесть при создании ПДС при Роспатенте, по мнению авторов, являются институт финансового омбудсмена, функционирующий на территории нашей страны с 2019 года на основании Федерального закона «Об уполномоченном по правам потребителей финансовых услуг» [22] в качестве обязательного досудебного органа разрешения ряда споров потребителей финансовых услуг к финансовым организациям, оказавшим им финансовые услуги, и Палата по разрешению споров Российского футбольного союза (РФС), учрежденная на основании ч. 1 ст. 36.5 Федерального закона «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» [23], действующая в качестве обязательного досудебного органа в соответствии с Регламентом РФС по разрешению споров [24].

Указанные органы не входят в судебную систему Российской Федерации и не относятся к исполнительной власти, но являются органами обязательного досудебного разрешения споров, возникающих из специфических правоотношений; без соблюдения этой процедуры невозможно обратиться за судебной защитой. Более того, решения уполномоченного по правам потребителей финансовых услуг о взыскании денежных средств с финансовой организации являются основанием для принудительного исполнения решения омбудсмена службой судебных приставов, то есть решение «органа негосударственной спорной гражданской юрисдикции» [25] обеспечены силой государственного принуждения [22]. Возникновение таких квазисудебных органов, по мнению авторов, связано со стремительными изменениями в системе регулирования соответствующих сфер жизни общества и государства, отраслей экономической деятельности, например финансовой системы и страховой отрасли [26], и потребностью адекватной правовой защиты прав и законных интересов субъектов особых общественных отношений, споры по поводу которых требуют привлечения квалифицированных специалистов, обладающих специальными знаниями.

Сегодня же мы наблюдаем в Российской Федерации трансформацию системы прав на объекты интеллектуальной собственности и средства индивидуализации, а также создание национальной системы регулирования отношений по поводу регистрации

доменных имен и разрешения доменных споров [27, 28]. Это делает не просто актуальным, но и остро необходимым создание эффективной системы разрешения доменных споров, одним из инструментов которой может стать отдельный орган обязательного досудебного разрешения споров о доменных именах — ПДС при Роспатенте.

Авторам представляется обоснованным создание квазисудебного органа разрешения доменных споров в структуре Федеральной службы по интеллектуальной собственности (далее — Роспатент) для непосредственного очного рассмотрения споров между правообладателями средств индивидуализации (а в перспективе и объектов интеллектуальной собственности) и администраторами доменных имен о запрете использования средств индивидуализации в доменном имени, а в перспективе и о выплате ограниченной компенсации за незаконное использование средств индивидуализации в доменном имени. По мере дальнейшего развития межгосударственного сотрудничества в Евразийском регионе такой орган сможет функционировать при Евразийской патентной организации.

Источником существования такого органа может быть не столько бюджет, сколько иные поступления, причем не только пошлина за рассмотрение спора, но и платежи организаций, работающих на рынке регистрации и использования доменов, как это принято для финансовых организаций, осуществляющих платежи в пользу Службы уполномоченного по правам потребителей финансовых услуг.

Не будет искажением действительности утверждение, что при рассмотрении доменных споров в узком их значении суд в большей степени уделяет внимание таким категориям, как исключительное право на средство индивидуализации, приоритет товарного знака или знака обслуживания, классы Международной классификации товаров и услуг (МКТУ), в отношении которых предоставлена правовая охрана средству индивидуализации, наличие или отсутствие сходства до степени смешения между доменным именем и средством индивидуализации, однородность товаров и услуг сторон спора, и в меньшей степени — техническим аспектам функционирования системы доменных имен. Из этого можно сделать вывод, что в состав органа, разрешающего доменные споры, в основном должны входить специалисты в области интеллектуальной собственности, а не сферы информации и информационных технологий.

Следовательно, логично и обоснованно на данный момент учреждение ПДС непосредственно при Роспатенте — федеральном органе исполнительной власти, осуществляющем функции по правовой за-

щите интересов государства в процессе экономического и гражданско-правового оборота результатов научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ военного, специального и двойного назначения, по контролю и надзору в сфере правовой охраны и использования результатов интеллектуальной деятельности, а также по контролю и надзору в установленной сфере деятельности и оказанию государственных услуг, в сфере правовой охраны изобретений, полезных моделей, промышленных образцов, программ для электронно-вычислительных машин, баз данных и топологий интегральных микросхем, товарных знаков, знаков обслуживания, географических указаний, наименований мест происхождения товаров [29]. Это объясняется несколькими причинами.

Во-первых, Роспатент, согласно Постановлению Правительства Российской Федерации «О Федеральной службе по интеллектуальной собственности» [29], обладает достаточными полномочиями для создания и функционирования органа по рассмотрению доменных споров. Так, в соответствии с п. 6.3 и п. 6.4 указанного Постановления Правительства Роспатент вправе создавать совещательные и экспертные органы (советы, комиссии, группы, коллегии) в установленной сфере деятельности и пресекать факты нарушения законодательства Российской Федерации в установленной сфере деятельности, а также применять предусмотренные законодательством Российской Федерации меры ограничительного, предупредительного и профилактического характера, направленные на недопущение и (или) ликвидацию последствий нарушений юридическими лицами и гражданами обязательных требований в установленной сфере деятельности.

Во-вторых, Роспатент имеет без преувеличения самый существенный в Российской Федерации опыт подбора специалистов в сфере интеллектуальной собственности, обладающих знаниями соответствующей области законодательства, а также опыт в обучении и аттестации квалифицированных кадров в соответствующей сфере.

В-третьих, Роспатент является органом, уполномоченным обобщать практику применения законодательства Российской Федерации об интеллектуальной собственности, готовить предложения по совершенствованию законодательства Российской Федерации в установленной сфере, давать юридическим и физическим лицам разъяснения по вопросам, отнесенным к сфере интеллектуальной собственности, что свидетельствует о высокой компетенции Роспатента при рассмотрении вопросов, связанных с интеллектуальной собственностью и средствами индивидуализации.

В-четвертых, в силу предоставленных Роспатенту полномочий он обладает опытом создания и регулирования деятельности Палаты по патентным спорам [30] — органа по рассмотрению и разрешению в административном порядке споров, возникающих в связи с защитой интеллектуальных прав в отношениях, связанных с подачей и рассмотрением заявок на выдачу патентов на изобретения, полезные модели, промышленные образцы, товарные знаки, знаки обслуживания, географические указания и наименования мест происхождения товаров, с государственной регистрацией этих результатов интеллектуальной деятельности и средств индивидуализации, с выдачей соответствующих правоустанавливающих документов, с оспариванием предоставления этим результатам и средствам правовой охраны или с ее прекращением.

Такой опыт, безусловно, может стать стержнем при учреждении Палаты по доменным спорам, создании эффективных механизмов ее работы и подготовке системы документов, регулирующих деятельность нового органа досудебного разрешения споров, возникающих между правообладателями средств индивидуализации и администраторами доменных имен.

При этом с учетом того, что споры, которые могут рассматриваться в ПДС при Роспатенте, будут связаны с исключительными правами на средства индивидуализации и имущественными правами администраторов доменных имен, но не будут истекать из предполагаемого нарушения Роспатентом прав и законных интересов сторон спора, исключается вероятность возникновения традиционной ситуации, свойственной альтернативному прекращению публичного спора, когда орган, в досудебном порядке рассматривающий спор, в определенной степени является стороной этого спора и должен обладать полномочиями по выработке взаимоприемлемого для обеих сторон решения по своему усмотрению, т.е. допускать «уступки» в правоприменительной деятельности [31].

Возвращаясь к компетенции ПДС при Роспатенте, авторы склонны ограничить ее требованиями о запрете использования обозначений, сходных до степени смешения со средствами индивидуализации в доменном имени российской национальной доменной зоны. Данное требование правообладателей наиболее часто встречается в судебной практике и в большинстве случаев касается вопросов факта, а не вопросов права, что делает его наиболее востребованным, а спор в определенной степени элементарным.

В дальнейшем возможно расширение компетенции и рассмотрение вопросов о выплате компенсации за незаконное использование обозначений, сходных до степени смешения со средствами индивидуализации в доменных именах российской национальной

доменной зоны, в размере, не превышающем 500 тыс. рублей. Согласно ст. 1515 Гражданского кодекса Российской Федерации [32], размер требования правообладателя к нарушителю применительно к доменному спору может достигать 5 млн рублей или двукратного размера стоимости права использования товарного знака. В то же время в большинстве судебных споров размер удовлетворенных судом требований о компенсации за нарушение права на товарный знак или знак обслуживания не превышает 500 тыс. рублей. В связи с этим авторы полагают, что расширение полномочий ПДС при Роспатенте по присуждению компенсации за нарушение прав на средства индивидуализации при регистрации и/или использовании доменного имени сверх указанного размера нецелесообразно.

Говоря о необходимости создания ПДС при Роспатенте и о компетенции нового, не входящего в судебную систему Российской Федерации органа, уполномоченного принимать решения, способные ограничить право администратора использовать доменное имя, а возможно, и ведущие к утрате права на него, невозможно обойти дискуссионный вопрос о правовой природе самого доменного имени и судебной гарантии неприкосновенности частной собственности, предоставленной ст. 35 Конституции Российской Федерации [33], а также вытекающих из нее норм.

Как известно, с момента появления системы доменных имен правовое сообщество начало поднимать вопрос о месте доменного имени в системе объектов гражданских прав. Высказывались различные точки зрения, ключевые из которых — что доменное имя является услугой, предоставляемой по договору [34], бестелесным имуществом (имущественным правом) [35] или средством индивидуализации [36–39].

В обстоятельствах, когда точное место доменного имени в системе объектов гражданских прав не определено, сторонники позиции, что доменное имя есть не что иное, как бестелесное имущество или имущественное право, могут, руководствуясь ч. 3 ст. 35 Конституции Российской Федерации, выступать против создания ПДС при Роспатенте ввиду нелегитимности будущих решений квазисудебного органа обязательного досудебного разрешения доменных споров. Согласно ч. 3 ст. 35 Конституции Российской Федерации, никто не может быть лишен своего имущества иначе, как по решению суда. Эта норма, часто трактуемая однозначно, не раз становилась предметом рассмотрения Судом по интеллектуальным правам в делах об оспаривании решений Роспатента о лишении лица исключительного права на товарный знак в административном порядке [40]. Между тем вопрос судебной гарантии неприкосновенности имущества при принятии решения о судьбе имущества в адми-

нистративном порядке был исследован Конституционным судом Российской Федерации еще в 2003 году. Согласно тексту Определения Конституционного суда Российской Федерации от 2 октября 2003 года № 393-О: «... При оценке соотношения правила, закрепленного оспариваемым положением Закона Российской Федерации “О товарных знаках, знаках обслуживания и наименованиях мест происхождения товаров”, с правом на судебную защиту следует учитывать и другие положения гражданского и гражданско-процессуального законодательства, находящиеся с ним в нормативном единстве. Так, согласно п. 2 ст. 11 ГК Российской Федерации, решение, принятое в административном порядке, может быть обжаловано в суде. На основании данной нормы арбитражные суды осуществляют последующий судебный контроль внесудебного порядка полного или частичного аннулирования регистрации товарного знака. При этом досудебный порядок урегулирования споров не только не исключает, а напротив, предусматривает возможность для лица обратиться в суд с жалобой на решение соответствующего административного органа» [41].

Ввиду указанного и в связи с наличием введенного Конституционным Судом Российской Федерации неоспоримого права на последующий судебный контроль принятого в административном порядке решения уполномоченного органа авторы считают, что права администраторов доменных имен не будут нарушаться решениями квазисудебного органа при Роспатенте, а судебная гарантия неприкосновенности имущества, если признавать имуществом или имущественным правом доменное имя, бесспорно, сохранится.

Таким образом, создание и функционирование ПДС при Роспатенте, принятие ее коллегиями решений о запрете использования доменного имени не будет противоречить ч. 3 ст. 35 Конституции Российской Федерации и не будет являться нарушением конституционных прав и гарантий субъектов отношений в сфере доменных имен.

Продолжая рассмотрение проблем построения реальной защиты прав участников доменных споров, можно сделать вывод, что для целей создания в России эффективной системы разрешения споров в сфере доменных имен и предоставления адекватной защиты сторонам конфликта разрешение споров в ПДС при Роспатенте должно основываться на принципах, свойственных судебному процессу:

- принципе непосредственности при изучении доказательств;
- принципе состязательности сторон при представлении доказательств по делу и при их исследовании;

- принципе активной роли членов коллегии — «квазисудей» при рассмотрении доменного спора, позволяющем им свободно вести процесс, истребовать доказательства по делу, выходить за пределы доводов обращений и возражений сторон доменного спора;
- принципе гласности и открытости процесса рассмотрения дел по спорам правообладателей средств индивидуализации и администраторов доменных имен.

Рассмотрение ПДС при Роспатенте доменных споров на основе указанных принципов будет способствовать восприятию деятельности нового квазисудебного органа как инструмента правосудия, повышению результативности принимаемых им решений и снижению количества обращений в суд за обжалованием.

Значимым вопросом функционирования предлагаемого органа обязательного досудебного разрешения доменных споров является вопрос законодательного регулирования процедур как регистрации и использования доменных имен, так и разрешения доменных споров.

На сегодняшний день участники отношений по поводу доменных имен национальных зон .RU и .РФ руководствуются положениями Правил регистрации доменных имен в доменах .RU и .РФ [42] и Положением о процедурах, подлежащих применению при возникновении споров о доменных именах [43], применяя их в качестве обычая делового оборота. В то же время названные документы не имеют силы нормативно-правового акта, и их применение носит условный и ограниченный характер.

В Плане законопроектной деятельности Правительства Российской Федерации на 2022 год [27, 28] значатся изменения в ст. 2 и 14.2 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и ст. 1 Федерального закона «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления», которые должны в ноябре 2022 года поступить в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации и которые наделают Правительство Российской Федерации полномочиями по утверждению порядка регистрации доменных имен в национальной доменной зоне.

Внесение указанных изменений должно стать новым этапом в развитии отношений в сфере доменных имен в Российской Федерации, они должны получить нормативное регулирование, устанавливающее правила регистрации доменных имен, и авторы выражают надежду, правила рассмотрения доменных споров — RuDRP (Russian Domain Names Disputes Resolution

Policy — Российские правила рассмотрения споров о доменных именах) [44]. Авторы считают именно настоящий период наиболее благоприятным для внесения изменений в существующую систему регулирования доменных споров, включая создание новых органов (Палаты по доменным спорам при Роспатенте) и организаций (Российского арбитражного центра при Торгово-промышленной палате Российской Федерации), уполномоченных разрешать доменные споры в досудебном или альтернативном порядке. Эти органы и организации будут руководствоваться в своей деятельности не только законодательством об интеллектуальной собственности и разъяснениями высших судебных инстанций, но и новыми нормативно-правовыми актами, специально разработанными для регулирования отношений в сфере доменных отношений.

Таким образом, нормативно-правовой базой деятельности ПДС при Роспатенте должны будут стать: законодательство Российской Федерации об интеллектуальной собственности, новые правила регистрации доменных имен, документы, регламентирующие деятельность ПДС при Роспатенте (устав, регламенты, правила подачи и рассмотрения жалобы и т.п.). При этом с учетом опыта Роспатента по созданию и организации деятельности Палаты по патентным спорам представляется реальной возможность оперативной разработки и внедрения процедур и документов, регулирующих деятельность нового квазисудебного органа.

Вместе с тем авторы убеждены, что при утверждении порядка рассмотрения жалоб правообладателей средств индивидуализации в ПДС при Роспатенте необходимо перенять не только успешные практики Палаты по патентным спорам при Роспатенте, но и зарекомендовавшие себя правовые конструкции иных квазисудебных и административных органов, уполномоченных рассматривать жалобы сторон спора в досудебном порядке.

Так, удачным технологическим решением, часто используемым при досудебном обжаловании в административном порядке, является использование «форм для заполнения» вместо утверждения требований к обязательным реквизитам жалобы. Представляется, что создание интернет-платформы, где стороны спора смогут направить жалобу или возражения в ПДС при Роспатенте в форме электронного документа, заполнив элементарные графы (реквизиты заявителя, номер регистрации товарного знака, сведения о доменном имени, нарушающем права правообладателя, известные реквизиты администратора и регистратора доменного имени, требования правообладателя, иные сведения, которые правообладатель

или администратор доменного имени считают необходимым сообщить коллегии, прикрепленные файлы и т.п.), существенно расширит возможности правообладателей и владельцев доменных имен по защите своих прав, снизит стоимость и неоправданный уровень формализма, мешающий быстрому разрешению элементарных доменных споров. Особенно это актуально в свете изменения требований к правообладателям средств индивидуализации и наделения физических лиц правом регистрации на свое имя товарных знаков и знаков обслуживания.

Также существенным и требующим особого внимания является вопрос рассмотрения как сроков самого спора, так и индивидуальных сроков совершения юридически значимых действий сторонами спора, а также последствий несоблюдения установленных сроков. Успешным опытом установления сроков рассмотрения спора, отвечающих интересам заявителя и способствующих эффективной защите прав и свобод его участников, можно назвать опыт Судебной палаты. Согласно ее Регламенту, принятые жалобы и заявления рассматривались Судебной палатой в очном порядке в открытом заседании в срок не более трех недель [21]. Такая скорость рассмотрения жалобы была объективно необходима в условиях преимущественного возникновения споров, входящих в компетенцию палаты, в период предвыборной агитационной кампании, когда вопросы чести, достоинства, деловой репутации, опровержения недостоверной информации должны были решаться максимально оперативно. В то же время российская судебная система с ее тяжеловесной многоступенчатой структурой и негибкими процедурами предоставляет возможность получить решение по аналогичному спору в среднем только спустя полтора-два года с даты предъявления иска, т.е. в момент, когда заявитель — участник «предвыборной гонки» давно утратил интерес к результату судебного процесса.

Как ранее указывали авторы [45], для российских правообладателей и администраторов доменных имен, также критически важен срок рассмотрения и исполнения исковых заявлений, так как длительность процесса разрешения доменного спора может неблагоприятно влиять на прибыль и экономическую устойчивость сторон спора. Рассматривая работу Судебной палаты, принявшей за время своей деятельности несколько сотен решений в жестко регламентированные сроки, можно с определенной долей уверенности говорить о том, что эффективное функционирование квазисудебного органа обязательного досудебного урегулирования доменных споров с установлением сокращенных процессуальных сроков не выглядит нереалистичным.

Интересный способ побудить стороны конфликта придерживаться установленных сроков и ответственно относиться к примирительным процедурам реализован в Великобритании, он именуется условно *pre-action protocol* и заключается в том, что на сторону, которая содействовала затягиванию спора (например, отказалась от участия в переговорах, не представила заблаговременно информацию и документы, которые имеют значения для встречи и выстраивания диалога, вовремя не ответила на претензию или, к примеру, своими действиями/бездействием довела спор до суда) суд имеет право полностью или частично возложить бремя несения расходов [46]. Элементы такого подхода также могут быть задействованы при формировании основы процедуры рассмотрения доменных споров в ПДС при Роспатенте, например, в части установления жестких сроков на представление сторонами информации, документов, доказательств по существу спора и невозможности представить их в иные сроки или при пересмотре решения Палаты.

Авторы считают, что целесообразно установить не превышающий четыре-пять месяцев общий срок рассмотрения спора в ПДС при Роспатенте. Этот срок оптимален и находится по временной шкале между сроком рассмотрения жалобы в соответствии с процедурой UDRP, когда дело рассматривается без вызова сторон (два-три месяца), и судебным разрешением доменного спора (6–18 месяцев).

Не менее важно с точки зрения эффективности процедуры разрешения доменного спора в ПДС при Роспатенте не декларативное, а результативное применение принципов активной роли членов коллегии при рассмотрении доменного спора и непосредственности исследования доказательств. Доказывание как процесс установление фактов своим результатом должно иметь установление достоверных, истинных обстоятельств дела [47], что требует от арбитра, принимающего решение по спору, не только играть роль наблюдателя за состязанием спорящих сторон, но и активно вести процесс, способствовать объективному установлению истины при рассмотрении дела. Для этого у коллегии ПДС при Роспатенте должны быть достаточные инструменты и полномочия для истребования доказательств, для запроса оригиналов документов, для проверки подлинности представленных доказательств и др. Показательно, что «квазисудьи» ранее упомянутых в статье Судебной палаты, службы финансового омбудсмена, Палаты по разрешению споров РФС в соответствии с регламентирующими их деятельность документами имеют разнообразные действенные средства реализации принципа активной роли лиц, принимающих решение по спору, в то время как Палата по патентным спорам

долго была лишена реальных полномочий по непосредственному управлению процессом рассмотрения спора. В Правилах подачи возражений и заявлений и их рассмотрения в Палате по патентным спорам [48] отсутствовали полномочия по проверке подлинности представленных документов и даже право на истребование оригинала доказательств [49]. Достоверность представляемых в Роспатент документов презюмировалась, а ответственность за их достоверность несло представившее их лицо. Такая ситуация приводила к вынесению Палатой решений на основании сфальсифицированных доказательств, достоверность которых проверял уже Суд по интеллектуальным правам (судебные дела № СИП-214/2016 [49], № СИП-276/2016 [50], № СИП-580/2017 [51], № СИП-315/2018 [52], № СИП-305/2016 [53], № СИП-726/2017 [54], № СИП-532/2016 [55], № СИП-341/2018 [56], № СИП-287/2016 [57]). Так результаты судебно-технической экспертизы давности составления документов, проставления подписей и оттисков печатей на документах стали основанием для признания незаконными решений Роспатента об удовлетворении возражения в судебных делах № СИП 531/2016 [58], № СИП 532/2016 [55], № СИП 287/2016 [57], № СИП-214/2016 [49] и др.

Только после вступления в силу Правил рассмотрения и разрешения федеральным органом исполнительной власти по интеллектуальной собственности споров в административном порядке [59] ситуация изменилась в лучшую сторону, а коллегии Палаты по патентным спорам приобрели право запрашивать у сторон спора документы, сведения и пояснения, заключения независимых экспертов в области, соответствующей предмету спора, приглашать на заседание для дачи пояснений должностных лиц, принимавших участие в рассмотрении заявки, в отношении которой принято оспариваемое решение Роспатента.

Негативный опыт Палаты по патентным спорам должен быть учтен при учреждении органа обязательного досудебного разрешения доменных споров во избежание риска пересмотра принятых им решений по причине отсутствия у ПДС при Роспатенте достаточных полномочий для проверки и исследования доказательств, представляемых сторонами.

Кроме того, стоит учесть отрицательный и положительный опыт функционирования иных, не связанных с Федеральной службой по интеллектуальной собственности, квазисудебных органов, например Уполномоченного по правам потребителей финансовых услуг.

В случае наделения ПДС при Роспатенте правом определения размера компенсации за нарушение исключительных прав на средства индивидуализации

следует заранее решить вопрос о возможности уменьшать размер заявленной правообладателем компенсации. В дальнейшем наличие названных полномочий снизит риск злоупотребления правом правообладателями и позволит ПДС при Роспатенте принимать решения об уменьшении размера компенсации вследствие явного его несоответствия характеру допущенного нарушения, сроку незаконного использования средства индивидуализации, степени вины нарушителя, вероятным имущественным потерям правообладателя [13] и т.д.

Кроме того, по мнению авторов, обязательным инструментом деятельности ПДС при Роспатенте должен стать механизм принудительного исполнения решения палаты. Так, согласно ст. 23 Закона «Об уполномоченном по правам потребителей финансовых услуг»: «В случае неисполнения финансовой организацией вступившего в силу решения финансового уполномоченного либо условий соглашения финансовый уполномоченный ... выдает потребителю финансовых услуг удостоверение, являющееся исполнительным документом... для предъявления в банк или иную кредитную организацию либо о направлении указанного удостоверения финансовым уполномоченным для принудительного исполнения в федеральный орган исполнительной власти, осуществляющий функции по обеспечению установленного порядка деятельности судов, исполнению судебных актов, актов других органов и должностных лиц... На основании удостоверения... банк или иная кредитная организация приводит решение финансового уполномоченного или соглашение в исполнение в соответствии с законодательством Российской Федерации» [22]. Придание удостоверению финансового омбудсмана силы исполнительного документа, а также наличие негативных последствий неисполнения такого решения в форме дополнительного штрафа являются залогом добровольного удовлетворения финансовыми организациями решений уполномоченного. Несомненно, если компетенция ПДС при Роспатенте будет включать в себя требования имущественного характера, то подобный исполнительный документ не желателен, а императивно необходим для действенной защиты прав и законных интересов добросовестных правообладателей. В условиях же максимального сужения компетенции органа досудебного разрешения доменных споров до требований исключительно запрета использования обозначения, сходного до степени смешения со средством индивидуализации в доменном имени, исполнительный документ Роспатента должен способствовать исполнению решения вне зависимости от поведения администратора доменного имени. Следовательно, правообладатель товарного знака или знака обслуживания должен

иметь право предъявить такой исполнительный документ лицу, способному фактически его исполнить (например, регистратору доменного имени), и получить исполнение. В будущем такая конструкция может быть распространена на иных субъектов, например на российских хостинг-провайдеров для возможности удаления (закрытия) страниц сайта, размещенного под соответствующим доменным именем, если на них установлено нарушение прав правообладателя.

Такой инструмент в любом случае придаст конструкции внесудебного разрешения доменных споров серьезность, будет способствовать сокращению обращений в суд, в том числе с требованием о выдаче исполнительного листа или с требованиями, не входящими в компетенцию квазисудебного органа, заявляемыми с единственной целью — обойти обязательный досудебный порядок разрешения спора и получить классическое судебное решение.

Наконец, возвращаясь к косвенно затронутому вопросу судебного обжалования решений ПДС при Роспатенте, авторы предложили бы не снижать планку профессионализма при рассмотрении доменных споров и наделить Суд по интеллектуальным правам полномочиями по пересмотру решений органа обязательного досудебного разрешения споров в сфере доменных имен. Иное решение нивелирует те преимущества, которые предоставляет создание Палаты по доменным спорам при Роспатенте как в части снижения нагрузки на судебную систему Российской Федерации, так и в части рассмотрения доменных споров специалистами, имеющими соответствующие квалификацию и знания в отношении предмета спора.

Подводя итог, хотелось бы напомнить позицию Н.В. Витрука относительно правового государства, подчеркнувшего, что *«правовое государство создает эффективную систему средств, направленных как на непосредственную их реализацию, на пользование теми благами, которые лежат в их основе, так и на их охрану (защиту) в случае правонарушений»* [60]. В этом аспекте Российская Федерация как правовое государство не может игнорировать права и законные интересы субъектов «доменных» отношений. А значит, сегодня, в период глобального изменения правовой действительности как в сфере прав на интеллектуальную собственность, так и в сфере регулирования порядка регистрации и использования доменных имен, спустя двадцать лет с момента появления первых конфликтов в этой сфере, имея фундамент из многочисленных трудов ученых-правоведов, правоприменительной и судебной практики, знаний о преимуществах и недостатках иностранных практик, мы обязаны кардинально перестроить конструкцию, здание, систему регулирования отношений в области доменных имен

и доменных споров в Российской Федерации. Одной из «колонн» новой конструкции может стать Палата по доменным спорам при Федеральной службе по интеллектуальной собственности.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Парк К. Товарные знаки в метавселенной. — Текст: электронный // Журнал ВОИС 1/2022. — URL: https://www.wipo.int/wipo_magazine/ru/2022/01/article_0006.html (дата обращения: 29.04.2022).
2. Кэрролл Л. Сквозь Зеркало, и что там увидела Алиса, или Алиса в Зазеркалье: сказ. повесть: пер. с англ. Н. Демуровой; стихи в пер. Д. Орловской, О. Седаковой, С. Степанова. М.: Махаон, Азбука-Аттикус, 2016. 192 с.
3. Серго А.Г. Опыт Всемирной организации интеллектуальной собственности по урегулированию доменных споров / А.Г. Серго, Е.И. Романенкова // Вестник Томского государственного университета. Право. 2022. № 43. С. 151 – 163. — DOI 10.17223/22253513/43/13. — EDN DGRBMC. — URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_48551063_60411813.pdf (дата обращения: 25.08.2022); Научная электронная библиотека eLIBRARY.RU.
4. Романенкова Е.И., Серго А.Г. Международные системы урегулирования доменных споров. М.: ИПЦ «Маска», 2022.
5. Конвенция Организации Объединенных Наций о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений (заключена в Нью-Йорке в 1958 году) // «КонсультантПлюс» (дата обращения: 29.04.2022).
6. О порядке взаимного исполнения судебных актов арбитражных судов Российской Федерации и хозяйственных судов Республики Беларусь: Соглашение между РФ и Республикой Беларусь от 17.01.2001 // «КонсультантПлюс» (дата обращения: 21.05.2022).
7. Uniform Domain Name Dispute Resolution Policy. — URL: <https://www.icann.org/resources/pages/policy-2012-02-25-en> (дата обращения: 20.06.2022).
8. Rules for Uniform Domain Name Dispute Resolution Policy. — URL: <https://www.icann.org/resources/pages/udrp-rules-2015-03-11-en> (дата обращения: 20.06.2022).
9. Серго А.Г. Практика рассмотрения доменных споров в России // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. 2007. № 8–12; 2008. № 1–3.
10. Международная классификация товаров и услуг. — URL: <https://www.mktu.info/> (дата обращения: 25.07.2022).

11. Даниленков А.В. О подведомственности доменных споров // Хозяйство и право. 2018. № 7(498). С. 24–34. — EDN XSQTLN. — URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_35223947_79036385.pdf (дата обращения: 12.06.2021): Научная электронная библиотека eLIBRARY.RU.
12. О внесении изменений в часть четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации: Федеральный закон от 28.06.2022 № 193-ФЗ // «КонсультантПлюс» (дата обращения: 21.05.2022).
13. О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 апреля 2019 года № 10 // «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.05.2022).
14. Мамыкин А.С. Правовые средства оптимизации судебной юрисдикции и судебной нагрузки судей // Российское правосудие. 2016. № 2(118). С. 77–84. — DOI 10.17238/issn2072-909X.2016.2.77. — EDN VQWEGZ. — URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_25721007_55768716.pdf (дата обращения: 21.08.2021): Научная электронная библиотека eLIBRARY.RU.
15. Доклад Виктора Момотова на пленарном заседании Совета судей РФ 24 мая 2022 года. — URL: <https://zhurnalsudya.ru/news/tpost/uly4a76171-doklad-viktora-momotova-na-plenarnom-zas> (дата обращения: 21.08.2022).
16. Серго А.Г., Сусалёва Т.Г. Накануне нового этапа регулирования «доменных споров» // Закон. 2022. № 8. С. 138–152. — DOI: 10.37239/0869-4400-2022-19-8-93-136-150. — URL: <https://igzakon.ru/magazine/article?id=8919>.
17. Об определении перечня групп доменных имен, составляющих российскую национальную доменную зону: Приказ Роскомнадзора от 29 июля 2019 года № 216. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 12.07.2022).
18. Пирожкова И.Г., Каашова А.Г. Квасисудебные институты в правовом пространстве: дефиниция и подходы к определению // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2019. № 3(83). С. 49–54. — DOI 10.35750/2071-8284-2019-3-49-54. — EDN XMTJWS. — URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_41141882_86909463.pdf (дата обращения: 16.03.2022): Научная электронная библиотека eLIBRARY.RU.
19. Леонов Д.В. Административно-правовой институт досудебного обжалования: автореферат дис. ... канд. юр. наук: 12.00. [Место защиты: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации]. М., 2020. 29 с.
20. Об утверждении Положения о Судебной палате по информационным спорам при Президенте Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 31 января 1994 года № 228 // «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.09.2022).
21. Регламент Судебной палаты по информационным спорам при Президенте Российской Федерации: утвержден решением Судебной палаты по информационным спорам при Президенте Российской Федерации от 10 февраля 1994 года // «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.09.2022).
22. Об уполномоченном по правам потребителей финансовых услуг: Федеральный закон от 04.06.2018 № 123-ФЗ // «КонсультантПлюс» (дата обращения: 29.04.2022).
23. О физической культуре и спорте в Российской Федерации: Федеральный закон от 04.12.2007 № 329-ФЗ // «КонсультантПлюс» (дата обращения: 21.05.2022).
24. Регламент РФС по разрешению споров, утвержденный Постановлением Бюро Исполкома РФС № 238.2 от 7 августа 2020 года // Официальный сайт Российского Футбольного союза. — URL: <https://static.rfs.ru/documents/1/5f329d2b22969.pdf> (дата обращения: 15.05.2022).
25. Князев Д.В. Уполномоченный по правам потребителей финансовых услуг: некоторые проблемы правового регулирования // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 449. С. 228–234. — DOI: 10.17223/15617793/449/28. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/upolnomochennyuro-pravam-potrebiteley-finansovyh-uslug-nekotorye-problemy-pravovogo-regulirovaniya/viewer> (дата обращения: 09.06.2019).
26. Бочкарева Е.А. Финансовый омбудсмен: развитие правового регулирования правозащитной деятельности в сфере страхования // Конституционализм: симбиоз науки и практики: Материалы Международного круглого стола, посвященного памяти и 80-летию со дня рождения заслуженного деятеля науки Российской Федерации, заслуженного юриста России, доктора юридических наук, профессора Н.В. Витрука, Белгород, 30 ноября 2017 года / отв. редактор М.В. Мархгейм. — Белгород: ООО «ГиК», 2017. С. 28–32. — EDN YRMSPG. — URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_32571677_53141610.pdf (дата обращения: 10.03.2022): Научная электронная библиотека eLIBRARY.RU.
27. О внесении изменений в Федеральный закон «О связи» и Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»: Федеральный закон от 01.05.2019 № 90-ФЗ // «КонсультантПлюс» (дата обращения: 29.04.2022).

28. Об утверждении плана законопроектной деятельности Правительства РФ на 2022 год: Наспоряжение Правительства Российской Федерации от 30 декабря 2021 года № 3994-р. // «КонсультантПлюс» (дата обращения: 29.04.2022).
29. О Федеральной службе по интеллектуальной собственности: Постановление Правительства Российской Федерации от 21 марта 2012 года № 218 // «КонсультантПлюс» (дата обращения: 21.05.2022).
30. Устав федерального государственного учреждения «Палата по патентным спорам Федеральной службы по интеллектуальной собственности, патентам и товарным знакам» (ФГУ «Палата по патентным спорам») (утв. Приказом Роспатента от 03.02.2005 № 21) // «КонсультантПлюс» (дата обращения: 24.05.2022).
31. Кощеева Е.С., Петрунева А.Н. R вопросу об альтернативных формах прекращения публичного спора // Актуальные проблемы российского права. 2021. Т. 16. — № 12(133). С. 69–78. — DOI 10.17803/1994-1471.2021.133.12.069-078. — EDN EIUURD. https://elibrary.ru/download/elibrary_47479935_59664742.pdf (дата обращения: 21.05.2022): Научная электронная библиотека eLIBRARY.RU.
32. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ // «КонсультантПлюс» (дата обращения: 21.05.2022).
33. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 года) // «КонсультантПлюс». (дата обращения: 21.05.2022).
34. Решение Мытищинского городского суда Московской области от 30.11.2011 по делу № 2–4006/2011. — URL: <https://sudact.ru/regular/doc/85Gkbb1YN9rx> (дата обращения: 23.08.2022).
35. Кожемякин Д.В. «Доменное имя в системе объектов гражданских прав. М.: Проспект, 2019) // «КонсультантПлюс» (дата обращения: 21.06.2021).
36. Серго А.Г. Интернет и право. М.: Бестселлер, 2003.
37. Калятин В.О. Проблемы правового регулирования доменных имен в гражданском законодательстве // Вестник гражданского права. 2006. № 2. — С. 27–41.
38. Наумов В.Б. Право и интернет: очерки теории и практики. М., 2002. С. 160.
39. Агеенко А.А. Соотношение прав на доменное имя и товарный знак в США: специальность 12.00.03 «Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право»: дисс. ... канд. юр. наук. М., 2002. — 175 с.
40. Постановление Президиума суда по интеллектуальным правам от 25 декабря 2019 года по делу № СИП-137/2018 // «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.05.2022).
41. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы общества с ограниченной ответственностью продюсерская фирма «самый вкус» на нарушение конституционных прав и свобод положением п. 3 ст. 22 закона Российской Федерации «О товарных знаках, знаках обслуживания и наименованиях мест происхождения товаров»: определения Конституционного суда Российской Федерации от 2 октября 2003 года № 393 // «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.05.2022).
42. Правила регистрации доменных имен в доменах .RU и .РФ: утверждены решением Координационного центра национального домена сети Интернет от 05.10.2011 № 2011-18/81. — URL: <https://ccid.ru/domains/docs/> (дата обращения: 29.04.2022).
43. Положение о процедурах, подлежащих применению при возникновении споров о доменных именах (приложение к Правилам регистрации доменных имен в доменах .RU и .РФ). — URL: <https://ccid.ru/domains/docs/> (дата обращения: 29.04.2022).
44. Серго А.Г. Доменные имена. М.: Бестселлер, 2006.
45. Серго А.Г., Сусалёва Т.Г. Российский арбитражный центр разрешения доменных споров как средство эффективной борьбы за права российских правообладателей и администраторов доменных имен // Труды по интеллектуальной собственности/ 2022. Т. 42. № 3. С. 8–25.
46. Концепция оптимизации судебной юрисдикции и нагрузки на судебную систему: гражданско-процессуальный аспект / С.В. Никитин, Н.В. Алексеева, А.В. Аргунов и др. // Российское правосудие. 2016. № 2(118). С. 13–72. — DOI 10.17238/issn2072-909X.2016.2.13. — EDN VQWEGF. — URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_25721005_49587533.pdf (дата обращения: 20.07.2022): Научная электронная библиотека eLIBRARY.RU.
47. Мурашова Е.И. Проблемы доказывания в рамках досудебного (внесудебного) обжалования // Актуальные проблемы российского права. 2016. № 7(68). С. 50–56. — DOI 10.17803/1994-1471.2016.68.7.050-056. — EDN XQOEAR. — URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_28083205_78812539.pdf (дата обращения: 11.02.2022): Научная электронная библиотека eLIBRARY.RU.
48. Правила подачи возражений и заявлений и их рассмотрения в Палате по патентным спорам, утвержденные приказом Роспатента от 22 апреля 2003 года № 56 // «КонсультантПлюс» (дата обращения: 24.05.2022).

49. Решение Суда по интеллектуальным правам от 26 июля 2016 года по делу № СИП-214/2016 // «КонсультантПлюс» (дата обращения: 23.08.2022).
50. Решение Суда по интеллектуальным правам от 1 августа 2016 года по делу № СИП-276/2016 // «КонсультантПлюс» (дата обращения: 23.08.2022).
51. Решение Суда по интеллектуальным правам от 2 июля 2019 года по делу № СИП-580/2017 // «КонсультантПлюс» (дата обращения: 23.08.2022).
52. Решение Суда по интеллектуальным правам от 14 октября 2019 года по делу № СИП-315/2018 // «КонсультантПлюс» (дата обращения: 23.08.2022).
53. Решение Суда по интеллектуальным правам от 4 октября 2016 года по делу № СИП-305/2016 // «КонсультантПлюс» (дата обращения: 23.08.2022).
54. Решение Суда по интеллектуальным правам от 16 октября 2018 года по делу № СИП-726/2017 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 23.08.2022).
55. Решение Суда по интеллектуальным правам от 30 октября 2017 года по делу № СИП-532/2016 // «КонсультантПлюс» (дата обращения: 23.08.2022).
56. Решение Суда по интеллектуальным правам от 15 июля 2019 года по делу № ИП-341/2018 // «КонсультантПлюс» (дата обращения: 23.08.2022).
57. Решение Суда по интеллектуальным правам от 31 августа 2017 года по делу № СИП-287/2016 // «КонсультантПлюс» (дата обращения: 23.08.2022).
58. Решение Суда по интеллектуальным правам от 21 сентября 2017 года по делу № СИП-531/2016 // «КонсультантПлюс». (дата обращения: 23.08.2022).
59. Правила рассмотрения и разрешения федеральным органом исполнительной власти по интеллектуальной собственности споров в административном порядке, утверждены Приказом Министерства науки и высшего образования Российской Федерации и Министерства экономического развития Российской Федерации от 30 апреля 2020 года № 644/261 // «КонсультантПлюс» (дата обращения: 24.05.2022).
60. Витрук Н.В. Общая теория правового положения личности. М.: Инфра-М, 2008. 448 с.
3. Sergo A.G., Romanenkova E.I. Opyt Vsemirnoj organizatsii intellektual'noj sobstvennosti po uregulirovaniyu domennykh sporov // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo. 2022. No. 43. S. 151–163. — DOI 10.17223/22253513/43/13. — EDN DGRB-MC. — URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_48551063_60411813.pdf (data obrashcheniya: 25.08.2022); Nauchnaya elektronnyaya biblioteka eLIBRARY.RU.
4. Romanenkova E.I., Sergo A.G. Mezhdunarodnye sistemy uregulirovaniya domennykh sporov. M.: IPC Maska, 2022.
5. Konvenciya Organizatsii Ob"edinennykh Natsij o priznanii i privedenii v ispolnenie inostrannykh arbitrazhnykh reshenij (Zaklyuchena v N'yu-Jorke v 1958 g.) // "Konsul'tantPlyus" (data obrashcheniya: 29.04.2022).
6. O poryadke vzaimnogo ispolneniya sudebnykh aktov arbitrazhnykh sudov Rossijskoj Federatsii i hozyajstvennykh sudov Respubliki Belarus': Soglasenie mezhd RF i Respublikoj Belarus' ot 17.01.2001 // "Konsul'tantPlyus" (data obrashcheniya: 21.05.2022).
7. Uniform Domain Name Dispute Resolution Policy. — URL: <https://www.icann.org/resources/pages/policy-2012-02-25-en> (data obrashcheniya: 20.06.2022).
8. Rules for Uniform Domain Name Dispute Resolution Policy. — URL: <https://www.icann.org/resources/pages/udrp-rules-2015-03-11-en> (data obrashcheniya: 20.06.2022).
9. Sergo A.G. Praktika rassmotreniya domennykh sporov v Rossii // Intellektual'naya sobstvennost'. Avtorskoe pravo i smezhnye prava. 2007. No. 8–12; 2008. № 1–3.
10. Mezhdunarodnaya klassifikatsiya tovarov i uslug. — URL: <https://www.mktu.info/> (data obrashcheniya: 25.07.2022).
11. Danilenkov A.V. O podvedomstvennosti domennykh // Hozyajstvo i pravo. 2018. № 7(498). S. 24–34. — EDN XSQTLN. — URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_35223947_79036385.pdf (data obrashcheniya: 12.06.2021); Nauchnaya elektronnyaya biblioteka eLIBRARY.RU.
12. O vnesenii izmenenij v chast' chetvertuyu Grazhdanskogo kodeksa Rossijskoj Federatsii: Federal'nyj zakon ot 28.06.2022 No/ 193-FZ // "Konsul'tantPlyus" (data obrashcheniya: 21.05.2022).
13. O primenении chasti chetvertoj Grazhdanskogo kodeksa Rossijskoj Federatsii: Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda Rossijskoj Federatsii ot 23 aprelya 2019 goda № 10 // "Konsul'tantPlyus" (data obrashcheniya: 20.05.2022).
14. Mamykin A.S. Pravovye sredstva optimizatsii sudebnoj yurisdiktsii i sudebnoj nagruzki sudej // Rossijskoe pravosudie. 2016. No. 2(118). S. 77–84. — DOI 10.17238/issn2072-909X.2016.2.77. — EDN VQ-

REFERENCES

1. Park K. Tovarnye znaki v metavselennoj // Zhurnal VOIS 1/2022. — URL: https://www.wipo.int/wipo_magazine/ru/2022/01/article_0006.html (data obrashcheniya: 29.04.2022).
2. Kerroll L. Skvoz' Zerkalo i chto tam uvidela Alisa ili Alisa v Zazerkal'e: skaz. Povest' / L'yuis Kerroll; [per. s angl. N. Demurovoj; stihy v per. D. Orlovskoj, O. Sedakovej, S. Stepanova. M.: Mahaon; Azbuka-Attikus, 2016. 192 s.

- WEGZ. — URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_25721007_55768716.pdf (data obrashcheniya: 21.08.2021): Nauchnaya elektronnyaya biblioteka eLIBRARY.RU.
15. Doklad Viktora Momotova na plenarnom zasedanii Soveta sudej RF 24 maya 2022 goda. — URL: <https://zhurnalsudy.ru/news/tpost/uly4a76171-doklad-viktora-momotova-na-plenarnom-zas> (data obrashcheniya: 21.08.2022).
16. Sergo A.G., Susalyova T.G. Nakanune novogo etapa regulirovaniya «domennyh sporov» // Zakon. 2022. No. 8. S. 138–152. — DOI: 10.37239/0869-4400-2022-19-8-93-136-150. — URL: <https://igzakon.ru/magazine/article?id=8919>
17. Ob opredelenii perechnyya grupp domennyh imen, sostavlyayushchih rossijskuyu nacional'nyu domen-nyu zonu: Prikaz Roskomnadzora ot 29 iyulya 2019 g. № 216 // “Konsul'tantPlyus” (data obrashcheniya: 12.07.2022).
18. Pirozhkova I.G., Kartashova A.G. Kvazisudebnye instituty v pravovom prostranstve: definiciya i podhody k opredeleniyu // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii. 2019. No. 3(83). S. 49–54. — DOI 10.35750/2071-8284-2019-3-49-54. — EDN XMTJWS. — URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_41141882_86909463.pdf (data obrashcheniya: 16.03.2022): Nauchnaya elektronnyaya biblioteka eLIBRARY.RU.
19. Leonov D.V. Administrativno-pravovoj institut dosudebnogo obzhalovaniya: avtoreferat dis. ... kandidata yuridicheskikh nauk: 12.00.14 [Mesto zashchity: Institut zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya pri Pravitel'stve Rossijskoj Federacii]. M., 2020. 29 s.
20. Ob utverzhdenii Polozheniya o Sudebnoj palate po informacionnym sporam pri Prezidente Rossijskoj Federacii: Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 31 yanvarya 1994 g. No. 228 // “Konsul'tantPlyus” (data obrashcheniya: 10.09.2022).
21. Reglament Sudebnoj palaty po informacionnym sporam pri Prezidente Rossijskoj Federacii: utverzhden resheniem Sudebnoj palaty po informacionnym sporam pri Prezidente Rossijskoj Federacii ot 10 fevralya 1994 goda // “Konsul'tantPlyus” (data obrashcheniya: 10.09.2022).
22. Ob upolnomochennom po pravam potrebitelej finansovyh: Federal'nyj zakon ot 04.06.2018 No. 123-FZ // “Konsul'tantPlyus” (data obrashcheniya: 29.04.2022).
23. O fizicheskoy kul'ture i sporte v Rossijskoj Federacii: federal'nyj zakon ot 04.12.2007 No. 329-FZ // “Konsul'tantPlyus” (data obrashcheniya: 21.05.2022).
24. Reglament RFS po razresheniyu sporov, utverzhden-nyj Postanovleniem Byuro Ispolkoma RFS No. 238.2 ot 07 avgusta 2020 g. // Oficial'nyj sajт Rossijskogo Futbol'nogo soyuza. — URL: <https://static.rfs.ru/documents/1/5f329d2b22969.pdf> (data obrashcheniya: 15.05.2022).
25. Knyazev D.V. Upolnomochennyj po pravam potrebitelej finansovyh uslug: nekotorye problemy pravovogo regulirovaniya // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 2019. No. 449. S. 228–234. — DOI: 10.17223/15617793/449/28. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/upolnomochennyj-po-pravam-potrebiteley-financeovyh-uslug-nekotorye-problemy-pravovogo-regulirovaniya/viewer> (data obrashcheniya: 09.06.2019).
26. Bochkareva E.A. Finansovyj ombudsman: razvitie pravovogo regulirovaniya pravozashchitnoj deyatel'nosti v sfere strahovaniya // Konstitucionalizm: simbioz nauki i praktiki: Materialy Mezhdunarodnogo kruglogo stola, posvyashchennogo pamyati i 80-letiyu so dnya rozhdeniya zasluzhennogo deyatelya nauki Rossijskoj Federacii, zasluzhennogo yurista Rossii, doktora yuridicheskikh nauk, professora N.V. Vitruka. Belgorod, 30 noyabrya 2017 goda/ Otv. red. M.V. Marhgejm. Belgorod: OOO GiK, 2017. S. 28–32. — EDN YRM-SPG. — URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_32571677_53141610.pdf (data obrashcheniya: 10.03.2022): Nauchnaya elektronnyaya biblioteka eLIBRARY.RU.
27. O vnesenii izmenenij v Federal'nyj zakon “O svyazi” i Federal'nyj zakon “Ob informacii, informacionnyh tekhnologiyah i o zashchite informacii”: Federal'nyj zakon ot 01.05.2019 No. 90-FZ // “Konsul'tantPlyus” (data obrashcheniya: 29.04.2022).
28. Ob utverzhdenii plana zakonoproektnoj deyatel'nosti Pravitel'stva RF na 2022 god: rasporyazhenie Pravitel'stva Rossijskoj Federacii ot 30 dekabrya 2021 goda No. 3994-r // “Konsul'tantPlyus” (data obrashcheniya: 29.04.2022).
29. O Federal'noj sluzhbe po intellektual'noj sobstvennosti: Postanovlenie Pravitel'stva Rossijskoj Federacii ot 21 marta 2012 goda No. 218. Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy “Konsul'tantPlyus” (data obrashcheniya: 21.05.2022).
30. Ustav federal'nogo gosudarstvennogo uchrezhdeniya “Palata po patentnym sporam Federal'noj sluzhby po intellektual'noj sobstvennosti, patentam i tovarnym znakam» (FGU “Palata po patentnym sporam”) (utv. Prikazom Rospatenta ot 03.02.2005 № 21) // “Konsul'tantPlyus” (data obrashcheniya: 24.05.2022).
31. Koshcheeva E.S., Petruneva A.N. K voprosu ob al'ternativnyh formah prekrashcheniya publichnogo spora // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. 2021. T. 16. No. 12(133). S. 69–78. — DOI 10.17803/1994-1471.2021.133.12.069-078. — EDN EIUURD. https://elibrary.ru/download/elibrary_47479935_59664742.

- pdf (data obrashcheniya: 21.05.2022): Nauchnaya elektronnyaya biblioteka eLIBRARY.RU.
32. Grazhdanskiy kodeks Rossijskoj Federacii (chast' chetvertaya) ot 18.12.2006 No. 230-FZ // "Konsul'tantPlyus" (data obrashcheniya: 21.05.2022).
 33. Konstituciya Rossijskoj Federacii (prinyata vsenarodnym golosovaniem 12 dekabrya 1993 goda s izmeneniyami, odobrennymi v hode obshcherossijskogo golosovaniya 1 iyulya 2020 goda) // "Konsul'tantPlyus" (data obrashcheniya: 21.05.2022).
 34. Reshenie Mytishchinskogo gorodskogo suda Moskovskoj oblasti ot 30.11.2011 po delu No. 2-4006/2011. — URL: <https://sudact.ru/regular/doc/85Gkhd1YN9rx> (data obrashcheniya: 23.08.2022).
 35. Kozhemyakin D.V. Domennoe imya v sisteme ob"ektov grazhdanskikh prav: Monografiya. M.: Prospekt, 2019 // "Konsul'tantPlyus" (data obrashcheniya: 21.06.2021).
 36. Sergo A.G. Internet i Pravo. M.: Bestseller, 2003.
 37. Kalyatin V.O. Problemy pravovogo regulirovaniya domennykh imen v grazhdanskom zakonodatel'stve // Vestnik grazhdanskogo prava. 2006. No. 2. S. 27–41.
 38. Naumov V.B. Pravo i Internet: ocherki teorii i praktiki. M., 2002. S. 160.
 39. Ageenko A.A. Sootnoshenie prav na domennoe imya i tovarnyj znak v SSHA: special'nost' 12.00.03 "Grazhdanskoe pravo; predprinimatel'skoe pravo; semejnoe pravo; mezhdunarodnoe chastnoe pravo": dissertaciya na soiskanie uchenoj stepeni kandidata yuridicheskikh nauk. M., 2002. 175 s.
 40. Postanovlenie Prezidiuma suda po intellektual'nym pravam ot 25 dekabrya 2019 goda po delu No. SIP-137/2018 // "Konsul'tantPlyus" (data obrashcheniya: 20.05.2022).
 41. Ob otkaze v prinyatii k rassmotreniyu zhaloby obshchestva s ogranichennoj otvetstvennost'yu prodyuserskaya firma "samyj smak" na narushenie konstitucionnykh prav i svobod polozheniem punkta 3 stat'i 22 zakona rossijskoj federacii «o tovarnykh znakah, znakah obsluzhivaniya i naimenovaniyah mest proiskhozhdeniya tovarov»: opredeleniya Konstitucionnogo suda Rossijskoj Federacii ot 2 oktyabrya 2003 goda No. 393 // "Konsul'tantPlyus" (data obrashcheniya: 20.05.2022).
 42. Pravila registracii domennykh imen v domenah .RU i .RF: utverzhdeny resheniem Koordinacionnogo centra nacional'nogo domena seti Internet ot 05.10.2011 No. 2011-18/81. — URL: <https://cctld.ru/domains/docs/> (data obrashcheniya: 29.04.2022).
 43. Polozhenie o procedurah, podlezhashchih primeneniyu pri vozniknovenii sporov o domennykh imenah (prilozhenie k Pravilam registracii domennykh imen v domenah .RU i .RF). — URL: <https://cctld.ru/domains/docs/> (data obrashcheniya: 29.04.2022).
 44. Sergo A.G. Domennye imena. M.: Bestseller, 2006.
 45. Sergo A.G., Susalyova T.G. Rossijskij arbitrazhnyj centr razresheniya domennykh sporov kak sredstvo effektivnoj bor'by za prava rossijskikh pravooobladatelej i administratorov domennykh imen // Trudy po intellektual'noj sobstvennosti. 2022. T. 42, No. 3. S. 8–25.
 46. Koncepciya optimizacii sudebnoj yurisdikcii i nagruzki na sudebnuyu sistemu: grazhdansko-processual'nyj aspect / S.V. Nikitin, N.V. Alekseeva, A.V. Argunov i dr. // Rossijskoe pravosudie. 2016. No. 2(118). S. 13–72. — DOI 10.17238/issn2072-909X.2016.2.13. — EDN VQWEGF. — URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_25721005_49587533.pdf (data obrashcheniya: 20.07.2022): Nauchnaya elektronnyaya biblioteka eLIBRARY.RU.
 47. Murashova E.I. Problemy dokazyvaniya v ramkah dosudebnogo (vnesudebnogo) obzhalovaniya // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. 2016. No 7(68). S. 50–56. — DOI 10.17803/1994-1471.2016.68.7.050-056. — EDN XQOEAR. — URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_28083205_78812539.pdf (data obrashcheniya: 11.02.2022): Nauchnaya elektronnyaya biblioteka eLIBRARY.RU.
 48. Pravila podachi vozrazhenij i zayavlenij i ih rassmotreniya v Palate po patentnym sporam, utverzhdenye prikazom Rospatenta ot 22 aprelya 2003 goda No. 56 // "Konsul'tantPlyus" (data obrashcheniya: 24.05.2022).
 49. Reshenie Suda po intellektual'nym pravam ot 26 iyulya 2016 goda po delu No. SIP-214/2016 // "Konsul'tantPlyus" (data obrashcheniya: 23.08.2022).
 50. Reshenie Suda po intellektual'nym pravam ot 1 avgusta 2016 goda po delu No. SIP-276/2016 // "Konsul'tantPlyus" (data obrashcheniya: 23.08.2022).
 51. Reshenie Suda po intellektual'nym pravam ot 2 iyulya 2019 goda po delu No. SIP-580/2017 // "Konsul'tantPlyus" (data obrashcheniya: 23.08.2022).
 52. Reshenie Suda po intellektual'nym pravam ot 14 oktyabrya 2019 goda po delu No. SIP-315/2018 // "Konsul'tantPlyus" (data obrashcheniya: 23.08.2022).
 53. Reshenie Suda po intellektual'nym pravam ot 4 oktyabrya 2016 goda po delu No. SIP-305/2016 // "Konsul'tantPlyus" (data obrashcheniya: 23.08.2022).
 54. Reshenie Suda po intellektual'nym pravam ot 16 oktyabrya 2018 goda po delu No. SIP-726/2017 // "Konsul'tantPlyus" (data obrashcheniya: 23.08.2022).
 55. Reshenie Suda po intellektual'nym pravam ot 30 oktyabrya 2017 goda po delu No. SIP-532/2016 // "Konsul'tantPlyus" (data obrashcheniya: 23.08.2022).
 56. Reshenie Suda po intellektual'nym pravam ot 15 iyulya 2019 goda po delu No. SIP-341/2018 // "Konsul'tantPlyus" (data obrashcheniya: 23.08.2022).

57. Reshenie Suda po intellektual'nym pravam ot 31 avgusta 2017 goda po delu No. SIP-287/2016 // "Konsul'tantPlyus" (data obrashcheniya: 23.08.2022).
58. Reshenie Suda po intellektual'nym pravam ot 21 sentyabrya 2017 goda po delu No. SIP-531/2016 // "Konsul'tantPlyus" (data obrashcheniya: 23.08.2022).
59. Pravila rassmotreniya i razresheniya federal'nym organom ispolnitel'noj vlasti po intellektual'noj sobstvennosti sporov v administrativnom poryadke, utverzhdeny Prikazom Ministerstva nauki i vysshego obrazovaniya Rossijskoj Federacii i Ministerstva ekonomicheskogo razvitiya Rossijskoj Federacii ot 30 aprelya 2020 goda No. 644/261 // "Konsul'tantPlyus" (data obrashcheniya: 24.05.2022).
60. Vitruk N.V. Obshchaya teoriya pravovogo polozheniya lichnosti. M.: Infra-M, 2008. 448 s.

ПРАВОВОЙ РЕЖИМ ВИРТУАЛЬНЫХ ОБЪЕКТОВ В ИНФОРМАЦИОННОЙ СРЕДЕ

LEGAL REGIME OF VIRTUAL OBJECTS IN THE INFORMATION ENVIRONMENT

Валерий Олегович ПАНИН

Московский государственный университет имени
М.В. Ломоносова, Москва, Российская Федерация,
valeri-panin@yandex.ru,
<https://orcid.org/0000-0001-9022-323X>

Информация об авторе

В.О. Панин — аспирант кафедры компьютерного права
и информационной безопасности Высшей школы госу-
дарственного аудита (факультет) МГУ имени М.В. Ло-
моносова

Аннотация. Проанализирована существующая практика
юридического оформления отношений между пользо-
вателями и правообладателями виртуальных миров.
Доказано, что в современных условиях необходим
пересмотр сложившихся подходов к регулированию от-
ношений в рамках виртуальных платформ, в частности
отказ от повсеместного применения концепции «игрово-
го характера» отношений сторон, основным следствием
которой является отказ в судебной защите. Предпосыл-
кой данного вывода является становление метавселен-
ных, что напрямую связано со скачкообразным ростом
виртуального сектора цифровой экономики, интенсив-
ным развитием виртуальных технологий, увеличением
числа пользователей виртуальных платформ и ассорти-
мента предлагаемых им виртуальных товаров.

В рамках исследования рассмотрено социологи-
ческое понятие «виртуализация», продемонстриро-
вано его применение в юридической науке; выявлены
области, которые подвергнутся (либо уже подверглись)
феномену виртуализации и в которых непосредственно
затрагиваются публичные интересы государства.

Дана оценка сложившейся в договорной практи-
ке лицензионной модели закрепления юридических
отношений между пользователями и правообладате-
лями виртуальных платформ, выявлены ее недостатки
и искусственный характер.

- Предложены методологические посылы, из которых
следует исходить при построении правового регули-
рования данной сферы, в частности при установлении
соотношения национального законодательства, меж-
дународно-правовых принципов и норм, договорных
конструкций и саморегулирования. Сделан вывод
о готовности информационного права как юридической
науки, комплексно рассматривающей возникающие
проблемы в информационной сфере, стать площадкой
для развития теории виртуального права в целях вос-
полнения существующего пробела.

- При этом ни гражданско-правовая наука, ни теория
права отдельно не занимаются изучением соответствую-
щих проблем.

- Ключевые слова:** метавселенная; виртуальные среды;
виртуальные объекты; правовой режим; правовое регу-
лирование; лицензионные соглашения; виртуализация

- Для цитирования:** Панин В.О. Правовой режим вирту-
альных объектов в информационной среде // Труды по
интеллектуальной собственности (Works on Intellectual
Property). 2022. Т. 43, № 4. С. 43–55; <http://dx.doi.org/0000-0001-9022-323X>

Valery O. PANIN

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian
Federation,
valeri-panin@yandex.ru,
<https://orcid.org/0000-0001-9022-323X>

Information about the author

V.O. Panin — Postgraduate student, Department
of Computer Law and Information Security, Higher
School of State Audit (faculty), Lomonosov Moscow State
University

Abstract. The article analyzes the existing practice of legal regulation of relations between the users and right holders of virtual worlds. It is proved that in modern conditions it is necessary to revise existing approaches to the regulation of relations within the framework of virtual platforms, in particular, to abandon the widespread application of the concept of “gaming nature” of relations between the parties, the main consequence of which is the denial of judicial protection. A prerequisite for this conclusion is the formation of metaverse, which is directly related to the rapid growth of the virtual sector of the digital economy, the intensive development of virtual technologies, the increasing number of users of virtual platforms and the range of virtual goods offered to them.

The article examines the socio-philosophical concept of “virtualization”, demonstrates its application in legal science; identifies areas that will be exposed (or have already been exposed) to the phenomenon of virtualization, and which directly affect the public interests of the state.

The evaluation of the existing in the contractual practice of licensing model of fixation of legal relations between users and right holders of virtual platforms is given, its disadvantages and artificial character are revealed.

The methodological assumptions on which legal regulation of the field should be based are suggested, in particular on the correlation of national legislation, international legal principles and norms, contractual constructs and self-regulation. It is concluded that information law as a legal science, which comprehensively deals with arising problems in the information sphere, is ready to become a platform for the development of virtual law theory to fill the existing gap.

At the same time, neither the civil law science nor the theory of law are separately engaged in the study of relevant problems.

Keywords: metaverse; virtual environments; virtual objects; legal regime; legal regulation; license agreements; virtualization

For citation: Panin V.O. Legal Regime of Virtual Objects in The Information Environment // Trudi po Intellectuálny Sobstvennosti (Works on Intellectual Property). 2022. Vol. 43 (4). P. 43–55; <https://doi.org/>

Развитие информационных технологий, в том числе технологий виртуальной и дополненной реальности, привело к образованию нового пласта общественных отношений в рамках 3D-виртуальных миров: между пользователями осуществляются многочисленные обменные операции, связанные с виртуальными ценностями (объектами), формируются виртуальные общественные объединения, что приводит к тому, что даже аватар, через который пользователь взаимодействует с виртуальным миром, может стать самостоятельной ценностью (по аналогии с современными медийными личностями в реальном пространстве, которые могут использовать собственное имя и фамилию в качестве товарного знака, средства продвижения товаров и т.д.). Именно возникновение ценностной характеристики тех или иных явлений в виртуальных мирах оказывается одним из условий, которые позволяют ставить вопрос о необходимости регулирования соответствующих отношений.

В основе любого регулирования (как государственного, так и негосударственного) лежит субъективный интерес в упорядочивании определенной сферы социальных отношений, который может исходить как от конкретного человека, так и группы лиц либо общества в целом. Для большинства пользователей, активно осуществляющих свою деятельность в подобных виртуальных мирах, в том числе для лиц, инвестирующих в виртуальную экономику и приобретающих виртуальные объекты, ключевыми юридическими вопросами являются следующие: подтверждение и гарантии их прав на виртуальные ценности (объекты), эффективные способы защиты таких ценностей и ответственность нарушителей. Это логически объясняется естественным чувством «присвоенности» вещи и противопоставлением категорий «мое» — «чужое», которые лежат в основе концепта права собственности [1], желанием сохранить виртуальные ценности, которые являются результатом инвестиционных вложений либо собственного труда пользователя. С точки зрения непосредственных участников отношений в виртуальных пространствах, эти ценности должны подлежать судебной защите и охраняться законом.

Однако их «внутренняя» точка зрения, как правило, отличается от внешнего взгляда на конкретный

феномен социальной действительности. «Внешняя» точка зрения — позиция законодательной и судебной властей, которые выражают и отстаивают государственные интересы. При этом в целом «внешняя» точка зрения присуща любым лицам и организациям, которые не являются непосредственными участниками и пользователями виртуальных миров. Государство анализирует явления общественной жизни через призму политико-правовых ценностей. Следовательно, для своевременной реакции государства (и позитивного права) на новые явления общественной жизни прежде всего необходимо обнаружить, что то или иное явление может затронуть государственные и общественные интересы.

Прежде чем ставить вопрос о формировании правового режима виртуальных сред, следует установить, должно ли государство (либо иной политико-правовой «источник» социального регулирования) обратить внимание на отношения, складывающиеся между пользователями виртуальных миров, в том числе содействовать решению отдельных возникающих в них проблем. Для этого необходимо доказать, что развитие виртуальных технологий в совокупности с развитием технологий искусственного интеллекта, больших данных, интернета вещей и сетей связи 5G в ближайшие 10–15 лет приведет к объективной необходимости регулирования отношений, возникающих в рамках виртуальных 3D-сред. Доказать, что самим фактом их существования и вовлечением значительного количества пользователей по всему миру будут затрагиваться государственные интересы, в том числе интересы информационной безопасности, а также интересы неопределенно широкого круга лиц.

Есть веские основания предполагать, что подобный переход отношений на качественно иной уровень в виртуальной сфере может произойти в ближайшие годы. 28 октября 2021 года Марк Цукерберг, основатель компании Facebook (Meta)¹, заявил о планах создания метавселенной, которая станет общемировой средой виртуальной реальности с применением VR- и AR-технологий. Планируется, что к концу 2020-х годов аудитория метавселенной составит более 1 млрд человек; уже в 2021 году инвестиции в размере 10 млрд долларов будут направлены на развитие проекта [2, 3]. Важность рассматриваемого вопроса признается и на государственном уровне.

12 ноября 2021 президент РФ В.В. Путин на конференции по искусственному интеллекту (AI) Jouney 2021 обратил внимание на проблему обеспечения кибербезопасности аватаров в виртуальных метавсе-

ленных [4]. Правительство РФ заинтересовалось вопросами налогообложения виртуальных предметов, которые воспринимаются как реальный товар и инструмент инвестиций, а также рисками их использования при отмывании денежных средств и финансировании терроризма [5].

Появление и широкое распространение криптовалют и основанных на них невзаимозаменяемых токенов (NFT), которые являются одними из технологических основ метавселенной, существенное расширение количества пользователей позволяют сделать вывод о том, что метавселенные на современном этапе затрагивают интересы государства.

В Российской Федерации в настоящее время отсутствуют комплексные научные исследования, посвященные вопросам развития и способам регулирования отношений в виртуальных вселенных, прежде всего в метавселенных. Изложенные обстоятельства более не позволяют оставлять данную область вне сферы государственного и, прежде всего, научного внимания.

Вопросы правового режима виртуальных сред в настоящее время практически не разработаны в юридической литературе. В числе немногих отечественных научных источников следует назвать работы В.В. Архипова [6, 7], Ю.М. Батурина и С.В. Полубинской [8], А.И. Савельева [9]. При этом социофилософские вопросы, связанные с феноменом виртуальности, разработаны в научных монографиях Д.В. Иванова [10], М.А. Пронина [11] и др.

К числу зарубежных публикаций, связанных с темой исследования, относятся работы В.Т. Duranske [12], G. Lastowka и D. Hunter [13], Jon M. Garon [14] и др.

ВИРТУАЛЬНЫЕ СРЕДЫ И ПОЯВЛЕНИЕ НОВЫХ ПРАВОВЫХ ПРОБЛЕМ

С учетом распространения виртуальных объектов и появления метавселенных, первые функционирующие прототипы которых, согласно прогнозам, будут доступны для широкой общественности уже в 2025 году [15], необходим заблаговременный анализ правоотношений в реальном мире, которые будут затронуты феноменом виртуализации.

Вопреки распространенному в массовой культуре мнению, процесс виртуализации охватывает не только создание всевозможных компьютерных симуляций с использованием виртуальных технологий; напротив, данный термин имеет более фундаментальный характер и изначально разрабатывался как философская и социологическая конструкция в трудах зарубежных

¹ С 21 марта 2022 года компания Facebook (Meta) официально запрещена на территории России.

(в частности, социологов Ахима Бюля, Артура Крокера и др.) и отечественных (в работах Д.В. Иванова, Санкт-Петербургский государственный университет) ученых.

Д.В. Иванов под виртуализацией понимает двухаспектный процесс: во-первых, виртуализация самого общества, то есть использование нематериальных эфемерных объектов (феноменов) в ходе деятельности в реальном, материальном мире; во-вторых, создание специальных компьютерных симуляций, имитирующих реальное пространство (виртуальной реальности) [10, с. 15–18]. Фактически речь идет об узком и широком понимании процесса виртуализации. «Виртуализация — это любое замещение реальности ее симуляцией/образом — не обязательно с помощью компьютерной техники, но обязательно с применением логики виртуальной реальности» [10, с. 19].

Следует согласиться с изложенной точкой зрения. Практика показывает, что даже юридическая наука, категориальному аппарату которой незнаком термин «виртуализация», прибегает к его использованию. Ярким примером является конструкция юридического лица, в которой фактически речь идет о виртуальной личности, виртуальном субъекте права, которого не существует в реальном пространстве. При этом следует учитывать, что виртуализация — это процесс, для корректного восприятия которого необходимо соответствующее мышление, понимание так называемой логики виртуальной реальности. В качестве ежедневно встречающегося феномена виртуализации можно также привести идентификацию по электронной подписи, по номеру счета в офшорной юрисдикции, когда вместо реальной (выраженной на материальном носителе) подписи принимается электронная подпись, фактически образ, замещающий непосредственное подписание документа.

Данный пример интересен также тем, что подводит нас к еще одной фундаментальной методологической проблеме. Означает ли указание на «виртуальность» того или иного явления одновременно его нереальность? Синонимичны ли термины «виртуальный» и «нереальный»? Для ответа на эти вопросы необходимо обратиться к виртуалистике — философскому направлению, которое сложилось в рамках Института человека РАН в 1990–2000-е годы.

Предметом изучения данного направления были соотношение константной (исходной) и виртуальной реальностей, законы и принципы их взаимодействия, а также особенности отражения в человеческом мышлении. Представители данного направления однозначно утверждают, что понимание виртуальности как нереальности (воображения, иллюзорности

и т.д.) является неверным. «Виртуальность есть другая реальность. Полагается существование двух типов реальности: константной и виртуальной, каждая из которых одинаково реальна» [11, с. 142]. Данное утверждение полностью применимо к современным виртуальным метавселенным, иммерсивная составляющая которых будет наиболее приближена к реальному пространству, чем все ранее существующие феномены. При этом указанный тезис также можно применить к истории развития правового регулирования новых общественных отношений. В качестве примера напомним о правовом режиме воздушного пространства и воздушных судов, о порядке взаимодействия экипажей друг с другом и с диспетчерским пунктом (центром управления полетами).

Очевидно, что регламентация данной сферы на законодательном уровне, когда полеты человека над земной поверхностью казались невозможными и воспринимались как область фантастики, отсутствовала, а сама постановка вопроса казалась абсурдной. При этом после первых успешных экспериментальных полетов в первые годы XX века началась теоретическая разработка вопросов юрисдикции в воздушном пространстве и так называемых свобод воздуха. В настоящее время полеты авиации широко распространены и являются неотъемлемой частью человеческой культуры. Виртуальные объекты — от простейших до метавселенных — как новая область социального взаимодействия имеют большое сходство с развитием авиационного и становлением воздушного права в части их перехода из разряда «нереального», «воображаемого», «несерьезного» в полноценную сферу правового регулирования.

Термин *metaverse* (метавселенная) образован от лат. *meta* — «следующее», «за», «после», «через» и др., и англ. *universe* — «вселенная» [16]. В настоящее время отсутствует единый универсальный термин, описывающий это явление. Впервые термин «метавселенная» был использован Нилом Стивенсоном в его романе «Лавина» (*Snow Crash*). Под метавселенной он понимал цифровой мир, полный иммерсивного (виртуального) опыта, в котором пользователи через свои аватары могут взаимодействовать в реальном времени. Метавселенная как идеальная модель должна обеспечивать полноценный иммерсивный опыт для неограниченного числа участников в режиме реального времени; она должна быть построена на децентрализованных началах, где отсутствует корпоративная власть и недобросовестное воздействие на пользователей [17].

Как известно, право всегда не торопится сразу приступать к регулированию новых общественных отношений. И это правильно — право всегда должно

быть в хорошем смысле консервативным. Однако на сегодняшний день такое запаздывание права в области информационных технологий окончательно превратилось в разрыв: технологии отмирают и сменяются другими еще до того, как ими заинтересовалось право. «Умные» часы, «умный» дом, беспилотные автомобили и иные технологические решения, основанные на применении слабого искусственного интеллекта, быстро начинают внедряться в нашу повседневную жизнь. Это означает, что, по крайней мере, в информационном праве надо отказываться от классического запаздывания в законодательстве и переходить к экспериментальным правовым режимам, активно занимаясь новациями в законодательстве.

Опыт построения виртуальных игровых вселенных показывает, что между их пользователями чрезвычайно широко распространены отношения, связанные со «сделками» по отчуждению объектов виртуального мира. С точки зрения обычного пользователя, функционал подобных виртуальных миров предоставляет ему возможность продать, купить либо подарить определенные объекты. В качестве примера можно привести торговую площадку виртуального мира Second Life [18]. Аналогичные функции предоставляются в иных многопользовательских виртуальных мирах.

Чем являются такие «сделки» с точки зрения права, которому неизвестна категория виртуальных объектов как самостоятельного объекта правового регулирования? Законодательство не дает ответа на поставленный вопрос, а сложившаяся практика исходит из лицензионной модели взаимодействия пользователя и правообладателя виртуального мира [19]. Мы осознанно не используем термин «сделка» в его строгом, формально-юридическом значении (ст. 153 ГК РФ), так как в господствующей гражданско-правовой доктрине в настоящее время остается открытым вопрос о том, могут ли возникать (изменяться/прекращаться) какие-либо гражданские права в ходе совершения операций по распоряжению виртуальными объектами.

Сравним потенциальную модель купли-продажи (дарения) виртуальных объектов и существующую модель с применением лицензионного соглашения.

1. Купля-продажа (дарение). В рамках данной модели мы исходим из признания за пользователем комплекса прав на созданный или приобретенный им у администратора объект виртуального мира: в отношении созданного пользователем объекта — как прав на результаты интеллектуальной деятельности с возможностью создания неограниченного количества подобных объектов, так и прав владения, пользования и распоряжения конкретным, уже созданным объек-

том. В случае приобретения виртуального объекта у администратора интеллектуальные права сохраняются за последним, однако право владеть, пользоваться и распоряжаться конкретным объектом переходит к приобретателю такого объекта (см. схемы 1 и 2).

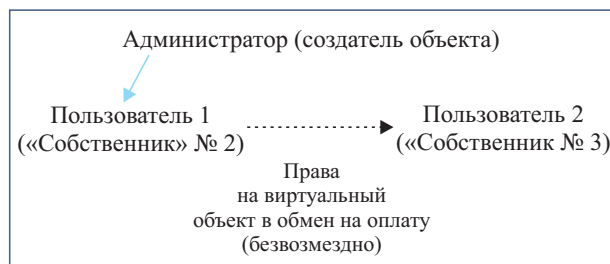

Схема 1. Отчуждение виртуального объекта, созданного правообладателем виртуального мира

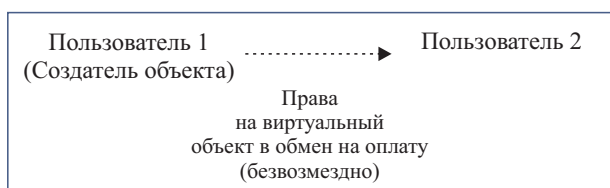

Схема 2. Отчуждение виртуального объекта, созданного непосредственно пользователем

При подобной модели оба пользователя связаны общими положениями пользовательского соглашения о правилах использования виртуального мира, в том числе виртуальных объектов. Однако администратор виртуального мира непосредственно не участвует в отношениях по передаче прав на виртуальный объект между пользователями.

2. Модель лицензирования. В качестве примера рассмотрим лицензионное соглашение компании Linden Lab с конечными пользователями (далее — соглашение) [19]. В пользовательском соглашении вместо термина «виртуальный объект» используется понятие «пользовательский контент», которое несколько шире и охватывает наряду с виртуальными объектами также аудио- и видеозаписи, фотографии, логотипы пользователя, сделанные в виртуальном мире.

Пунктом 2.3 соглашения предусмотрено, что пользователь сохраняет все права интеллектуальной собственности, которыми он обладает в соответствии с действующим законодательством, на контент, который загружает, публикует и отправляет на серверы, веб-сайты и в другие разделы сервиса [19, п. 2.3, абз. 1–2].

Но при этом, подписывая соглашение, пользователь отказывается от всех неимущественных прав

(включая указание авторства и целостности), которыми он может обладать в отношении пользовательского контента. В случае если национальное законодательство не признает подобный отказ, пользователь безоговорочно соглашается не использовать права, от которых он не может отказаться. Пользователь как первоначальный правообладатель созданного им контента предоставляет Linden Lab неисключительное, неограниченное, безусловное, всемирное, безотзывное, бессрочное и беззатратное право и лицензию на использование, копирование, запись, распространение, изменение, создание производных работ и продажу, перепродажу или сублицензирование (через несколько уровней) и иное использование любым способом всего контента или любую часть пользовательского контента (и производные работы от него) для любых целей в любых форматах, на (или через) любые носители, программное обеспечение, формулы или носители, известные сейчас или те, что будут разработаны в будущем, и с помощью любых технологий или устройств, известных сейчас или будущих, и рекламировать, продавать и продвигать то же самое [19, п. 2.3, абз. 4-5]. При этом отдельно указано, что при получении лицензии на пользовательский контент лицо не приобретает право собственности на любые копии контента (см. схему 3).

Схема 3. Соотношение объема прав, передаваемых создателю виртуального мира и другим пользователям

Создатель виртуального мира (Linden Lab)	Другие пользователи
• всемирное • неограниченное • безотзывное • безусловное • бессрочное • беззатратное • неисключительное право использования пользовательского контента в любых целях, на любых носителях и любыми способами, в том числе на продажу и перепродажу или сублицензирование	• неисключительное право. Нельзя ограничивать права, уже переданные Linden Lab • указание на то, что в рамках лицензии не приобретается право собственности на копии контента

Пунктом 2.4 соглашения предусмотрено, что помимо предоставления «сверхлицензии» и передачи полномочий по представлению интересов компании Linden Lab пользователь вправе предоставлять неисключительные лицензии другим пользователям. Таким образом оформляется продажа виртуальных объектов (см. схему 4).

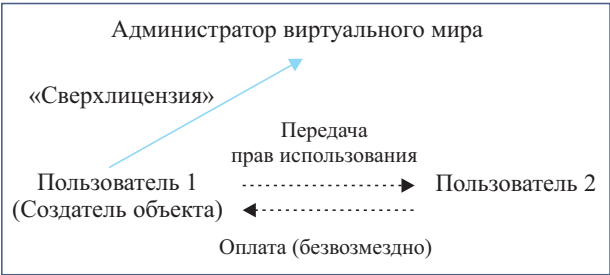

Схема 4. Юридическое оформление оборота виртуальных объектов с использованием лицензионного соглашения

С учетом изложенного следует признать, что лицензионная модель применяется в связи с отсутствием в настоящий момент иных подходящих для этого юридических конструкций, а также в связи с нежеланием со стороны правообладателей виртуальных миров передавать пользователям какие-либо права.

Опосредование отношений по обороту виртуальных объектов через призму лицензионных правоотношений содержит существенные противоречия. Например, для реального и виртуального миров типична ситуация, когда продавец решает снять товар с продажи. Последствия этого — невозможность для новых лиц приобрести товар у продавца, однако все, кто его уже приобрели, сохраняют свои права и вправе продолжать им пользоваться и распоряжаться.

В лицензионной модели лицензиар по общему правилу вправе отозвать лицензию, тем самым возвратив себе исключительные права на охраняемый результат интеллектуальной деятельности. То есть такое лицо может не только не выдавать новые лицензии, но и отозвать все ранее выданные. Подобное правомочие вносило бы существенный дисбаланс в экономические отношения в рамках виртуального мира, так как позволяло бы лишить обладателей виртуальных объектов права на их использование. В связи с этим в лицензионных соглашениях предусматривают, что действие выданных пользователем лицензий прекращается в связи с удалением им своего контента, за исключением лицензий в отношении объектов, которые находятся в инвентаре других пользователей [19, п. 2.6]. Это фактически делает невозможным отзыв лицензии и подтверждает искусственный характер лицензионных правоотношений в этой сфере, необходимость пересмотра существующих подходов к юридической квалификации отношений по обороту виртуальных объектов.

Сущность указанных отношений прямо свидетельствует о необходимости изменения подходов к их законодательному регулированию. Привычная для обычного пользователя конструкция сделок по отчуждению виртуальных объектов как самостоя-

тельных объектов оборота в наибольшей степени отвечает сложившимся отношениям. Однако ее детальная разработка, в частности ответ на вопросы о том, какую договорную конструкцию следует использовать — традиционную куплю-продажу, договор об отчуждении исключительных прав либо специально разработанную для указанных отношений модель смешанного договора — предмет дальнейшего исследования и научных дискуссий. Необходимо учитывать, что выбранный путь будет напрямую влиять на понимание правовой природы виртуальных объектов, их правовой режим и охрану: рассмотрение виртуальных объектов в качестве иного имущества, к которому по аналогии применяются нормы о вещах либо ценных бумагах; в качестве имущественного права либо охраняемого результата интеллектуальной деятельности (сложного объекта, ст. 1240 ГК РФ).

ВЛИЯНИЕ ВИРТУАЛИЗАЦИИ НА ПРАВООТНОШЕНИЯ В РЕАЛЬНОМ МИРЕ

Можно назвать следующие сферы, которые подвергнутся (либо уже подверглись) феномену виртуализации и в которых непосредственно затрагиваются публичные интересы государства.

Налогообложение операций по отчуждению виртуальных объектов, а также с использованием виртуальной валюты, недопущение их использования для финансирования терроризма.

Вопросы налогообложения следует рассматривать как с точки зрения налоговой обязанности правообладателя виртуального мира, так и с точки зрения налогообложения другого участника проведенной операции — пользователя. В первом случае вопрос по существу решается положительно в судебной практике, в частности — в Определении Верховного Суда РФ № 305-КГ15-12154 от 30.09.2015 по делу «Мэйл. РуГеймз» [20]. Зарубежный опыт регулирования в этом направлении также представляет интерес: Агентство по борьбе с финансовыми преступлениями FinCEN (структурное подразделение Министерства финансов США) с 2011 года требует от компаний, осуществляющих операции с валютами, денежными средствами и иными ценностями, заменяющими валюту, подачи соответствующих отчетных документов в целях противодействия финансированию терроризма [14, с. 25]. При этом вопросы налогообложения пользователей, в особенности в ситуации, когда отчуждение виртуального объекта произошло между двумя самостоятельными резидентами без непосредственного участия правообладателя, в настоящее время не урегулированы, что становится актуальным в условиях метавселенной, в которой (как минимум

исходя из уже известной информации) будут функционировать виртуальные магазины по продаже виртуальных предметов, в частности компания Nike, Inc [21, 22].

Правительство РФ изучает вопрос о налогообложении операций с внутриигровыми предметами, а также риски, связанные с их использованием для финансирования экстремистской и террористической деятельности, а также для легализации (отмывания) доходов [23]. Однако конкретные законодательные и правоприменительные решения, в том числе стратегического характера, в данном направлении в настоящее время отсутствуют.

Антимонопольное регулирование, в том числе пресечение недобросовестных практик ведения бизнеса в виртуальных метавселенных. Данный вопрос наряду с проблемой возникновения новых категорий правонарушений, проблемами обработки персональных данных и возможности метавселенных влиять на социальные процессы изложен в парламентском запросе депутата Европарламента Изабеллы Адинолфи (Isabella Adinolfi) от 15.02.2022 № E-000656/2022 [24]. Данный запрос также интересен тем, что в нем перед Европейской комиссией прямо поставлены следующие вопросы: может ли Комиссия начать исследование, чтобы лучше понять метавселенную, в частности риски для широкой публики? Можно ли сразу приступить к регулированию этой отрасли, поскольку из-за ее масштабов она может ускользнуть из-под действующих правовых и потребительских гарантий [24]?

Вопросы информационной безопасности. В докладе Национального совета по разведке США о путях развития мирового сообщества до 2040 года, который был опубликован в марте 2021 года, отмечен такой вид угроз, как создание виртуальных тренировочных лагерей для террористов [25]. С позиции американских исследователей существует риск того, что некоторые негосударственные субъекты попытаются противодействовать усилиям государства по укреплению суверенитета на новых границах, включая киберпространство и космос, что названо одной из важных угроз информационной безопасности США [25, с. 97]. При этом сам способ формирования правил поведения в указанных сферах со стороны наиболее влиятельных негосударственных субъектов, несмотря на возможные риски, признается наиболее подходящим [25, с. 100–102].

Вопросы конфиденциальности и распространения данных в новой виртуальной среде. В этом аспекте можно частично говорить о кибербезопасности аватаров в виртуальных метавселенных, на важность которой обратил внимание В.В. Путин на конференции по искусственному интеллекту (AI) Journey 2021 [26]. Виртуальные метавселенные и применяемые в них

технологии могут открыть новую эру шпионажа: возможность воспроизвести внешний вид аватара с сочетанием с имитацией голоса (который изначально может быть изменен пользователем) без дополнительных средств защиты, прежде всего программных, создает существенные угрозы для несанкционированного доступа к конфиденциальной информации [27].

Проблема виртуальной трудовой мобильности. По оценкам американских исследователей, внедрение новых информационных технологий в ближайшие 10–15 лет ликвидирует около 9% общемирового числа существующих рабочих мест и кардинальным образом изменит еще треть. При этом будут созданы новые, «виртуальные», рабочие места, которые обеспечат большую виртуальную мобильность рабочей силы благодаря различным интернет-платформам [25, с. 46] (в контексте настоящего исследования — речь о метавселенной). В связи с этим необходимо регулировать деятельность самозанятых, которые будут использовать метавселенную как платформу для реализации своих товаров и услуг, в том числе с точки зрения их взаимодействия с конечными пользователями (потребителями) в таких виртуальных средах. В зарубежной юридической литературе ранее уже проводились исследования сущности, проблем и перспектив виртуальной работы [28, 29].

Появление новых видов правонарушений. В данную группу общественных отношений включаются, во-первых, новые виды правонарушений, возникновение которых непосредственно связано со становлением метавселенной, например административные правонарушения в сфере антимонопольного либо рекламного законодательства, гражданские правонарушения в сфере защиты прав потребителей, преступления в сфере компьютерной информации и преступления, совершенные с использованием информационных технологий. Во-вторых, сюда включаются непосредственно виртуальные «правонарушения», вопрос о существовании которых обсуждается в зарубежной юридической литературе на протяжении последних двух десятилетий [30, 31]. При этом в отечественной правовой науке также существуют исследования правовой природы виртуальных «преступлений» и момента их перехода в категорию реальных деяний, запрещенных уголовным законодательством [8, с. 9–35].

ВИДЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ В ВИРТУАЛЬНЫХ ПРОСТРАНСТВАХ: СООТНОШЕНИЕ И ТЕНДЕНЦИИ

Современной юридической науке известны следующие виды правового регулирования общественных отношений: саморегулирование, государственное и между-

народно-правовое, а также договорное регулирование. Каждый из них может быть использован при упорядочивании отношений, связанных с деятельностью в виртуальных мирах.

В настоящее время преимущественным способом правового регулирования отношений в виртуальных пространствах является договорное регулирование, основной формой выражения которого выступают лицензионные соглашения, а также соглашения об условиях обслуживания, заключаемые между пользователями и правообладателями виртуального мира. Государства и международные организации до настоящего времени не участвовали в определении правил поведения в виртуальных пространствах. Это связано с тем, что право традиционно не регулирует «несерьезные», «игровые отношения», которые, как правило, не могут каким-либо образом затронуть государственные или общественные интересы [6].

Отсутствие публично-правового регулирования привело к тому, что на сегодняшний день можно констатировать фактически бесправное положение пользователей, отсутствие у них прав даже на результаты собственного творческого труда, осуществленного в виртуальном мире. Это связано с тем, что содержание договоров, заключаемых с пользователями, изначально составлено таким образом, чтобы защищать интересы исключительно правообладателя виртуального мира.

В иностранной юридической литературе высказываются опасения, что лицензионное соглашение, опосредующее юридические права и обязанности участников виртуального мира и заключенное с каждым из них, в условиях метавселенной действительно может стать аналогом современного национального права. Более того, подобное положение вещей рассматривается в качестве одной из угроз национальной безопасности США в связи с тем, что соглашение может быть умышленно составлено таким образом, чтобы существенно ограничить либо исключить действие государственных правовых норм [14, с. 36–37].

В отличие от публичных интересов, не любой частный интерес пользователя является юридическим интересом, который охраняется со стороны права. Следует ли регулировать взаимоотношения между пользователями (прежде всего экономические), а также придать правовую форму контрольным функциям правообладателя виртуального мира и мерам дисциплинарного (ограничительного) характера, которые он уполномочен применять по отношению к резидентам? Затрагиваются ли интересы государства частной сферой виртуальных отношений и могут ли происходящие в ней процессы повлиять на направления государственной политики? Или, напротив, следует

придерживаться концепции «игрового характера отношения», из которой следует, что, раз пользователь принял правила игры, он обязан им следовать, не может оспаривать содержащиеся в них положения и такие отношения не подлежат судебной защите [32]. Ответы на эти вопросы представляются следующими.

А. Государственное регулирование должно охватывать сферу непосредственно публичных интересов: налогообложения, банковской, страховой и иной финансовой деятельности, конфиденциальности и защиты персональных данных в виртуальном мире. Существующие правовые решения и правила поведения в указанных областях следует распространить на отношения, складывающиеся в виртуальных мирах, за исключением той их части, которая будет противоречить существу данных отношений в рамках виртуального мира. Кроме того, на законодательном уровне должен быть определен правовой режим виртуальных объектов (активов). Иное в условиях распространения метавселенных и многократного увеличения числа пользователей в контексте скачкообразного развития виртуальной экономики прямо противоречит здравому смыслу.

Б. Не все публичные интересы можно защитить только при помощи государственного регулирования. Необходимо комплексное регулирование отношений в виртуальной среде на основе сочетания саморегулирования с государственным и договорным регулированием.

В. Международно-правовое регулирование применительно к виртуальной среде является субсидиарным механизмом. Возможна регламентация отдельных положений на международном уровне, в частности закрепление перечня прав пользователей в целях ускорения процесса по отходу от традиционной концепции бесправного пользователя. На начальном этапе речь следует вести об актах декларативного характера. При этом с учетом сложности принятия международных документов, особенно в современных условиях, необходимо именно национальное регулирование соответствующих вопросов. При этом следует стремиться к тому, чтобы оно было сходным по ключевым вопросам, иначе в условиях различных правовых систем, в которых может существенно различаться правовое регулирование, будет невозможна эффективная защита ни прав пользователей, ни прав правообладателей виртуальных миров. В случае с пользователями, если в одной стране будут признаны права на виртуальное имущество, будет определен его правовой режим, а в другой продолжит сохраняться практика отказа в судебной защите «игровых» требований (как это сегодня происходит в РФ), будет налицо дискриминация пользователей по региональному признаку.

Г. Необходимо ограничить институт арбитражной оговорки в интересах защиты прав пользователей (за исключением коммерческих субъектов).

ВИРТУАЛЬНОЕ ПРАВО И ИНФОРМАЦИОННОЕ ПРАВО

Выше было показано, что категория «виртуальное право» прежде всего обозначает новое самостоятельное направление научных исследований в области регулирования отношений в виртуальных пространствах, возникающих между пользователями виртуальных миров (платформ), а также между ними и правообладателями таких миров. С учетом современного состояния российской и зарубежной науки данное направление может развиваться в рамках науки информационного права, а также как новое направление исследований в теории государства и права через призму развития конструкции мягкого права и функций институтов гражданского общества в современных технологических и социальных условиях.

Иные отрасли юридической науки (например, гражданское право) в настоящее время методологически не готовы к развитию данного направления, в том числе из-за внутриотраслевых методологических противоречий, в частности господствующего в цивилистике натуралистического подхода, вызывающего сложности с включением неовещественных объектов в предмет правового регулирования. Например, классический пример «виртуального» неовещественного объекта — это бездокументарные ценные бумаги и связанные с ними споры о возможности их истребования по аналогии с правилами о вещах. При этом отметим, что и в рамках цивилистического направления отдельные исследователи занимаются разработкой проблем правового режима виртуальных объектов [9].

В подобных условиях, когда ни гражданско-правовая наука, ни теория права отдельно не занимаются изучением соответствующих проблем, следует признать, что именно информационное право как юридическая наука, комплексно рассматривающая возникающие проблемы в информационной сфере, может стать площадкой для развития теории виртуального права и восполнить существующий пробел.

В современных условиях информационное право может стать подходящей площадкой для развития теории виртуального права. При этом решение отдельных теоретических вопросов, связанных с отношениями в виртуальных вселенных, также возможно в рамках теории государства и права и отдельных юридических отраслей. В юридических исследованиях не следует абсолютизировать ценность внутренней си-

системы юридической науки, ставить ее превыше интересов непосредственных участников общественных отношений и объективной потребности в разработке правового регулирования.

В рамках настоящего исследования были рассмотрены отношения, складывающиеся между пользователями и правообладателями виртуальных вселенных, феномен метавселенной и его технологическая составляющая, а также существующие типы управления и регулирования таких виртуальных метавселенных (государственный, общественный, корпоративный). При этом в рамках изучения того или иного проблемного вопроса он рассматривался как с внутренней, так и с внешней точек зрения, анализировались наиболее подходящие способы его решения.

ВЫВОДЫ

1. Виртуализация не означает перехода отношений в сферу «воображаемого», «нереального», т.е. за рамки социального, в том числе правового регулирования.

2. Распространение виртуальных технологий, с одной стороны, окажет влияние на реализацию права на труд, свободу экономической деятельности и право свободно распоряжаться собственным имуществом в контексте виртуальных активов и виртуальной трудовой деятельности, с другой стороны, создаст новые угрозы для национальной безопасности государства в налоговой, антимонопольной, информационной, правоохранительной и иных сферах.

3. Необходимо комплексное регулирование отношений в виртуальных вселенных на основе разграничения публичных и частных интересов, а также возможности последних оказывать влияние на государственную политику и благосостояние граждан.

4. Договорное регулирование и саморегулирование в сочетании с государственным (и, возможно, международным) регулированием на современном этапе будет одним из ключевых способов упорядочивания отношений в виртуальных пространствах.

5. Оставление публично-правовых вопросов, связанных с виртуальными вселенными, вне сферы правового регулирования противоречит здравому смыслу и расходится с государственными интересами.

6. Сегодня преобладает фактически бесправное положение пользователей виртуальных миров, отсутствие у них прав даже на результаты собственного творчества, осуществленного в виртуальном мире.

7. Лицензионная модель не подходит для регулирования отношений по отчуждению виртуальных объектов, так как не соответствует фактическому содержанию таких отношений и затрудняет реальную

защиту прав пользователей ввиду ее направленности исключительно на защиту интересов правообладателей виртуальных миров.

8. Конструкция сделок по отчуждению виртуальных объектов в наибольшей степени соответствует сложившимся отношениям.

9. Признание виртуальных активов («виртуальной собственности») ценностью, которая охраняется гражданским законодательством и подлежит судебной защите, соответствует здравому смыслу и существу сложившихся отношений.

10. Отказ в судебной защите требований, связанных с участием в виртуальном мире, напротив, здравому смыслу не соответствует, за исключением виртуальных казино и иных подобных площадок, которые подпадают под определение игр и пари и регулируются законодательством об азартных играх и гл. 58 ГК РФ.

11. Потенциальная невозможность рассмотрения споров с участием пользователей виртуальных миров (при условии предоставления им судебной защиты) в национальных судах из-за повсеместного применения арбитражных оговорок даже при распространении рекламы, ориентированной на граждан конкретного государства, нарушает баланс интересов сторон, в особенности пользователя как заведомо слабой стороны, что также не соответствует здравому смыслу.

12. Эффективное решение выявленных проблем в виртуальной сфере возможно только на основе комплексного характера исследования при соотношении внутренней и внешней точек зрения с учетом фактического положения дел, то есть технологического и социального развития экосистемы виртуальных миров (материальный критерий).

В.В. Архипов в своей докторской диссертации, посвященной изучению семантических пределов права, в том числе применительно к виртуальным пространствам, справедливо отметил: «Изучение патологии может дать больше результатов, чем изучение здорового состояния. Патологии в праве не сводятся только к нарушению правил юридической техники, отдельных норм или принципов либо чего-либо еще привычного и понятного. Есть гораздо более “основательные” патологии, которые распознать очень сложно — настолько близко они порой к нам находятся, а смотрим мы в основном вдаль или вглубь» [6]. Следовательно, право на современном этапе должно быть ориентировано не только на решение насущных проблем, но и на изучение пограничных, ранее неисследованных состояний.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Основные положения гражданского права: постатейный комментарий к ст. 1–16.1 Гражданского кодекса Российской Федерации / А.В. Асосков, В.В. Байбак, Р.С. Бевзенко и др.; отв. ред. А.Г. Карапетов. М.: М-Логос, 2020. С. 63.
2. Что метавселенная может дать Facebook и инвесторам. — URL: <https://thebell.io/amp/chto-metavselennaya-mozhet-dat-facebook-i-investoram> (дата обращения: 21.10.2022).
3. Facebook is spending at least \$10 billion this year on its metaverse division. — URL: <https://www.theverge.com/2021/10/25/22745381/facebook-reality-labs-10-billion-metaverse> (дата обращения: 21.10.2022).
4. Российская газета, 2021, 15 ноября. — URL: <https://rg.ru/2021/11/15/putin-vystupil-na-konferencii-po-iskusstvennomu-intellektu.html> (дата обращения: 20.10.2022).
5. Коммерсантъ, 2022, 28 января. — URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5183593> (дата обращения: 19.10.2022).
6. Архипов В.В. Семантические пределы права в условиях медиального поворота: теоретико-правовая интерпретация: дисс. ... докт. юр. наук. Санкт-Петербург, 2019. 403 с.
7. Архипов В.В. Виртуальное право: основные проблемы нового направления юридических исследований // Правоведение. 2013. № 2. С. 93–114.
8. Батурин Ю.М., Полубинская С.В. Что делает виртуальные преступления реальными // Труды Института государства и права РАН (Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS). 2018. Т. 13. № 2. С. 9–35.
9. Савельев А.И. Правовая природа виртуальных объектов, приобретаемых за реальные деньги в многопользовательских играх // Вестник гражданского права. 2014. Т. 14. № 1. С. 127–150.
10. Иванов Д.В. Виртуализация общества. СПб.: Петербургское востоковедение, 2000. 96 с.
11. Пронин М.А. Виртуалистика в Институте человека РАН. М.: ИФРАН, 2015. 185 с.
12. Duranske B.T. Virtual Law: Navigating the Legal Landscape of Virtual Worlds. Chicago: ABA Publishing, 2008. — URL: <https://archive.org/details/virtual-lawnaviga0000dura/page/n1/mode/2up?view=theater> (дата обращения: 21.10.2022).
13. Lastowka Greg, Hunter Dan. The Laws of the Virtual Worlds // California Law Review. Vol. 92, No. 1, 2004. — URL: <https://ssrn.com/abstract=402860> (дата обращения: 21.10.2022).
14. Garon Jon M. Legal Implications of a Ubiquitous Metaverse and a Web3 Future (January 3, 2022). 63 с. — URL: <https://ssrn.com/abstract=4002551> (дата обращения: 04.05.2022).
15. Ortega Andrés. Wars of the three spheres: the west, the east and the metaverse. — URL: <https://katehon.com/en/article/wars-three-spheres-west-east-and-metaverse> (дата обращения: 19.10.2022).
16. WorldSense English dictionary. Metaverse. — URL: <https://www.wordsense.eu/metaverse/> (дата обращения: 20.10.2022)
17. Framework for the Metaverse. — URL: <https://www.matthewball.vc/all/forwardtothemetaverseprimer> (дата обращения: 21.10.2022).
18. Торговая площадка виртуального мира Second Life. — URL: <https://marketplace.secondlife.com/> (дата обращения: 21.10.2022).
19. Лицензионное соглашение компании Linden Lab с конечными пользователями. — URL: <https://www.lindenlab.com/tos#> (дата обращения: 21.10.2022).
20. Определение Верховного Суда РФ № 305-КГ15-12154 от 30.09.2015 по делу № А40-91072/14.
21. Заявка компании Nike, Inc на регистрацию товарного знака от 27.10.2021. — URL: <https://tsdr.uspto.gov/documentviewer?caselid=sn97096366&docId=D-SC20211110012755#docIndex=2&page=1> (дата обращения: 21.10.2022).
22. Nike just bought a virtual shoe company that makes NFTs and sneakers 'for the metaverse' // Официальный сайт издания The Verge. — URL: <https://www.theverge.com/22833369/nike-riftk-nft-sneaker-shoe-metaverse-company> (дата обращения: 19.10.2022).
23. Коммерсантъ, 2022, 28 января. — URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5183593> (дата обращения: 19.10.2022).
24. Parliamentary questions. Regulating the metaverse. URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/E-9-2022-000656_EN.html. (дата обращения: 21.10.2022).
25. Седьмой доклад Национального совета по разведке США «Global Trends 2040: A More Contested World». С. 115. — URL: https://www.dni.gov/files/ODNI/documents/assessments/GlobalTrends_2040.pdf (дата обращения: 21.10.2022).
26. Российская газета, 2021, 15 ноября. — URL: <https://rg.ru/2021/11/15/putin-vystupil-na-konferencii-po-iskusstvennomu-intellektu.html> (дата обращения: 20.10.2022).
27. The Metaverse Is Coming, and the World Is Not Ready for It. The New York Times. 02.12.2021. — URL: <https://www.nytimes.com/2021/12/02/opinion/metaverse-politics-disinformation-society.html> (дата обращения: 21.10.2022).
28. Cherry, Miriam A. A Taxonomy of Virtual Work // Georgia Law Review, Forthcoming. 2010. July 26. —

- URL: <https://ssrn.com/abstract=1649055> (дата обращения: 20.10.2022).
29. Todolí-Signes Adrian. El Impacto De La "Uber Economy" En Las Relaciones Laborales: Los Efectos De Las Plataformas Virtuales En El Contrato De Trabajo (December 18, 2015). IUS Labor 3/2015, P. 1–25. — URL: <https://ssrn.com/abstract=2705538> (дата обращения: 20.10.2022).
 30. Brenner Susan W. Is There Such a Thing as "Virtual Crime" // California Criminal Law Review. 2001. Vol. 4. No. 1. — URL: <https://ssrn.com/abstract=1611839> (дата обращения: 20.10.2022).
 31. Kerr Orin S. Criminal Law in Virtual Worlds (2008). 2008 University of Chicago Legal Forum 415 (2008). — URL: <https://ssrn.com/abstract=1097392> (дата обращения: 20.10.2022).
 32. Решение Чертановского районного суда города Москвы от 27.12.2018 по делу № 02-4488/2018. — URL: <https://www.mos-gorsud.ru/rs/chertanovskij/services/cases/civil/details/b2fac727-0490-443f-acb0-21306e0c6663?participants=wargaming> (дата обращения: 21.10.2022).
- ## REFERENCE
1. Osnovnye polozheniya grazhdanskogo prava: postatejnyj kommentarij k stat'yam 1–16.1 Grazhdanskogo kodeksa Rossijskoj Federacii. M.: M-Logos, 2020. S. 63.
 2. Chto metavselennaya mozhet dat' Facebook i investoram. — URL: <https://thebell.io/amp/chto-metavselennaya-mozhet-dat-facebook-i-investoram> (дата обращения: 21.10.2022).
 3. Facebook is spending at least \$10 billion this year on its metaverse division. — URL: <https://www.theverge.com/2021/10/25/22745381/facebook-reality-labs-10-billion-metaverse> (дата обращения: 21.10.2022).
 4. Rossijskaya gazeta, 2021, 15 November. — URL: <https://rg.ru/2021/11/15/putin-vystupil-na-konferencii-po-iskusstvennomu-intellektu.html> (дата обращения: 20.10.2022).
 5. Kommersant, 2022, 28 January. — URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5183593> (дата обращения: 19.10.2022).
 6. Arhipov V.V. Semanticheskie predely prava v usloviyah medial'nogo povorota: teoretiko-pravovaya interpretaciya: dissertaciya na soiskanie uchenoj stepeni doktora yuridicheskikh nauk. SPb, 2019. 403 s.
 7. Arhipov V.V. Virtual'noe pravo: osnovnye problemy novogo napravleniya yuridicheskikh issledovanij // Pravovedenie. 2013. No. 2. S. 93–114.
 8. Baturin Yu.M., Polubinskaya S.V. Chto delaet virtual'nye prestupleniya real'nymi. / Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS. 2018. Vol. 13. No. 2. S. 9–35.
 9. Savel'ev A.I. Pravovaya priroda virtual'nyh ob'ektov, pribretaemyh za real'nye den'gi v mnogopol'zovatel'skih igrakh. Vestnik grazhdanskogo prava. 2014. T. 14. No. 1. S. 127–150.
 10. Ivanov D.V. Virtualizaciya obshchestva. SPb.: Peterburgskoe Vostokovedenie, 2000. 96 s.
 11. Pronin M.A. Virtualistika v Institute cheloveka RAN. M.: IFRAN, 2015. 185 s.
 12. Duranske B.T. Virtual Law: Navigating the Legal Landscape of Virtual Worlds. Chicago: ABA Publishing, 2008. — URL: <https://archive.org/details/virtuallawnaviga0000dura/page/n1/mode/2up?view=theater> (дата обращения: 21.10.2022).
 13. Lastowka Greg and Hunter Dan. The Laws of the Virtual Worlds. California Law Review, Vol. 92, No. 1, 2004. — URL: <https://ssrn.com/abstract=402860> (дата обращения: 21.10.2022).
 14. Garon Jon M. Legal Implications of a Ubiquitous Metaverse and a Web3 Future (January 3, 2022). 63 s. — URL: <https://ssrn.com/abstract=4002551> (дата обращения: 04.05.2022).
 15. Andrés Ortega. Wars of the three spheres: the west, the east and the metaverse. — URL: <https://katehon.com/en/article/wars-three-spheres-west-east-and-metaverse> (дата обращения: 19.10.2022).
 16. WorldSense English dictionary. Metaverse. — URL: <https://www.wordsense.eu/metaverse/> (дата обращения: 20.10.2022).
 17. Framework for the Metaverse. — URL: <https://www.matthewball.vc/all/forwardtothemetaverseprimer> (дата обращения: 21.10.2022).
 18. Torgovaya ploshchadka virtual'nogo mira Second Life. — URL: <https://marketplace.secondlife.com/> (дата обращения: 21.10.2022).
 19. Linden Lab terms of service. URL: <https://www.lindenlab.com/tos#> (дата обращения: 21.10.2022).
 20. Opredelenie Verhovnogo Suda RF № 305-KG15-12154 ot 30.09.2015 po delu No. A40-91072/14.
 21. Zayavka kompanii Nike, Inc na registraciyu tovarnogo znaka ot 27.10.2021. URL: <https://tsdr.uspto.gov/docu mentviewer?caselid=sn97096366&docId=DSC20211110012755#docIndex=2&page=1> (дата обращения: 21.10.2022).
 22. Nike just bought a virtual shoe company that makes NFTs and sneakers 'for the metaverse. Official website of The Verge. — URL: <https://www.theverge.com/22833369/nike-rftft-nft-sneaker-shoe-metaverse-company> (дата обращения: 19.10.2022).
 23. Kommersant. 2022. 28 January. — URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5183593> (дата обращения: 19.10.2022).

24. Parliamentary questions. Regulating the metaverse. — URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/E-9-2022-000656_EN.html (data obrashcheniya: 21.10.2022).
25. "Global Trends 2040: A more contested world". S. 115. — URL: https://www.dni.gov/files/ODNI/documents/assessments/GlobalTrends_2040.pdf (data obrashcheniya: 21.10.2022).
26. Rossijskaya gazeta, 2021, 15 November. — URL: <https://rg.ru/2021/11/15/putin-vystupil-na-konferencii-po-iskusstvennomu-intellektu.html> (data obrashcheniya: 20.10.2022).
27. The Metaverse Is Coming, and the World Is Not Ready for It. The New York Times. 02.12.2021. — URL: <https://www.nytimes.com/2021/12/02/opinion/metaverse-politics-disinformation-society.html> (data obrashcheniya: 21.10.2022).
28. Cherry Miriam A. A Taxonomy of Virtual Work // Georgia Law Review, Forthcoming. 2010. July 26. — URL: <https://ssrn.com/abstract=1649055> (data obrashcheniya: 20.10.2022).
29. Todolí-Signes Adrian. El Impacto De La 'Uber Economy' En Las Relaciones Laborales: Los Efectos De Las Plataformas Virtuales En El Contrato De Trabajo (December 18, 2015). IUS Labor 3/2015. P. 1–25. — URL: <https://ssrn.com/abstract=2705538> (data obrashcheniya: 20.10.2022).
30. Brenner Susan W. Is There Such a Thing as 'Virtual Crime'? // California Criminal Law Review. 2001. Vol. 4. No. 1. — URL: <https://ssrn.com/abstract=1611839> (data obrashcheniya: 20.10.2022).
31. Kerr Orin S. Criminal Law in Virtual Worlds (2008). 2008 University of Chicago Legal Forum 415 (2008). — URL: <https://ssrn.com/abstract=1097392> (data obrashcheniya: 20.10.2022).
32. Reshenie Chertanovskogo rajonnogo suda goroda Moskvy ot 27.12.2018 po delu No. 02-4488/2018. — URL: <https://www.mos-gorsud.ru/rs/chertanovskij/services/cases/civil/details/b2fac727-0490-443f-acb0-21306e0c6663?participants=wargaming> (data obrashcheniya: 21.10.2022).

Научная статья

УДК: 347.78

[https://: doi.org](https://doi.org/.....)

Original article

ЮРИДИЧЕСКАЯ ПРИРОДА ОБЩЕСТВЕННОГО ДОСТОЯНИЯ: ЗА И ПРОТИВ ЕГО ПРИМЕНЕНИЯ В ПРАКТИКЕ THE LEGAL NATURE OF THE PUBLIC DOMAIN: THE PROS AND CONS OF ITS APPLICATION IN PRACTICE

Иван Анатольевич БЛИЗНЕЦ

Московская государственная юридическая академия
имени О.Е. Кутафина, Москва, Российская Федерация,
bliznets@mail.ru

[https://www.elibrary.ru/author_profile.](https://www.elibrary.ru/author_profile.asp?authorid=729646)

[asp?authorid=729646](https://www.elibrary.ru/author_profile.asp?authorid=729646)

SPIN-код: 2784-6978

Информация об авторе

Близнец И.А. — доктор юридических наук, профессор,
академик РАН, почетный работник высшего образо-
вания РФ, ассоциированный член Кафедры ЮНЕСКО
НИУ ВШЭ, профессор кафедры интеллектуальных прав
МГЮА имени О.Е. Кутафина

Аннотация. Подняты проблемы института общественного
достояния в Российской Федерации. Раскрыты правовая
природа общественного достояния и его место в систе-
ме современного авторского права. Даны практические
рекомендации о возможных путях решения данной
проблемы.

Ключевые слова: общественное достояние; авторское
право; вещательные организации; культурная рента;
вознаграждение; целевые программы

Для цитирования: Близнец И.А. Юридическая природа
общественного достояния: за и против его применения

- в практике // Труды по интеллектуальной собствен-
ности (Works on Intellectual Property). 2022. Т. 43, № 4.
• С. 56–60; [http://: dx.doi.org.....](http://dx.doi.org/.....)

Ivan A. BLIZNETS

Kutafin Moscow State Law University, Moscow, Russian
Federation,

bliznets@mail.ru,

[https://www.elibrary.ru/author_profile.asp?author-](https://www.elibrary.ru/author_profile.asp?authorid=729646)
[id=729646](https://www.elibrary.ru/author_profile.asp?authorid=729646),

SPIN-код: 2784-6978

Information about the author

- I.A. Bliznec — Doctor of Law, professor, Academician of the
Russian Academy of Natural Sciences, Honored Worker
of Higher Education of the Russian Federation, Associate
Member of the UNESCO Chair of the National Research
University Higher School of Economics, Professor of the
Department of Intellectual Rights of the Kutafin Moscow
State Law Academy

- **Abstract.** The article raises the problems of the institute of
public domain in the Russian Federation. The legal nature
of the public domain and its place in the system of modern
copyright are revealed. Practical recommendations on
possible ways of solving this problem are given.

Keywords: public domain; copyright; broadcasters; cultural rent; remuneration; targeted programs

For citation: Bliznec I.A. The Legal Nature of the Public Domain: The Pros and Cons of its Application in Practice // Trudi po Intellectualnoy Sobstvennosti (Works on Intellectual Property). 2022. Vol. 43 (4). P. 56–60; <https://doi.org/>

Вопросы правового регулирования такой области авторского права, как общественное достояние, — нечастые гости в научных публикациях последнего времени, особенно в Российской Федерации. Тем не менее я посчитал своим долгом поднять этот вопрос и обсудить его на страницах научных изданий. По моему глубокому убеждению, это особенно важно в условиях, когда так часто в последнее время критикуют систему коллективного управления правами авторов, пытаются принизить роль государства в процессах управления интеллектуальной собственностью и развития в нашей стране интеллектуальной собственности, особенно института авторского права.

Современные реалии таковы, что с развитием техники, внедрением цифровых технологий, широким использованием объектов авторского права и смежных прав как в повседневной жизни, так и в предпринимательской деятельности, ростом числа нарушений в области авторских и смежных прав проблемы использования произведений, ставших «общественным достоянием», «сиротских произведений», по моему мнению, неизбежно приводят к **усилению роли государства в области авторского права.**

Вопросы правового регулирования общественного достояния поднимались и освещались регулярно, с момента введения в широкий экономический оборот объектов авторского права и смежных прав. И многие государства пытались и пытаются решить эту проблему, не нарушая принципов, заложенных Бернской конвенцией.

С середины XX века все чаще в качестве одного из вариантов решения проблем, связанных с необходимостью освоения новых источников финансирования интеллектуальной деятельности, выдвигают предложения ввести в тех или иных формах институт «платного общественного достояния», связываемый обычно с созданием и деятельностью фондов или других структур, обеспечивающих финансирование и поддержку творческой деятельности, а также предложения использовать организационные возможности государства в этой сфере.

В вопросе о правовой природе этого института конкурируют два подхода: согласно одному из них, платное общественное достояние есть продолжение

авторского права; согласно другому — инструмент фискального характера, своего рода налог, сбор, взимаемый в интересах развития культуры, или, как его иногда называют, «культурная рента». В такой трактовке платное общественное достояние оказывается одним из инструментов, используемых для финансирования соответствующей деятельности за счет сборов, обеспечиваемых этим институтом. Существует и третий подход, предполагающий сочетание двух первых.

Институт «платного общественного достояния» постепенно, но неуклонно начинает закрепляться в законодательстве большинства развитых стран, что позволяет говорить о *возникновении у современных государств определенных обязанностей, связанных с использованием объектов авторских и смежных прав, ставших общественным достоянием.*

Категория «общественное достояние» закреплена в действующем законодательстве Российской Федерации. Впервые мы закрепили статус общественного достояния в Законе Российской Федерации от 9 июля 1993 года № 5351-1 «Об авторском праве и смежных правах». Согласно этому закону, правительство Российской Федерации могло устанавливать случаи выплаты специальных отчислений за использование на территории России произведений, перешедших в общественное достояние.

Однако фактически «общественное достояние» в России оказывается «достоянием» тех, кто его использует, и тех, кто не имеет никакого отношения к его созданию. Особенно очевидно такое положение в сфере телевидения и радиовещания. Телерадиовещательные организации получают доход благодаря использованию всей совокупности произведений — как перешедших, так и не перешедших в общественное достояние. Вознаграждение авторам и иным правообладателям определяется в виде процента от полученного дохода. В результате оказывается, что правообладателям уплачивается не только процент дохода от использования «охраняемых» произведений, но и процент дохода от использования произведений, являющихся общественным достоянием. Государство в силу существующей экономической ситуации не в состоянии в достаточной мере финансировать ту область общественной жизни, которую обычно называют культурой. В то же время не используется такой источник финансирования культуры, как установление отчислений за использование произведений, перешедших в общественное достояние.

Каков должен быть размер отчислений за использование объектов авторского права и смежных прав, являющихся общественным достоянием? Нет никаких объективных причин для уменьшения размера

этих отчислений по сравнению с размером вознаграждения, уплачиваемого правообладателям, являющимся частными лицами. В настоящее время законодательством Российской Федерации предусмотрено, что такие отчисления не могут превышать 1% прибыли. Представляется желательным внести соответствующие изменения в действующее законодательство, а именно в четвертую часть ГК РФ, установив, в частности, одинаковые минимальные ставки за использование любых объектов авторского права и смежных прав, независимо от того, принадлежат ли они к категории «общественное достояние» или нет (различие должно быть связано с видами использования произведений, а не с категорией правообладателей).

Так или иначе, но эту проблему необходимо решать, организовав работу по сбору авторского вознаграждения за произведения, перешедшие в общественное достояние. Сбор отчислений целесообразно производить через существующие структуры — общества, осуществляющие коллективное управление авторскими и смежными правами. Целесообразно также закрепить в законе презумпцию, согласно которой именно то общество, управляющее исключительными имущественными правами, которому государством поручен сбор отчислений, представляет интересы как государства, так и всех правообладателей определенной категории, кроме тех обладателей авторских и смежных прав, которые поручили осуществлять управление своими правами иным обществам. Иные общества, управляющие исключительными имущественными правами, смогут представлять интересы только тех правообладателей, которые непосредственно поручили им управление своими правами. Это позволит, не вводя монополизма в рассматриваемой сфере и не ограничивая прав авторов и иных правообладателей, устранить явные пробелы в законодательстве и изменить существующую ситуацию, при которой каждое управляющее исключительными имущественными правами общество считает возможным представлять всех правообладателей и требовать с пользователей соответствующих выплат. Еще одним преимуществом такого решения является то обстоятельство, что расходы на сбор отчислений в этом случае будут существенно ниже не только расходов на сбор отчислений иными способами, но и расходов на сбор вознаграждения правообладателям, так как последние включают затраты на его сбор, распределение и выплату.

Все собранные суммы (за вычетом расходов на сбор отчислений) должны перечисляться либо в соответствующие государственные органы (Министерство культуры Российской Федерации), либо в подконтрольные этим государственным органам специально созданные внебюджетные фонды и тра-

таться исключительно на цели, предусмотренные положениями об этих фондах.

Пожалуй, наиболее важным и «болезненным» вопросом является следующий: на какие цели должны расходоваться собранные отчисления? Следует ли осуществлять за их счет финансирование только определенных видов деятельности (например, целевых программ) или же отдельных организаций, творческих союзов? Тратить эти средства на стимулирование творческой деятельности или на социальную защиту самих «творческих деятелей»?

К сожалению, существующий мировой опыт не дает пока оснований для каких-либо однозначных выводов, однако общая тенденция сводится к тому, что собранные средства должны тратиться не на обеспечение дальних родственников умерших авторов, а на поддержку авторов живых.

Фактически, основную и, пожалуй, единственную задачу системы «платного общественного достояния» можно сформулировать следующим образом: за счет установления платности использования соответствующих произведений для некоторых сделать культурное наследие доступным для всех. Смысл такой системы — не в социальной защите творческих работников, не в «раздаче милостыни» представителям отдельных профессий, а в создании возможностей для творческого развития всех членов общества. При этом следует помнить, что создание условий для творческой деятельности всегда будет прямо или косвенно способствовать социальной защите творческих работников.

Целями системы платного общественного достояния в настоящее время признается не только поощрение творческой деятельности, но и обеспечение культурного развития общества, признание и обеспечение культурных прав как прав человека. Поступления от использования произведений, ставших платным общественным достоянием, часто рассматриваются как естественный и правомерный источник финансирования культуры, позволяющий за счет установления платности пользования объектами культуры обеспечивать доступность этих объектов для всех членов общества. Исходя из указанных целей представляется необходимым осуществлять за счет собранных средств финансирование как отдельных видов деятельности, специальных целевых программ, так и конкретных организаций (творческих союзов, библиотек, музеев, школ и т.д.).

Подобная система имеет, по крайней мере, два преимущества. Во-первых, оказывается невыгодным использовать «неохраняемые» произведения, в результате стимулируется создание и использование произведений «охраняемых». Во-вторых, появляется

ся заинтересованность широкого круга юридических и физических лиц, конкретных органов государственной власти в соблюдении авторских и смежных прав, в поддержке обществ, управляющих исключительными имущественными правами, в полном и своевременном сборе отчислений за использование произведений, перешедших в общественное достояние, а следовательно, в сборе вознаграждения правообладателям, в постепенном распространении такой системы на все виды произведений и все способы их коммерческого использования.

Появление новых средств распространения творческих достижений и иных результатов интеллектуальной деятельности, очевидный рост значения государства в обеспечении нормального функционирования системы авторских и смежных прав делает актуальным вопрос о необходимости создания единого государственного органа в области интеллектуальной собственности.

Кроме того, необходимо продолжать работу по совершенствованию правоприменительной практики во всех сферах интеллектуальной собственности.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Гражданский кодекс Российской Федерации // СПС «КонсультантПлюс».
2. Блинец И.А. Перспективы развития международного правового регулирования авторского права и смежных прав. М.: ТПП РФ, 2018. С 11–16.
3. Блинец И.А., Федотова К.Е. Развитие охраны авторского права и смежных прав, роль ЮНЕСКО // Труды по интеллектуальной собственности. Т. 32. № 1-2. 2021. С. 195–206.
4. Лосев С.С. Актуальные проблемы системного развития интеллектуальной собственности в Белоруссии // сб. материалов междунар. науч.-практ. конф., Новополоцк, 28 мая 2021 года. Новополоцк: Полоц. гос. ун-т, регион. учеб.-науч.-практ. юрид. Центр, 2021. С 106–118.
5. Липчик Д. Авторское право и смежные права. М.: НИЦ «Ладомир», ЮНЕСКО, 2002.

REFERENCES

1. Grazhdanskij kodeks RF.
2. Bliznec I.A. Perspektivy razvitiya mezhdunarodnogo pravovogo regulirovaniya avtorskogo prava i smezhnyh prav. M., TPP RF, 2018. S. 11–16.
3. Bliznec I.A., Fedotova K.E. Razvitie ohrany avtorskogo prava i smezhnyh prav, rol' UNESCO // Trudy po intellektualnoy sobstvennosti. 2021. T. 37. № 1-2. S. 195–206.

4. Losev S.S. Aktual'nye problemy sistemnogo razvitiya intellektual'noj sobstvennosti v Belorussii: sbornik materialov mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii. Novopolock, 2021. S. 106–118.
5. Lipszic D. Avtorskoe pravo i smezhnye prava. M.: NIC «Ladimir», UNESCO. 2002.

ЦИФРОВЫЕ АКТИВЫ И ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ DIGITAL ASSETS AND INTELLECTUAL PROPERTY

Наталья Владимировна БУЗОВА

Российский государственный университет правосудия,
Москва, Российская Федерация,
nbuzova@yandex.ru,
<https://orcid.org.0000-0003-2268-0345>

Информация об авторе

Н.В. Бузова — кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник, Российский государственный университет правосудия

Аннотация. Цифровая форма удобна для хранения и распространения информации и результатов творчества, в том числе в информационно-телекоммуникационных сетях. Объекты в цифровой форме могут иметь определенную ценность и соответственно являться предметом различных договорных правоотношений. Цифровые объекты, имеющие потенциальную коммерческую ценность, относят к цифровым активам. Однако некоторые цифровые объекты, хотя и имеющие потенциальную ценность, охраняемыми результатами интеллектуальной деятельности не признаются. При этом такие объекты связаны с использованием охраняемых творческих результатов в цифровой среде.

Изменение формы представления результатов интеллектуальной деятельности, объектов творчества коренным образом не меняет правовые походы в отношении признания таких объектов и порядка их использования, в том числе в коммерческих целях. В то же время современные технологии позволяют создавать в отношении цифровых объектов записи в цифровой форме в независимых распределенных реестрах, блокчейне. Такие записи, именуемые NFT (невзаимозаменяемые токены), в связи с возможностью их продажи третьим лицам получают потенциальную ценность, поэтому их также можно отнести к цифровым активам. В статье рассмотрена возможность отнесения к цифровым активам результатов интеллектуальной деятельности, выраженных в цифровой форме, а также иных объектов, не являющихся охраняемыми результатами, но связанных с их использованием.

- При написании статьи использованы, в частности, методы анализа и синтеза, метод системности, формально-логический метод и др.
- При соответствии NFT определенным законодательным требованиям их можно отнести к новым объектам гражданского права, а именно — к цифровым правам.
- В статье рассмотрены некоторые проблемные аспекты использования NFT и их признания полноценными объектами гражданских прав в Российской Федерации.
- Отмечается возможность использования NFT для защиты исключительных прав в судебном порядке, поскольку они могут служить доказательствами существования цифрового объекта в объективной форме на определенную дату.

- **Ключевые слова:** авторское право; блокчейн; изображение; цифровое искусство; цифровые активы

- **Для цитирования:** Бузова Н.В. Цифровые активы и интеллектуальная собственность // Труды по интеллектуальной собственности (Works on Intellectual Property). 2022 Т. 43, № 4. С. 61–70; [http://: dx.doi.org.....](http://dx.doi.org/.....)

Natalia V. BUZOVA

- Russian State University of Justice, Moscow, Russian Federation,
nbuzova@yandex.ru,
- <https://orcid.org.0000-0003-2268-0345>

Information about the author

- Buzova N.V. — candidate of Legal Sciences, Leading researcher, Russian State University of Justice

- **Abstract.** The digital form is convenient for storing and disseminating information and the results of creativity, including in information and telecommunication networks.
- Objects in digital form may have a certain value and, accordingly, be the subject of various contractual legal relations. Digital objects with potential commercial value are referred to as digital assets. However, some

digital objects, although having potential value, are not recognized as protected results of intellectual activity. At the same time, such objects are associated with the use of protected creative results in the digital environment.

Changing the form of presentation of the results of intellectual activity, objects of creativity, does not fundamentally change the legal approaches regarding the recognition of such objects and the procedure for their use, including for commercial purposes. At the same time, modern technologies make it possible to create digital records for digital objects in independent distributed registries, blockchain. Such records, called NFTs (non-fungible tokens), also receive potential value due to the possibility of their sale to third parties, and therefore they can also be classified as digital assets. The article discusses the possibility of classifying as digital assets the results of intellectual activity expressed in digital form, as well as other objects that are not protected results, but are associated with their use.

When writing the article, in particular, the methods of analysis and synthesis, the systematic method, the formal-logical method and others were used.

If NFTs comply with certain legal requirements, they can be attributed to new objects of civil law, namely digital rights. The article discusses some problematic aspects of the use of NFTs and their recognition as full-fledged objects of civil rights in the Russian Federation. The possibility of using NFTs to protect exclusive rights in court is noted, since they can serve as evidence of the existence of a digital object in an objective form on a certain date.

Keywords: copyright; blockchain; image; digital art; digital assets

For citation: Buzova N.V. Digital assets and intellectual property // Trudi po Intellectualnoy Sobstvennosti (Works on Intellectual Property). 2022. Vol. 43 (4). P. 61–70; <https://doi.org/>

Цифровые активы характерны не только для финансовой сферы, они уже находят применение в области творческой деятельности и, кажется, надолго захватили современное искусство. По мнению В.А. Лаптева, понятие «цифровые активы» помимо криптовалюты и токенов «включает в себя любые активы, имеющие экономическую ценность» [1, с. 201]. А.В. Санникова и Ю.С. Харитонова к цифровым активам относят: токены и криптовалюту; контент, т.е. информацию, хранящуюся на веб-ресурсах (тексты, видео- и аудио-файлы, графические изображения, анимацию и т.д.); большие данные; доменные имена и аккаунты; виртуальное игровое имущество и др. [2, с. 87]. Н.В. Макаручук высказывается за широкое понимание цифрового актива, который он определяет как «любой цифровой файл, хранящийся на любом носителе, на который может быть помещена информация и с которого информация может быть получена или извлечена в будущем» [3, с. 40].

Таким образом, результаты интеллектуальной деятельности, выраженные в цифровой форме, рассматриваются как цифровые активы, в отношении которых законодательством большинства стран, в том числе и Российской Федерации, уже установлены специальные режимы правовой охраны. Результаты интеллектуальной деятельности могут иметь определенную стоимостную оценку, а исключительные права на них могут передаваться или предоставляться по договорам о распоряжении исключительным правом, могут быть объектом залога, переходить к другим лицам в порядке универсального правопреемства и т.д.

Многие современные арт-выставки представляют в цифровой форме произведения искусства признанных классиков и начинающих авторов. В последнее время широкое распространение получают всевозможные интерактивные выставки, которые экспонирует произведения Ивана Айвазовского, Василия Кандинского, Сальвадора Дали, Густава Климта, импрессионистов и других известных художников не в традиционной форме (на холстах), а на цифровых экранах или в виде практически парящих в воздухе изображений, заполняющих все пространство. Современное цифровое искусство добавляет иммерсивность при его демонстрации, создавая у зрителя

ощущение присутствия в самой картине, в событии, в ней отображаемом. Это позволяет представить произведение искусства в том числе с реалистичными эффектами рисования [4, с. 2].

Произведение на холсте создается в единственном экземпляре, в редких случаях имеется несколько авторских повторений, которые могут различаться в нюансах (так, картина «Екатерина II — законодательница в храме богини Правосудия» Д. Левицкого имеет несколько авторских повторений, размещенных в областных музеях России). В цифровой форме у объекта интеллектуальной собственности возможно неограниченное количество экземпляров, общее число которых может выйти за пределы контроля правообладателя, поскольку законодательством многих государств, включая российское, допускается копирование произведений и других объектов интеллектуальной собственности, в частности, в личных целях (ст. 1273 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ) [5]).

Если говорить о цифровом искусстве в целом с точки зрения интеллектуальной собственности, то можно сказать, что все те режимы, которые применимы в аналоговой сфере, характерны и для цифровой среды. Все критерии, которые установлены для объектов на традиционных материальных носителях, должны быть справедливы и для объектов, выраженных в «цифре». Если произведение не находится в общественном достоянии или правовая охрана результата интеллектуальной деятельности еще не истекла, пользователь, например устроитель выставки, должен получить от правообладателя соответствующего объекта согласие на использование произведения искусства или другого объекта посредством его воспроизведения (поскольку объект должен быть переведен в цифровую форму) и публичного показа (ст. 1270 ГК РФ). В тех случаях, когда во время интерактивной выставки возможно изменение (увеличение размера картины, демонстрация ее на различных поверхностях и т.д.), такие действия следует также согласовывать с автором, чтобы не нарушить его право на неприкосновенность произведения (ст. 1266 ГК РФ).

В период пандемии, когда многие выставки и галереи оказались недоступны или ограничены в доступе для зрителей, цифровое искусство получило особую популярность, так как из закрытых выставочных помещений творческие объекты переместились в безграничные информационно-телекоммуникационные сети. Так, виртуальные экскурсии можно совершить и по музеям Москвы, ознакомившись с мультимедийными экспозициями. Если организация показа (выставки) планируется в информационно-телекоммуникационных сетях, также требуется согласие на до-

ведение до всеобщего сведения (подп. 11 п. 2 ст. 1270 ГК РФ). Несмотря на то что все объекты цифрового искусства представлены в цифровой форме, они неоднородны по своему происхождению.

К цифровому искусству относят объекты, созданные в цифровой форме при помощи программного обеспечения, в том числе с применением технологии искусственного интеллекта. Такие объекты существуют только в электронной форме, они не имеют повторений в материальном мире. Также в качестве объектов цифрового искусства рассматривают объекты, переведенные в цифровую форму (оцифрованные). Данные объекты можно разделить на две подгруппы:

- оцифрованные или используемые в цифровой среде объекты, имеющие аналоги в материальной форме;
- объекты, переведенные в цифровую форму и не имеющие повторения в материальной форме¹.

Кроме того, цифровое искусство может быть представлено в виде фотографий, фильмов, видеоигр, дизайн-оформления сайтов и других информационных ресурсов и т.д., но все-таки бо́льшую часть составляют изображения (в том числе для иллюстраций сообщений).

2021 год характеризовался всплеском аукционных продаж, но не самих объектов цифрового искусства, а NFT-токенов (далее — NFT и NFT-токены используются как синонимы) на такие объекты.

В качестве примера наиболее громкой аукционной продажи, сумма сделки которой составила 69 млн долларов США, целесообразно упомянуть произведение под названием «*Everydays: The First 5000 days*» художника и дизайнера Майка Винкельманна (псевдоним Beeple) [6]. В 2021 году на торговой платформе криптобиржи Binance выставлялись на продажу NFT-токены картин, находящихся в экспозиции Государственного Эрмитажа («Мадонна Литта» Леонардо да Винчи, «Юдифь» Джорджоне, «Куст сирени» Винсента Ван Гога, «Композиция VI» Василия Кандинского и «Уголок сада в Монжероне» Клода Моне) [7].

Отметим, что произведения искусства из Эрмитажа, в отношении которых были созданы и проданы NFT, находятся в общественном достоянии, поэтому не следует рассматривать такой пример как синергию интеллектуальных прав и цифровых активов. В то же время, как справедливо отмечают специалисты, в частности М. Федотов и К. Федотова [8, с. 21], а так-

¹ Вспомним случай, когда блокчейн-компания Injektiv Protocol, купившая картину Бэнкси «Morons (White)» (одно из авторских повторений с подписью автора) уничтожила материальный носитель с той целью, чтобы экземпляр произведения, подтвержденный NFT-токеном, существовал только в цифровой форме.

же В.Д. Бурдова [9], следует учитывать, что произведения искусства могут относиться к культурным ценностям. И даже если произведения искусства находятся в общественном достоянии, в том числе в связи с истечением срока действия исключительного права, на такие объекты, являющиеся культурными ценностями и хранящиеся в музеях, распространяются права музеев, которые предусмотрены Федеральным законом от 26 мая 1996 года № 54-ФЗ «О Музейном фонде Российской Федерации и музеях в Российской Федерации» [10]. Хотя указанные права музеев имеют исключительный характер, они относятся не к интеллектуальным правам, а к иной, особой категории прав.

NFT (Non-Fungible Tokens — невзаимозаменяемый токен) — это не сам объект цифрового искусства. NFT представляет собой цифровую запись в блокчейне, некий цифровой сертификат подлинности [11], подтверждающий право на «владение» цифровым объектом.

Концепция версии NFT, используемой для криптоискусства, была изложена в Предложениях по улучшению Ethereum (EIP)-721 [12]. Вместе с тем NFT-проекты существовали еще до создания аукционных площадок в цифровом искусстве. Наиболее успешные проекты реализовывались в онлайн-играх в качестве внутриигровых предметов («внутриигрового имущества»).

К наиболее ранним из известных проектов, запущенных в 2017 году, относят коллекцию криптоизображений CryptoPunks, разработанную студией Larva Labs, и онлайн-игру на блокчейне CryptoKitties (мультипликационные криптоизображения кошек, которые можно собирать, продавать и «разводить») [13, с. 36], вдохновившие создателей нового стандарта ERC-721, который используется для NFT в цифровом искусстве.

Технически NFT может содержать и непосредственно цифровой объект (например, рисунок или исполнение музыкального произведения) или информацию, где располагается цифровой объект (ссылку на URL, профиль в Twitter, личную страничку, сайт или другой информационный ресурс, связанный с цифровым объектом).

В теории гражданского права Российской Федерации принята классификация вещей, согласно которой они делятся «на определенные индивидуальными признаками и определенные родовыми признаками» [14, с. 313].

Если подобную классификацию применить и к цифровым активам, то можно сказать, что невзаимозаменяемый токен (NFT) как объект обладает индивидуальными признаками. NFT разрабатывался как тип криптовалюты, к которой привязаны смарт-контракты Ethereum [15]. Но в отличие от других криптовалют,

например, биткойна, которые могут быть заменены на другие без потери их ценности, NFT неразрывно связан с объектом, который он подтверждает (в большинстве случаев речь идет о цифровых объектах, но не исключена ситуация, что он может подтверждать и любые другие объекты, обладающие индивидуальными признаками, например объекты недвижимости).

NFT, являясь определенным цифровым кодом, неразрывно связан с определенным блокчейном (как правило с Ethereum) и является его частью, которая неотделима от него. Владелец NFT, хоть и именуется владельцем, является им весьма условно, так как NFT не имеет материальной формы. Не обладает владельцем и полномочиями по его изменению или удалению (в отличие от собственника имущества). Он не может внести изменения ни в название NFT, ни в его описание, ни в сам цифровой объект. Владелец имеет возможность просмотра визуального отображения записи (NFT) в виде изображения или демонстрации такого объекта третьим лицам, но не самого NFT.

NFT может содержать смарт-контракт, в который включено, в частности, условие о выплате автору или иному правообладателю определенной доли вознаграждения, например 10% от каждой перепродажи этого токена.

Токены как цифровые активы несут информацию об определенном объекте. И возникшая юридическая связь между токеном и самим объектом позволяет говорить о наличии у лица, обладающего цифровым активом, «абсолютного права как на сам актив, так и на выраженный в нем объект» [16]. Однако в отношении NFT после его продажи такой связи прав не наблюдается. При выпуске NFT-токена, привязанного к объекту цифрового искусства, авторские и смежные права сохраняются за правообладателями, если договором не предусмотрено иное. Большинство торговых платформ NFT не предполагают предоставления владельцам NFT сублицензий в отношении объектов цифрового искусства. Автоматического предоставления каких-либо интеллектуальных прав при его выпуске не происходит, они должны быть специально определены правообладателем при выпуске. Вместе с тем представляется целесообразным в будущем при выпуске NFT предусмотреть возможность определять, какие полномочия по использованию охраняемого результата интеллектуальной деятельности предоставляются владельцу этого токена.

Торговые платформы NFT следует отличать от цифровых сервисов (например, таких, как Shutterstock), которые предлагают за плату или на безвозмездной основе использовать в цифровой форме материалы, загруженные авторами (правообладателями) на данный сервис. Такие цифровые сервисы не выпускают NFT,

а ориентированы на распространение (доведение до всеобщего сведения) результатов интеллектуальной деятельности, права на которые по лицензии предоставлены создателями соответствующих творческих результатов. Пользователи сервиса, согласно условиям предоставления услуг цифровым сервисом, по сублицензии могут приобретать право использования результата интеллектуальной деятельности, в том числе в коммерческих целях, для создания своих креативных объектов, а автор используемого результата получает от сервиса вознаграждение за его использование².

NFT не есть результат творческой деятельности, или его цифровой экземпляр, или «форма самовыражения», как его пытаются преподнести соответствующие торговые платформы. NFT представляет собой запись в блокчейне (распределенном электронном реестре) — такую же, как и запись в любом другом реестре с поправкой на то, что реестр является распределенным (децентрализованным), и с той лишь разницей, что такую запись можно «продать». Торговая платформа поддерживается какой-либо определенной блокчейн-системой. В зависимости от платформы записи могут касаться в том числе и результатов интеллектуальной деятельности, в частности анимированных GIF-файлов, элементов видеоклипов, видеоклипов, записей исполнения музыкальных произведений, видеофрагментов из записей сообщений передач организаций вещания или записей так называемых спортивных моментов («Highlights»³), но наибольшее распространение получили произведения искусства. Для выпуска NFT и последующей его продажи заинтересованное лицо, преимущественно автор, создает на торговой платформе учетную запись. Каждая платформа создает свои NFT-токены в соответствии с правилами такой платформы. Правила платформ могут различаться. В большинстве случаев при создании NFT вносятся метаданные, включающие файл с результатом творчества (например, изображение), указывается название самого NFT, приводится внешняя ссылка и описание объекта творчества. При загрузке объекта также выбирается опция о вознаграждении (до 10%), которую хотел бы получить автор при перепродаже такого NFT.

Так как любое использование файла с объектом цифрового искусства предполагает его временное или побочное воспроизведение [17], правила платформы часто предусматривают, что автор, создающий

NFT на платформе, предоставляет такой платформе безвозмездную неисключительную лицензию с неограниченным сроком действия по всему миру на использование соответствующего произведения для целей, определенных такой платформой, например для рекламы.

Информация о каждой перепродаже отражается в блокчейне и соответственно в таком NFT, т.е. в записи данного блокчейна. За действия, производимые на таких платформах, включая транзакции, может взиматься плата за цифровую валюту, чаще всего ETHEREUM (ETH), которую можно приобрести или у компаний-партнеров, или на криптобирже, или автоматическим переводом на фиатную валюту (например, доллары США).

Владелец такого NFT (в зависимости от условий платформы) может его продать на данной платформе, подарить, хранить на ней, а также демонстрировать в личных целях. В условиях WAX, Crypto.com и других торговых платформ NFT упоминается об использовании результатов интеллектуальной деятельности исключительно в личных целях⁴. В настоящее время разработаны специальные приложения, которые позволяют просматривать цифровые изображения, записи о которых представлены в NFT, на различных устройствах, включая планшеты, телевизоры.

Сама идея записи информации об объектах, в том числе интеллектуальной собственности, ненова. В России, как и в других государствах, ряд результатов интеллектуальной деятельности и средств индивидуализации регистрируется как в государственных реестрах [в обязательном порядке (например, изобретения, товарные знаки, наименования мест происхождения товаров) или в добровольном порядке (программы для ЭВМ, базы данных)], так и реестрах, которые ведут иные лица, например организации, управляющие авторскими и/или смежными правами на коллективной основе.

В США предусмотрена регистрация объектов авторского права. Огромный массив информации о результатах интеллектуальной деятельности содержится и в реестрах Всемирной организации интеллектуальной собственности. Такие реестры могут содержать записи о предоставлении или о передаче права, смене правообладателя или других изменениях, касающихся объекта, правообладателя, пользователя или условий использования. Но предметом договоров или основанием для внесения соответствующей записи в реестр в отношении результата интеллектуальной деятельно-

² См., например, Shutterstock. Условия предоставления услуг. — URL: <https://submit.shutterstock.com/legal/terms?language=ru>

³ URL: <https://nflallday.com/>

⁴ WAX. Terms. — URL: <https://on.wax.io/tos/>; Crypto.com NFT Platform Terms and Conditions. — URL: <https://crypto.com/nft/terms>

сти или средства индивидуализации являются непосредственно сам объект, а также действия (заключение договора об отчуждении исключительного права или лицензионного договора о предоставлении права использования) или события, касающиеся такого объекта или субъекта правоотношений и связанные с таким объектом. Применительно к NFT предметом договорных отношений является непосредственно NFT-токен (запись о цифровом объекте).

Если записи в традиционных государственных и иных реестрах осуществляются под контролем государства (уполномоченного государственного органа или организации) вручную или с применением технических средств, в том числе в автоматическом режиме, то изменения в блокчейне, создание дополнительной записи (нового блока) в отношении NFT происходит автоматически, без участия контролирующих или осуществляющих надзор третьих лиц. Если за ведение государственного реестра отвечает уполномоченный государственный орган или организация, то риск ошибок внесения некорректной информации остается за лицом, создающим или покупающим NFT, а не за лицами, обслуживающими торговую платформу или блокчейн. И создатель NFT или покупатель должен осознавать все риски наступления неблагоприятных последствий, которые могут возникнуть при обращении к торговым платформам NFT.

NFT не следует рассматривать в качестве «бестелесной» вещи. С учетом его основных характеристик в соответствии с гражданским законодательством Российской Федерации, такой объект ближе к категории «цифровое право». Согласно ст. 141.1 ГК РФ, цифровыми правами признаются названные в таком качестве в законе обязательственные и иные права, содержание и условия осуществления которых определяются в соответствии с правилами информационной системы, отвечающей установленным законом признакам. До настоящего времени NFT-токены не отнесены в российском законодательстве к цифровым правам. В то же время имеет смысл проанализировать их общие характеристики. Содержание и условия осуществления цифровых прав, согласно ст. 141.1 ГК РФ, определяются в соответствии с правилами информационной системы. В ГК РФ само понятие информационной системы не раскрывается. Но в Федеральном законе от 27 июля 2006 года № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (с изменениями) [18] дано достаточно широкое определение информационной системы, под которой понимается совокупность содержащейся в базах данных информации и обеспечивающих ее обработку информационных технологий и технических средств (ст. 2).

Хотя правила каждой торговой платформы NFT, поддерживаемые блокчейном, и непосредственно сами блокчейн-системы имеют некоторые различия, их можно рассматривать как информационные системы.

Как это предусмотрено ст. 141.1 ГК РФ для цифровых прав, распоряжение NFT возможно только в пределах торговой платформы, однако ни залог, ни возможность иного обременения для NFT не предполагается.

В Российской Федерации специальное правовое регулирование в отношении инвестиционных платформ определено Федеральным законом от 2 августа 2019 года № 259-ФЗ «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [19] (далее — Закон об инвестиционных платформах). Указанным Законом установлены и основные обязательные элементы правил таких платформ (ст. 4).

С одной стороны, приобретение утилитарных цифровых прав относится к способам инвестирования с использованием инвестиционной платформы (ст. 5 Закона об инвестиционных платформах). С другой стороны, ст. 8 выделяет три категории прав, которые относятся к утилитарным цифровым правам:

- 1) право требовать передачи вещи (вещей);
- 2) право требовать передачи исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности и (или) прав использования результатов интеллектуальной деятельности;
- 3) право требовать выполнения работ и (или) оказания услуг.

NFT-токены связаны с цифровыми объектами, которые могут признаваться результатами интеллектуальной деятельности. То есть не исключена ситуация, когда в отдельных случаях NFT могут рассматриваться и как утилитарные цифровые права. Однако правила платформы должны в таком случае предусматривать предоставление покупателю NFT каких-либо интеллектуальных прав, в частности правомочий по использованию результата интеллектуальной деятельности, выраженного в цифровой форме. Вместе с тем правила большинства торговых платформ NFT указывают на то, что авторские права на цифровые объекты сохраняются за авторами, использование возможно исключительно в личных целях⁵. Например, платформа WAX не предоставляет покупателям NFT никаких лицензий в отношении цифровых объектов, подтвержденных NFT.

Таким образом, поскольку большинство наиболее известных платформ продажи NFT не предполагают

⁵ WAX. Terms. — URL: <https://on.wax.io/tos/>

предоставления интеллектуальных прав, в соответствии с Законом об инвестиционных платформах предоставляемые на них NFT не могут рассматриваться как утилитарные цифровые права.

Некоторые платформы продажи NFT указывают на ограничение создания учетных записей и как следствие участие в создании и продажи NFT гражданам определенных государств⁶.

Следует учитывать, что сделки на платформах продажи NFT совершаются в криптовалюте. Вместе с тем законодательство Российской Федерации о цифровых финансовых активах предусматривает, что российские юридические лица и физические лица — резиденты Российской Федерации не вправе принимать цифровую валюту в качестве встречного предоставления за передаваемые ими (им) товары, выполняемые ими (им) работы, оказываемые ими (им) услуги или иного способа, позволяющего предполагать оплату цифровой валютой товаров (работ, услуг) (ч. 5 ст. 14 Федерального закона от 31 июля 2020 года № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [20]). Следовательно, имеются ограничения совершения сделок российскими гражданами и юридическими лицами в криптовалюте.

У NFT, как и других цифровых прав, много общих характеристик с бездокументарными ценными бумагами, которые признаются объектами гражданских прав, в том числе в Российской Федерации. Потенциальной ценностью обладает не сама запись в реестре, а те экономические преимущества, которые из нее следуют. Ценностью применительно к NFT для цифрового объекта обладает не сама запись в блокчейне, а право доступа к цифровому объекту искусства, а также возможность распоряжения (хотя и в ограниченных пределах) таким цифровым активом. Как отмечают В.К. Андреев и Л.В. Андреева, «цифровое право, как правило, вторично по отношению к объекту, на который оно направлено» [21, с. 46]. В настоящее время NFT получили наибольшее распространение в отношении цифрового искусства. Учитывая, что NFT представляет собой запись в определенном блокчейне в отношении конкретного цифрового объекта, которым может быть в том числе результат интеллектуальной деятельности, включающую информацию о первоначальном и последующих обладателях, описание объекта и т.д., а блокчейн — децентрализованный (распределенный) реестр, в который практически невозможно внести изменениями (все изменения первоначальной записи являются последовательными дополнительными

ми записями), NFT рассматривают как перспективный инструмент для защиты интеллектуальных прав, а точнее для подтверждения наличия таких прав в отношении определенных объектов. NFT, являясь записью в распределенном реестре, может свидетельствовать о существовании цифрового объекта, в том числе результата интеллектуальной деятельности на определенную дату (дату создания такой записи) в объективной форме. Такое доказательство может иметь положительный эффект для объектов авторского права и смежных прав, в отношении которых не предусмотрена обязательная государственная регистрация.

Чтобы стать таким инструментом для защиты, NFT в первую очередь должны быть признаны государством, так как при рассмотрении споров в суде могут возникнуть вопросы о «юридической значимости записей, содержащихся в реестре блокчейн» [22] и соответственно о допустимости таких доказательств, а также об оценке «информации, содержащейся в блокчейне, поскольку ее содержание недоступно для понимания при отсутствии соответствующей квалификации» [22]. Вместе с тем специалисты отмечают преимущества блокчейна для защиты интеллектуальных прав [23]. Использование записей в реестре блокчейн стало обычной практикой для некоторых судов Китая [24]. Следует согласиться с Ю.С. Харитоновой, обосновавшей необходимость выработки стандартов описания зарегистрированных объектов в целях первичной проверки принадлежности прав и транзакций в связи с их передачей в общедоступном порядке [25].

Предполагается, что цифровая среда строится или должна строиться как среда доверия. Вместе с тем появляются сообщения о том, что ввиду возросшей популярности и желания недобросовестных лиц заработать «легкие деньги» на торговых платформах NFT выставляются цифровые объекты, принадлежащие третьим лицам, без разрешения правообладателей таких объектов. Третьи лица, не являющиеся авторами или иными правообладателями результатов интеллектуальной деятельности, находят в интернете или оцифровывают объекты, существующие на материальных носителях в традиционном формате, создают NFT, указывая себя как создателя соответствующего цифрового объекта, и продают их на торговых платформах [26]. Так, не успев стать инструментом защиты интеллектуальных прав, NFT превращается в способ нарушения интеллектуальных прав (неправомерное доведение цифрового объекта до всеобщего сведения, а также нарушение личных неимущественных прав создателей, фактически плагиат).

Изложенное позволяет сделать вывод: в качестве цифрового актива могут рассматриваться как сами результаты интеллектуальной деятельности, выра-

⁶ Crypto.com NFT Platform Terms and Conditions. — URL: <https://crypto.com/nft/terms>

женные в цифровой форме, так и NFT, созданные в отношении таких цифровых объектов. При создании NFT возникает некоторая связь между цифровым объектом и токеном на данный объект. В традиционных реестрах юридическая связь существует также между правообладателем и записью на объект, исключительными правами на который обладает правообладатель. При этом целесообразно учитывать, что в отличие от записей в традиционных реестрах, в том числе распределенных, когда речь идет об NFT, обладатель исключительных прав на результат интеллектуальной деятельности и вторичный (последующий) владелец такой записи, как NFT, не совпадают. Передача права на токен не свидетельствует о передаче исключительного или иного интеллектуального права на результат интеллектуальной деятельности. Юридическая связь между интеллектуальными правами на объект и правами на токен прекращается после первой продажи токена.

Безусловно, торговые платформы NFT помогают молодым авторам, в том числе из стран Африки, Азии и Латинской Америки, у которых нет возможности выставляться в известных галереях, заявить о себе как о создателях творческих результатов и повысить интерес к своему творчеству, найти потенциальных покупателей своих произведений на материальных носителях или коммерциализировать вне данной платформы результаты своей творческой деятельности посредством заключения договоров о распоряжении исключительными правами.

Кому-то нравится коллекционировать марки, значки, монеты, спичечные этикетки, кто-то собирает футбольные карточки, автомобили, антиквариат, а кто-то становится фанатом NFT-токенов на арт-объекты. Пока в NFT-токенах на цифровые объекты будет существовать заинтересованность, будут создаваться и развиваться торговые платформы. В связи с этим назрела необходимость законодательно определить их правовой статус и место в системе гражданских прав, признать в большинстве государств мира. Очевидно, должны быть установлены меры защиты при неправомерном их использовании.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Лаптев В.А. Цифровые активы как объекты гражданских прав // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2018. № 2 (42). С. 199–204.
2. Санникова Л.В., Харитонов Ю.С. Правовая сущность новых цифровых активов // Закон. 2018. № 9. С. 86–95.
3. Макаrchук Н.В. Публично-правовые ограничения использования цифровых активов и технологий // Право и бизнес. 2019. № 1. С. 40–43.

4. Mengxue Zhong. Study of Digital Painting Media Art Based on Wireless Network, Wireless Communications and Mobile Computing, 2021, Article ID 4412294, 11 p. — URL: <https://doi.org/10.1155/2021/4412294>
5. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18 декабря 2006 года № 230-ФЗ // СЗ РФ. 2006. № 2 (часть I). Ст. 5496.
6. Holland O. How NFTs are fueling a digital art boom. 2021. — URL: <https://edition.cnn.com/style/article/nft-digital-art-boom/index.html>
7. Лебедева Н. Эрмитаж выставил на продажу NFT-токены картин Моне, Ван Гога и Кандинского // Российская газета. 2021. 31 августа. — URL: <https://rg.ru/2021/08/31/ermitazh-vystavil-na-prodazhu-nft-tokeny-kartin-mone-van-goga-i-kandinskogo.html>
8. Федотов М., Федотова К. Авторско-правовой контекст «казуса Пигмалиона» // Труды по интеллектуальной собственности. 2003. № 6. С. 6–24.
9. Бурдова В.Д. Дуализм правовой природы музейных прав // Труды по интеллектуальной собственности. 2022. Т. 41 № 2. С. 54–59.
10. Федеральный закон от 26 мая 1996 года № 54-ФЗ «О Музейном фонде Российской Федерации и музеях в Российской Федерации» // СЗ РФ. 1996. № 22. Ст. 2591.
11. Smee S. Will NFTs transform the art world? Are they even art? 2021. — URL: <https://www.washingtonpost.com/arts-entertainment/2021/12/18/nft-art-faq/>
12. Entriken W., Shirley D., Evans J., Sachs N. EIP-721: Non-Fungible Token Standard // Ethereum Improvement Proposals. 2018. — URL: <https://eips.ethereum.org/EIPS/eip-721>
13. Whitaker A. Art and Blockchain: A Primer, History, and Taxonomy of Blockchain Use Cases in the Arts // Artivate. 2019. Vol. 8. № 2. P. 21–46.
14. Российское гражданское право: учебник: в 2 т. Т. I / отв. ред. Е.А. Суханова. М.: Статут, 2015. 958 с.
15. Wang Q., Li R., Wang Q., Chen S. Non-Fungible Token (NFT): Overview, Evaluation, Opportunities and Challenges (Tech ReportV2). 2021. arXiv preprint arXiv:2105.07447.
16. Новоселова Л.А., Полежаев О.А. О правовом режиме объектов гражданских прав, выраженных в цифровых активах // Закон. 2020. № 11. С. 165–172.
17. Энтин В.Л. Авторское право в виртуальной реальности (новые возможности и вызовы цифровой эпохи). М.: Статут, 2017. 216 с.
18. Федеральный закон от 27 июля 2006 года № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // СЗ. 2006. № 31 (часть I). Ст. 3448.
19. Федеральный закон от 2 августа 2019 года № 259-ФЗ «О привлечении инвестиций с использованием

- инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2019. № 31. Ст. 4418.
20. Федеральный закон от 31 июля 2020 года № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2020. № 31 (часть I). Ст. 5018.
 21. Андреев В.К., Андреева Л.В. Внедрение цифровых технологий в экономику государств — членов ЕАЭС // Международное сотрудничество евразийских государств: политика, экономика, право. 2018. № 2. С. 38–47.
 22. Филиппов А.Е. Отдельные правовые аспекты регулирования оборота цифровых активов в России и за рубежом // Арбитражные споры. 2018. № 4. С. 85–91.
 23. Clark B. Blockchain and IP Law: A Match made in Crypto Heaven? // WIPO Magazine. 2018. № 1. P. 30–34. — URL: https://www.wipo.int/export/sites/www/wipo_magazine/en/pdf/2018/wipo_pub_121_2018_01.pdf
 24. Guodong Du. China's First National Online Litigation Rules Series-02: Asynchronous Trial and Electronic Evidence. 2021. — URL: <https://www.chinajusticeobserver.com/a/china-s-first-national-online-litigation-rules-series-02-asynchronous-trial-and-electronic-evidence>
 25. Харитонов Ю.С. Правовое значение фиксации интеллектуального права с помощью технологии распределенных реестров // Право и экономика. 2018. № 1. С. 15–21.
 26. Collier K. NFT art sales are booming. Just without some artists' permission. 2022. — URL: <https://www.nbcnews.com/tech/security/nft-art-sales-are-booming-just-artists-permission-rcna10798>
 6. Holland O. How NFTs are fueling a digital art boom. 2021. — URL: <https://edition.cnn.com/style/article/nft-digital-art-boom/index.html>
 7. Lebedeva N. E`rmitazh vy`stavil na prodazhu NFT-tokeny` kartin Mone, Van Goga i Kandinskogo // Rossijskaya gazeta. 2021. 31 avg. — URL: <https://rg.ru/2021/08/31/ermitazh-vystavil-na-prodazhu-nft-tokeny-kartin-mone-van-goga-i-kandinskogo.html>
 8. Fedotov M., Fedotova K. Avtorsko-pravovoj kontekst "kazusa Pigmaliona" // Trudy` po intellektual`noj sobstvennosti. 2003. No. 6. S. 6–24.
 9. Burdova V.D Dualizm pravovoj prirody` muzejny`x prav // Trudy` po intellektual`noj sobstvennosti. 2022. T. 41. No. 2. S. 54–59.
 10. Federal`ny`j zakon ot 26 maya 1996 goda No. 54-FZ "O Muzejnom fonde Rossijskoj Federacii i muzeyax v Rossijskoj Federacii" // SZ RF. 1996. No. 22. S. 2591.
 11. Smee S. Will NFTs transform the art world? Are they even art? 2021. — URL: <https://www.washingtonpost.com/arts-entertainment/2021/12/18/nft-art-faq/>
 12. Entriken W., Shirley D., Evans J., Sachs N. EIP-721: Non-Fungible Token Standard. *Ethereum Improvement Proposals*. 2018. — URL: <https://eips.ethereum.org/EIPS/eip-721>
 13. Whitaker A. Art and Blockchain: A Primer, History, and Taxonomy of Blockchain Use Cases the Arts // Artivate. 2019. Vol. 8/ (2). P. 21–46.
 14. Rossijskoe grazhdanskoe pravo: uchebnik: v 2 t. T. I / otv. red. E.A. Suxanova. M.: Statut, 2015. 958 s.
 15. Wang Q., Li R., Wang Q., Chen S. Non-Fungible Token (NFT): Overview, Evaluation, Opportunities and Challenges (Tech Report V2). 2021 // arXiv preprint arXiv:2105.07447.
 16. Novoselova L.A., Polezhaev O.A. O pravovom rezhime ob`ektov grazhdanskix prav, vy`razhenny`x v cifrovyy`x aktivax // Zakon. 2020. No. 11. S. 165–172.
 17. E`ntin V.L. Avtorskoe pravo v virtual`noj real`nosti (novyy`e vozmozhnosti i vy`zovy` cifrovoj e`poxi). M.: Statut, 2017. 216 s.
 18. Federal`ny`j zakon ot 27 iyulya 2006 goda No. 149-FZ "Ob informacii, informacionny`x texnologiyax i o zashhite informacii" // SZ. 2006. No. 31 (ch. I). St. 3448.
 19. Federal`ny`j zakon ot 2 avgusta 2019 goda No. 259-FZ "O privilechenii investicii s ispol`zovaniem investicionny`x platform i o vnesenii izmenenij v otdel`ny`e zakonodatel`ny`e akty` Rossijskoj Federacii" // SZ RF. 2019. No. 31. St. 4418.
 20. Federal`ny`j zakon ot 31 iyulya 2020 goda No. 259-FZ "O cifrovyy`x finansovy`x aktivax, cifrovoj valyute i o vnesenii izmenenij v otdel`ny`e zakonodatel`ny`e akty` Rossijskoj Federacii" // SZ RF. 2020. No. 31 (chast` I). St. 5018.

REFERENCES

1. Laptev V.A. Cifrovyy`e aktivyy` kak ob`ekty` grazhdanskix prav // Vestnik Nizhegorodskoj akademii MVD Rossii. 2018. No. 2 (42). S. 199–204.
2. Sannikova L.V., Xaritonova Yu.S. Pravovaya sushhnost` novyy`x cifrovyy`x aktivov // Zakon. 2018. No. 9. S. 86–95.
3. Makarchuk N.V. Publichno-pravovy`e ogranicheniya ispol`zovaniya cifrovyy`x aktivov i texnologij // Pravo i biznes. 2019. No. 1. S. 40–43.
4. Mengxue Zhong. Study of Digital Painting Media Art Based on Wireless Network // Wireless Communications and Mobile Computing, Article ID 4412294, 2021. 11 p. — URL: <https://doi.org/10.1155/2021/4412294>
5. Grazhdanskij kodeks Rossijskoj Federacii (chast` chetvertaya) ot 18 dekabrya 2006 goda. No. 230-FZ // SZ RF. 2006. No. 52 (chast` I). St. 5496.

21. Andreev V.K., Andreeva L.V. Vnedrenie cifrovyy`x texnologij v e`konomiku gosudarstv — chlenov EAE`S // Mezhdunarodnoe sotrudnichestvo evrazijskix gosudarstv: politika, e`konomika, pravo. 2018. No. 2. S. 38–47.
22. Filippov A.E. Otdel`ny`e pravovy`e aspekty` regulirovaniya oborota cifrovyy`x aktivov v Rossii i za rubezhom // Arbitrazhny`e spory`. 2018. No. 4. S. 85–91.
23. Clark B. Blockchain and IP Law: A Match made in Crypto Heaven? // WIPO Magazine. 2018. Vol. 1. P. 30–34. — URL: https://www.wipo.int/export/sites/www/wipo_magazine/en/pdf/2018/wipo_pub_121_2018_01.pdf
24. Guodong Du. China's First National Online Litigation Rules Series-02: Asynchronous Trial and Electronic Evidence. 2021. — URL: <https://www.chinajusticeobserver.com/a/china-s-first-national-online-litigation-rules-series-02-asynchronous-trial-and-electronic-evidence>
25. Xaritonova Yu.S. Pravovoe znachenie fiksacii intellektual`nogo prava s pomoshh`yu texnologii raspredelenny`x reestrov // Pravo i e`konomika. 2018. No. 1. S. 15–21.
26. Collier K. NFT art sales are booming. Just without some artists' permission. 2022. — URL: <https://www.nbcnews.com/tech/security/nft-art-sales-are-booming-just-artists-permission-rcna10798>

ИСТОРИЯ И ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПОНЯТИЯ СМЕЖНЫХ ПРАВ

HISTORY AND DEFINITION OF THE CONCEPT OF RELATED (NEIGHBORING) RIGHTS

Пётр Игоревич ПЕТКИЛЁВ

Российский университет дружбы народов, Москва,
Российская Федерация,
1042210155@pfur.ru,
<https://orcid.org/0000-0001-9569-6706>

Информация об авторе

П.И. Петкилёв — аспирант Российского университета дружбы народов

Аннотация. Задачами настоящего исследования являются анализ истории развития смежных прав и определение понятия смежных прав. Автор исследует зарождение и развитие смежных прав на международном и внутригосударственных уровнях. В работе проанализированы различные подходы к определению понятия объектов смежных прав, описаны плюсы и минусы таких подходов. Последовательно критикуются различные подходы к пониманию смежных прав, а также сформулирован вывод о том, что в силу правовой природы смежных прав определение понятия может строиться исключительно со ссылкой на конкретные объекты смежных прав. Актуальность темы обусловлена новизной института смежных прав в мире и в отечественном законодательстве, а также тем фактом, что в законодательстве различных стран под объектами смежных прав понимаются разные результаты интеллектуальной деятельности.

Ключевые слова: интеллектуальное право; смежные права; смежные с авторскими права; объекты смежных прав; объекты гражданских прав

Для цитирования: Петкилёв П.И. История и определение понятия смежных прав // Труды по интеллектуальной собственности (Works on Intellectual Property). 2022. Т. 43, № 4. С. 71–81; <http://dx.doi.org/.....>

• **Petr I. PETKILEV**

• Peoples Friendship University of Russia, Moscow, Russian Federation,
• 1042210155@pfur.ru,
• <https://orcid.org/0000-0001-9569-6706>

• Information about the author

• Petkilev Petr Igorevich — postgraduate student of Peoples Friendship University of Russia

• **Abstract.** The objectives of this study are to analyze the history of the development of related rights and formulate a definition of the concept of related rights. In the work, the author explores the origin and development of related rights at the international and domestic levels. The paper analyzes various approaches to the formulation of the definition of objects of related rights, describes the pros and cons of such approaches. The article consistently criticizes various approaches to the understanding of related rights, and also formulates the conclusion that, due to the legal nature of related rights, the definition of the concept can be built exclusively with reference to specific objects of related rights. The relevance of the topic is due to the novelty of the institute of related rights in the world and in domestic legislation, as well as the fact that in the legislation of various countries, objects of related rights are understood as different results of intellectual activity.

• **Keywords:** intellectual property law; related rights; related copyrights; objects of related rights; objects of civil rights

• **For citation:** Petkilev I.V. History and Definition of The Concept of Related (Neighboring) Rights // Trudi po Intellectually Sobstvennosti (Works on Intellectual Property). 2022. Vol. 43 (4). P. 71–81; <https://doi.org/>

АВТОРСКОЕ ПРАВО КАК ПРООБРАЗ СМЕЖНЫХ ПРАВ

Для понимания истории развития смежных прав необходимо представлять историю развития не только самих смежных прав, но и права интеллектуальной собственности в целом.

Интеллектуальное право стало возникать в современном его понимании значительно позднее других разделов гражданского права. Подтвердить этот вывод можно, обратившись к римскому праву. Во-первых, римское право представляло собой систему правовых норм и принципов, которые оказали существенное влияние на всю романо-германскую правовую семью. Об этом красноречиво пишет М.Н. Марченко, подчеркивая, что «свое историческое и генетическое начало романо-германская правовая семья берет в Древнем Риме, в римском праве» [1, с. 263]. Во-вторых, на момент существования Римской империи и в последующие века римское право представляло собой то, в чем есть «тот существенный и общий элемент, который составляет основу всякого права, развит в такой степени, как нигде» [2, с. 20]. То есть римское право было самой развитой системой права своего времени и оказало серьезное влияние на развитие права всей человеческой цивилизации.

Классик дореволюционного российского права И.А. Покровский писал об интеллектуальном праве: «Не только в правовых системах примитивных народов, но даже еще в праве римском духовная деятельность подобного рода не давала никаких субъективных прав на ее продукты их авторам и не пользовалась никакой правовой защитой» [3, с. 112]. Иными словами, в римском праве отсутствовало право интеллектуальной собственности.

Хотя, безусловно, некоторые предпосылки авторского права как прообраза более крупного явления — права интеллектуальной собственности — формировались еще «в периоды эллинизма и Античности» [4, с. 222], в Римском же праве о таком говорить не приходилось, поскольку отсутствовали предпосылки для развития «авторского права» древности в полноценный, известный нам юридический феномен. «В основной массе авторы Древнего Рима — подне-

вольные, закрепощенные лица: рабы, вольноотпущенники, латины-италийцы, перегрины, дедитиции и т.п.» [4, с. 224]. В связи с этим можно прийти к выводу о том, что право интеллектуальной собственности является одним из самых «молодых» разделов всего частного права.

Локомотивом развития интеллектуального права являлась главная его часть — право авторское. В.Ф. Поподопуло при ответе на вопрос о природе права интеллектуальной собственности обращается «прежде всего к теориям авторского права, система рассуждений которых ... вполне приложима к праву интеллектуальной собственности» [5, с. 358]. Такой подход объясним прежде всего тем, что авторское право является тем центральным звеном, с которого произошло развитие всей системы права интеллектуальной собственности.

Как пишет Н.В. Бузова, «национальное законодательство в сфере авторского права берет начало со статута королевы Анны 1710 года» [6, с. 53]. На международном уровне авторское право получило свое признание и защиту еще позже, лишь в конце XIX века, поскольку до этого времени «в этом особенно не было нужды, так как технические средства использования произведений ограничивались территорией страны, а коммерческие рынки для последних были ограничены» [7]. Развитие технических средств предопределило массовость объектов авторского права и повлекло за собой возникновение соответствующего правового регулирования.

СТАНОВЛЕНИЕ СМЕЖНЫХ ПРАВ В ЗАРУБЕЖНОМ И МЕЖДУНАРОДНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

Права, смежные с авторскими, появились позже и получили правовую охрану только в XX веке. Возникновение этого правового явления было вызвано не столько развитием правовой науки, сколько техническим прогрессом, результаты которого нуждались в правовой регламентации. То есть право стало регулировать не уже имевшиеся отношения, а совершенно новые, связанные с объектами, появившимися из-за развития научно-технического прогресса.

А.Г. Матвеев описывает появление категории смежных прав следующим образом: «В 1908, 1928

и 1948 годах при пересмотрах Бернской конвенции трижды вносились предложения о включении в нее положений об авторских правах на исполнения и звукозаписи. В результате было решено охранять права исполнителей и изготовителей звукозаписей за рамками авторского права, но все же рядом с ним. Так появился термин «смежные права» (*neighboring rights*)» [8, с. 54]. В дальнейшем наименование смежных прав изменилось и «к концу XX века англо-язычный термин *«neighboring rights»* в официальных документах и научном дискурсе постепенно был заменен более нейтральным выражением *«related rights»* [9, с. 5].

В связи с этим некоторый юридико-лингвистический интерес представляет тот факт, что отечественное право избавлено от подобной терминологической дихотомии и именует это явление одним термином — смежные права (права, смежные с авторскими).

Вместе с тем в специальной литературе, как правило, не разделяют понятия *«related rights»* и *«neighboring rights»*. Авторитетный юридический словарь Блэка, определяя *related rights*, отсылает к определению *neighboring rights* [10]. Н. Jehoram обращает внимание на то, что термин *«neighboring rights»* является аббревиатурой от *«rights neighboring to copyright»* (право, соседствующее с авторским правом) [11]. Тем самым смысловых различий оба термина не имеют, по сути, содержание двух понятий тождественно друг другу. Следовательно, разграничение данных понятий в английском языке носит весьма условный характер.

В национальном законодательстве стран континентальной правовой семьи самым ранним актом, регулирующим смежные с авторскими права, является Федеральный закон Австрии от 9 апреля 1936 года «Об авторском праве на произведения литературы и искусства и о смежных правах» [12]. В последующем был принят Закон Италии от 22 апреля 1941 года «Об охране авторского права и других прав, связанных с его осуществлением» [6, с. 53; 13]. В некоторых странах в дальнейшем появились кодифицированные акты. Например, в Португалии в 1985 году был принят Кодекс авторских и смежных прав [14]. Развитие смежных прав предопределило принятие соответствующего законодательства и на других континентах. Например, в африканском государстве Габон Закон об охране авторских и смежных прав [15] был принят в 1987 году. Общие положения об авторских и смежных правах [16] появились и в Эквадоре в 1993 году.

В науке отмечается, что между правовым регулированием смежных прав в странах романо-германской и общей системы права есть различие, которое проявляется прежде всего в формах права, регулирующих соответствующие правоотношения. Как правило, регулирование смежных и неимущественных

прав в романо-германской системе права отводится разным актам, тогда как в странах общего права регулирование объединено в один акт [17].

Во многом развитие соответствующего внутреннего законодательства было вызвано международным регулированием и обязательствами, взятыми на себя целой группой государств.

На международном уровне самым ранним и не утратившим силу актом является Международная конвенция об охране интересов артистов-исполнителей, производителей фонограмм и вещательных организаций [18], принятая в Риме в 1961 году. По настоящий момент Конвенция объединяет 96 договаривающихся государств-участников [19]. Среди прочего Конвенция закрепила на международном уровне определения таких важных для смежных прав понятий, как «исполнители», «фонограмма», «изготовитель фонограмм», «публикация», «воспроизведение», «передача в эфир», «ретрансляция». Описаны также правила определения национального режима и некоторые особенности защиты прав правообладателей. Важной особенностью является введение минимального срока охраны объектов смежных прав, который в силу ст. 4 Конвенции составляет 20 лет.

Несмотря на то что данный международный акт был первым в сфере регулирования смежных прав, нельзя сказать, что к Конвенции присоединились все крупные центры экономической деятельности. Например, США и Китай членами Конвенции не являются и по сей день. Для Российской Федерации Конвенция вступила в силу только с 2003 года.

Сама по себе необходимость защищать права исполнителей, производителей фонограмм и вещательных организаций была вызвана всплеском популярности музыкальной индустрии. В литературе этот период характеризуется тем, что, «чем доступнее для публики становились звукозаписи, тем меньше работы было у музыкантов. Быстро растущий рынок пластинок создал проблему пиратства и нечестной конкуренции между звукозаписывающими компаниями» [20, с. 126]. Тем самым возникновение соответствующих правовых норм стало необходимым ответом публичной власти на вызовы технического прогресса.

Позже, в 1971 году, в Женеве была принята Конвенция об охране интересов производителей фонограмм от незаконного воспроизводства их фонограмм. Всего к конвенции присоединилось 80 государств [21]. Российская Федерация стала участником Конвенции в 1995 году. Указанный документ ввел в оборот такие понятия, как «копии» и «распространение среди публики». Как отмечается в преамбуле документа, подобная регламентация была вызвана озабоченностью возрастающим распространением

незаконного воспроизводства фонограмм и наносимым в результате этого ущербом интересам авторов, артистов-исполнителей и производителей фонограмм. Главной особенностью принятого документа является введение регулирования в отношении копий объектов смежных прав и защиты правообладателей от неправомерного копирования объектов их прав.

Отдельного внимания заслуживает принятая в Брюсселе в 1974 году Конвенция о распространении несущих программы сигналов, передаваемых через спутники. СССР присоединился к Конвенции в 1988 году [22]. Российская Федерация участвует в Конвенции, поскольку в силу ст. 67.1 Конституции РФ [23] является правопреемником СССР, в том числе в отношении участия в международных договорах.

В силу данного документа страны — участницы Конвенции обеспечивают меры предотвращения распространения распространяющими органами несущих программы сигналов, передаваемых через спутники, которые не предназначались для этих распространяющих органов.

Интерес представляет Соглашение по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности (ТРИПС) [24], принятое в 1994 году. Документ интересен тем, что в нем содержится непосредственное наименование «смежных прав». В принимаемых до него международных соглашениях словосочетание «смежные права» не использовалось.

Большое значение для регулирования смежных прав на международном уровне имеет Договор ВОИС по исполнениям и фонограммам, принятый в 1996 году. В этом договоре участвуют 110 государств. Российская Федерация присоединилась к Договору в 2008 году. В Договоре ВОИС широко описано содержание прав исполнителей и производителей фонограмм, а срок охраны в силу ст. 17 составляет не менее 50 лет.

Относительно недавно Российская Федерация присоединилась к Пекинскому договору по аудиовизуальным исполнениям от 2012 года [25]. Среди особенностей данного договора можно выделить прежде всего, то, что за субъектами незаписанных исполнений закрепляется ряд имущественных прав. К ним относятся право на эфирное вещание, а также на запись своих исполнений.

Определенную долю международных договоров с участием Российской Федерации в сфере смежных прав составляют акты, принятые на уровне СНГ и Евразийского экономического союза.

Прежде всего необходимо выделить Соглашение о сотрудничестве в области охраны авторского права и смежных прав от 24.09.1993, принятое странами — участницами Союза Независимых Государств. Содержа-

ание Соглашения позволяет сделать вывод о том, что страны-участницы подтверждают решимость проводить совместную работу по борьбе с незаконным использованием объектов смежных прав, а также подтверждают разработку законопроектов в развитие требований в том числе Женевской конвенции об охране производителей фонограмм от неразрешенного воспроизведения их фонограмм и Римской конвенции об охране прав артистов-исполнителей, производителей фонограмм, организаций телерадиовещания.

Порядок управления смежными правами на коллективной основе на международном уровне урегулирован Соглашением о порядке управления авторскими и смежными правами на коллективной основе [26], принятым в рамках Евразийского экономического союза в 2017 году.

Особенностью регулирования смежных прав на международном уровне является то, что наибольшее внимание уделяется защите прав исполнителей, производителей фонограмм и вещательных организаций. То есть круг объектов и субъектов смежных прав в контексте международного регулирования весьма ограничен. Своеобразная «триада» указанных субъектов и объектов смежных прав является классическим примером смежных прав. На внутригосударственном же уровне к объектам смежных прав относят различные объекты.

СТАНОВЛЕНИЕ СМЕЖНЫХ ПРАВ В ОТЕЧЕСТВЕННОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

Впервые смежные права были упомянуты в отечественном законодательстве в ст. 141 Основ законодательства Союза ССР и республик [27]. Смежные права в Законе конкретно не определялись. Вместе с тем в соответствующей статье перечислялась совокупность субъективных прав, которая присуща различным субъектам смежных прав.

Подробнее смежные права регулировались в Законе РФ от 9 июля 1993 года «Об авторском праве и смежных правах» [28], однако законодательный подход с отсутствием официальной дефиниции понятия смежных прав сохранился и в этом акте.

ПОНЯТИЕ СМЕЖНЫХ ПРАВ

На сегодняшний день отечественный закон определяет смежные права через те объекты, на которые распространяются соответствующие интеллектуальные права. Согласно ст. 1303 Гражданского кодекса Российской Федерации [29], смежными с авторскими правами (смежными правами) признаются интеллектуальные права на результаты исполнительской деятельности

(исполнения), на фонограммы, на сообщение в эфир или по кабелю радио- и телепередач (вещание организаций эфирного и кабельного вещания), на содержание баз данных, а также на произведения науки, литературы и искусства, впервые обнародованные после их перехода в общественное достояние.

В отличие от авторского права, содержание которого в силу п. 2 ст. 1255 ГК РФ изначально определено в некотором минимальном объеме, содержание смежных прав дифференцируется в зависимости от объекта, в отношении которого они действуют. Иными словами, содержание смежных прав на каждый из объектов различается. Данное обстоятельство усложняет формулирование единого определения смежных прав.

Представляется, что во многом это обстоятельство подтолкнуло законодателя к определению смежных прав через перечисление объектов, в отношении которых действуют соответствующие права.

Между тем представляется необходимым оценить возможность сформулировать качественно иное определение понятия смежных прав. Для этого требуется найти то общее, что объединяет права на соответствующие объекты в единую группу, и то, чем смежные права отличаются от иных интеллектуальных прав. Иными словами, следует определить правовую природу прав на соответствующие объекты, то есть смежных прав.

Соглашаясь с Е.Г. Комиссаровой в том, что «без преувеличения можно утверждать, что всем феноменам с правовым качеством без исключения сопутствует правовая природа», «на уровне доктринальном важно определиться: что же образует смысл и суть самого понятия» [30, с. 23]. Во избежание терминологических ошибок и сложностей под правовой природой в данном контексте следует понимать подход, предложенный С.С. Алексеевым, согласно которому правовая природа определяется через структуру, место и роль явления среди других правовых явлений [31, с. 227].

Как видно из исторического анализа развития института смежных прав, их возникновение обусловлено тесной связью с авторским правом. Этот же вывод можно сделать из самого наименования этого явления — «права, смежные с авторскими».

Очевидно, что между авторским и смежными правами есть некая условная граница. Для понимания природы смежных прав необходимо понимать, что позволяет разделить два этих связанных, но отличных друг от друга правовых явления. При детальном рассмотрении этого вопроса становится очевидно, что объективные причины, по которым смежные права можно отделить от авторского права, отсутствуют.

В науке господствует мнение о том, что найти причину, по которой смежные права отделены от

права авторского, невозможно ввиду невозможности сформулировать общую концепцию смежных прав.

Например, Н.В. Бузова пишет о том, что «институт смежных прав по сравнению с авторским правом не имеет такого продолжительного применения, для того чтобы успели сформироваться научно-обоснованные концепции» [32, с. 543]. М.А. Матвеев, рассуждая о существовании общей идеи смежных прав, констатирует: «Обсуждая с точки зрения действующего закона концептуальную идею, которая пронизывала бы смежные права, приходится констатировать отсутствие таковой» [8, с. 58].

Эта позиция находит свое отражение и среди иностранных авторов. Так, ученые из университетов Голландии и США пишут о том, что нет логических причин, согласно которым, например, деятельность исполнителей не должна регулироваться авторским правом [33, с. 1206-1207].

Об определенной условности границ между авторским и смежными правами пишет также Г.Н.С. Bodenhause: «В некоторых странах исполнение произведения при условии, что оно записано, а также сама запись считаются произведениями, защищенными авторским правом. Можно оспаривать, является ли это теоретически правильным; однако это явление в любом случае показывает, что на практике границы территории, подлежащей защите авторским правом, являются гибкими» [34, с. 159].

Действительно, границы между авторским правом и смежными правами чрезвычайно гибкие, что находит свое подтверждение непосредственно в формах внутригосударственного права. Если в Российской Федерации в силу п. 2 ст. 1304 ГК РФ к объектам смежных прав относятся результаты исполнительской деятельности (исполнения), фонограммы, сообщение в эфир или по кабелю радио- и телепередач (вещание организаций эфирного и кабельного вещания), содержание баз данных, а также произведения науки, литературы и искусства, впервые обнародованные после их перехода в общественное достояние, то в иных странах перечень объектов существенно отличается от нашего.

В Болгарии, например, к объектам смежных прав на основании ст. 72 Закона об авторском праве и смежных правах [35] помимо исполнений, фонограмм и программ радио- и телевизионных организаций относятся первоначальные записи фильма или другого аудиовизуального произведения.

Во Франции, согласно Закону от 24.07.2019 «О предоставлении смежных прав информационным агентствам и издательствам» [36], к объектам смежных прав отнесены результаты деятельности новостных агентств и издательств, в частности пресс-релизы и иные публикации соответствующих субъектов права.

В отличие от Российской Федерации в Республике Молдова права изготовителя баз данных и права на произведения, перешедшие в общественное достояние, выведены из перечня смежных прав и на законодательном уровне входят в группу «иных прав» [37].

В законодательстве Габона перечень смежных прав ограничен «стандартными» объектами смежных прав: исполнениями, фонограммами, сообщениями вещательных организаций [38].

В Лихтейнштейне Закон «Об авторском праве и смежных правах» от 19.05.1999 [39] защищает нормами о смежных правах, среди прочих субъектов, кинопродюсеров.

Наука знает попытки сформулировать определение смежных прав. Одно из первых определений смежных прав было предложено И.В. Зенкиным. Под смежными правами он понимал «права тех посредников, которые помогают распространять произведения, т.е. исполнителей, производителей фонограмм и организаций эфирного и кабельного вещания» [40, с. 167]. Согласиться с данным определением сложно, поскольку оно было сформулировано до введения в действие четвертой части ГК РФ. В силу положений ст. 1270 ГК РФ распространение произведения или его экземпляров является отчуждением путем продажи и иным способом. То есть круг лиц, которые «помогают» распространять произведение, в данном случае может быть чрезвычайно широким. Например, при таком подходе к субъектам смежных прав можно отнести лиц, которые занимаются продажей экземпляров произведения, что концептуально неверно.

В учебной литературе можно найти определение, согласно которому смежные права — это «тесно связанные с авторскими правами и служащие их надлежащей реализации интеллектуальные права: на результаты исполнительской деятельности (исполнения); на фонограммы; на сообщение в эфир или по кабелю радио- и телепередач (вещание организаций эфирного и кабельного вещания); на содержание баз данных; на произведения науки, литературы и искусства, впервые обнародованные после их перехода в общественное достояние (ст. 1303 ГК РФ)» [41]. В данном определении иллюстрируется связь авторского права и смежных прав, что, безусловно, верно. Однако не совсем очевидно, что понимается под «служением их надлежащей реализации». Значит ли это, что смежные права лишь обеспечивают реализацию авторского права? Ответ видится отрицательным.

Теория права знает три формы реализации прав: «соблюдение, исполнение, использование» [42, с. 158]. Очевидно, что смежные права не могут влиять на соблюдение прав авторских, поскольку не устанавливают запретов в реализации авторского права.

Невозможно сказать также, что смежные права каким-либо образом влияют на исполнение и использование авторского права. Главной причиной такого вывода видится прямо закрепленное в п. 3 ст. 1303 ГК РФ правило о том, что «смежные права признаются и действуют независимо от наличия и действия авторских прав на такие произведения». То есть по общему правилу смежные права и авторское право, хоть и связаны между собой, но смежные права действуют независимо от наличия и действия авторских прав как таковых.

Заслуживает внимания определение, сформулированное А.А. Ивановым. Он предлагает понимать смежные права как «исключительные имущественные права, а в случаях, предусмотренных законом, также личные неимущественные права лиц, создающих с использованием объектов авторского права без изменения таковых, а в ряде случаев с изменениями, допустимыми с согласия автора используемого произведения, новую интеллектуальную собственность, дающую возможность довести авторские произведения до широкой публики, для которых предусмотрены меры гражданско-правовой защиты, сходные с мерами защиты авторских прав» [43, с. 59].

Данное определение вызывает ряд вопросов. Что понимается под «новой интеллектуальной собственностью, дающей возможность довести авторские произведения до широкой публики»? Значит ли это, что главным признаком смежных прав является их направленность на представление авторских произведений максимально неопределенному кругу лиц? С таким подходом можно согласиться в отношении лишь некоторых объектов смежных прав. Очевидно, что, например, фонограммы по своей экономической природе предполагают распространение среди широкого круга лиц.

Однако, есть исключения. Критикуя подобный подход к пониманию смежных прав, А.Г. Матвеев убедительно пишет: «Однако только этой функцией роль исполнений и фонограмм не исчерпывается, так как они содействуют распространению фольклора. Деятельность вещательных организаций еще с меньшей уверенностью можно свести к распространению литературных и художественных произведений, так как существенную часть их эфира составляют новости и спортивные трансляции, которые не являются произведениями, охраняемыми авторским правом. Еще более слабым является аргумент о распространении литературных и художественных произведений применительно к таким новым объектам смежных прав, как инвестиционные базы данных и пресс-публикации» [8, с. 57]. Более того, например, фонограммы могут быть созданы вовсе без использования объек-

тов авторского права; так, фонограмма может представлять собой запись звуков природы.

Следовательно, подход, согласно которому смежные права — это права лиц, которые создают новую интеллектуальную собственность, «дающую возможность довести авторские произведения до широкой публики» с использованием объектов авторского права, нельзя считать верным.

Вместе с тем Н.В. Бузова считает признак распространения информации значимым для понимания смежных прав. По ее мнению, «обладатели смежных прав дают возможность ознакомиться с произведениями и иными информационными объектами большему количеству заинтересованных представителей общественности. Их деятельность, как и деятельность авторов, способствует повышению информированности и культурному развитию общества. В этой связи представляется, что функциональный подход следует рассматривать как наиболее аргументированный» [32, с. 549]. Соглашаясь с тем, что функциональный подход является аргументированным, нельзя не отметить, что такой подход все равно не позволяет сущностно разграничить смежные права и права авторские, а наоборот, «размывает» такую границу по вышеизложенным основаниям.

Поскольку смежные права — это в первую очередь права, и рассматриваться они должны, как и само право, в нескольких значениях. В юридической теории принято рассматривать право в субъективном и объективном смыслах [44].

О смежных правах в объективном смысле писал И.А. Зенин. Согласно его точке зрения, «в объективном смысле смежные права представляют собой совокупность норм гражданского права, регулирующих отношения по охране исполнений, постановок, фонограмм, вещаний организаций эфирного и кабельного вещания, содержания баз данных, впервые обнародованных произведений (перешедших в общественное достояние), установлению режима их использования, наделению исполнителей, изготовителей фонограмм, вещательных организаций, изготовителей баз данных и публикаторов произведений личными неимущественными и исключительными правами и защите этих прав. Иными словами, смежные права как институт гражданского права выполняют те же функции, что и авторское право в отношении произведений науки, литературы и искусства» [45, с. 103].

О субъективном и объективном смыслах смежных прав говорит и К.С. Назаров. По его мнению «смежные права (в субъективном смысле) — это юридически обеспеченная возможность лиц, создавших в процессе творческой деятельности в объективной форме результаты, не охраняемые авторским

правом, но связанные с использованием произведений литературы, искусства, науки, а также народного творчества, осуществлять исключительные (имущественные) и связанные с ними личные неимущественные права на результаты своей деятельности, а также защищать их в случае нарушения. Смежные права (в объективном смысле) — это институт гражданского права, содержащий совокупность норм, регулирующих отношения, связанные с созданием результатов, не охраняемых авторским правом, но основанных на использовании произведений литературы, искусства, науки, народного творчества, а также с осуществлением и защитой прав лиц, создавших указанные результаты» [46, с. 9].

С таким определением нельзя согласиться. Не все объекты смежных прав связаны с использованием произведений литературы, искусства, науки и народного творчества, поскольку, например, содержание баз данных может включать в себя сведения и факты в чистом виде [47, с. 72] или фонограмма может содержать в себе лишь звуки дождя или шум прибора.

На основании изложенного может показаться, что верным является понимание смежных прав через перечисление тех объектов, на которые законодатель распространяет эти права. Однако критики такого подхода убедительно пишут о том, что одно только перечисление объектов не позволяет преодолеть неопределенность между объектами авторских и смежных прав, поскольку, в частности, произведения литературы, науки и искусства могут быть как объектом авторского права, так и объектом смежных прав [9, с. 59]. Соглашаясь с таким мнением, следует отметить, что и базы данных могут быть объектом как смежных прав, так и авторского права.

Разграничивая смежные права в объективном и субъективном смыслах, предложим собственное их определение. В связи с тем, что граница между смежными и авторскими правами не может быть установлена, а перечни смежных прав в различных законодательствах различаются, представляется целесообразным определять смежные права следующим образом.

Смежные права (в объективном смысле) — это институт гражданского права, который регулирует правоотношения, связанные с объектами, прямо поименованными и характеризированными в законе в качестве объектов смежных прав.

Смежные права (в субъективном смысле) — это интеллектуальные права, содержание которых напрямую зависит от конкретных объектов смежных прав.

Таким образом, «объектный» подход к пониманию смежных прав видится наиболее отражающим суть такого правового явления. Более того, с учетом

увеличения объектов смежных прав в зарубежных странах представляется, что и в будущем «объектный» подход к пониманию смежных прав не потеряет актуальности.

ВЫВОДЫ

На основании изложенного можно прийти к следующим выводам:

Смежные права возникли значительно позже большинства институтов гражданского права.

Институт смежных прав возник в целях защиты интересов исполнителей, производителей фонограмм, а также вещательных организаций.

Институт смежных прав регулируется широким перечнем международных форм права. Самый ранний международный акт, регулирующий соответствующие правоотношения, датируется 1961 годом.

Современное отечественное законодательство определяет в качестве объектов смежных прав помимо классической триады «исполнение, фонограмма, сообщение в эфир или по кабелю радио- и телепередач» также базы данных и произведения науки, литературы и искусства, впервые обнародованные после их перехода в общественное достояние.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Марченко М.Н. Сравнительное правоведение. Общая часть: учебник для юридических вузов. — М.: Зерцало, 2001.
2. Дювернуа Н. Значение римского права для русских юристов. Ярославль: Тип. Г. Фальк, 1872.
3. Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права. — Петроград: Право, 1917.
4. Братусь Д.А. Авторское право и Древний Рим: Исторический фундамент этической концепции / Вступ. слово проф. Б.М. Гонгало. М.: Статут, 2018.
5. Попондопуло В.Ф. Человеческая деятельность: правовые формы осуществления и публичная организация. М.: Проспект, 2021.
6. Бузова Н.В. Международно-правовое регулирование отношений, связанных с объектами смежных прав: современное состояние и перспективы // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2020. № 3.
7. Блинец И.А. Интеллектуальная собственность и закон. Теоретические вопросы // Труды по интеллектуальной собственности. Т. III. Актуальные проблемы авторских и смежных прав. М.: Институт международного права и экономики имени А.С. Грибоедова (ИМПЭ), 2001.
8. Матвеев А.Г. Идея смежных прав и их разновидности // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2019. № 24. С. 54-60.
9. Матвеев А.Г. Интеллектуальные права, смежные с авторскими: учебное пособие. Уфа: Аэтерна, 2019.
10. Garner A.B. Black's Law Dictionary 8th ed. 2004. Thomson Reuters. 2009. P. 3292, 4027.
11. Jehoram H.C. The Nature of Neighboring Rights of Performing Artists, Phonogram Producers and Broadcasting Organizations. 15 COLUM. — VLA J.L. & ARTS. 1990. Vol. 75.
12. Gesamte Rechtsvorschrift für Urheberrechtsgesetz. — URL: <https://www.ris.bka.gv.at/GeltendeFassung/Bundesnormen/10001848/Urheberrechtsgesetz%2c%20Fassung%20vom%2022.03.2022.pdf> (дата доступа: 08.09.2022).
13. Legge 22 aprile 1941, no. 633 sulla protezione del diritto d'autore e di altri diritti connessi al suo esercizio (aggiornata con le modifiche introdotte dal decreto-legge 30 aprile 2010, no. 64). — URL: <https://wipolex.wipo.int/ru/text/301483> (дата доступа: 08.09.2022).
14. Code of copyright and related rights (approved by decree-law no. 63/85 of march 14, 1985, and amended up to decree-law. No. 9/2021 of January 29, 2021). — URL: <https://wipolex.wipo.int/ru/legislation/details/21185> (дата доступа: 08.09.2022).
15. Law No. 1/87 on the establishment of the protection for copyright and neighboring rights. — URL: <https://wipolex.wipo.int/ru/text/362136> (дата доступа: 08.09.2022).
16. Decision No. 351 of the commission of the andean community on the common provisions on copyright and neighboring rights. — URL: <https://wipolex.wipo.int/ru/legislation/details/20994> (дата доступа: 08.09.2022).
17. Garner A.B. Black's Law Dictionary 8th ed. 200. Thomson Reuters, 2009. P. 3292.
18. Международная конвенция об охране интересов артистов-исполнителей, производителей фонограмм и вещательных организаций // СПС «Гарант».
19. Договоры, административные функции которых выполняет ВОИС. — URL: https://wipolex.wipo.int/ru/treaties/ShowResults?search_what=C&treaty_id=17 (дата доступа: 08.09.2022).
20. Матвеев А.Г. Эволюция системы международной охраны прав артистов-исполнителей // Вестник Волжского университета имени В.Н. Татищева. 2019. № 3.
21. Договоры, административные функции которых выполняет ВОИС. — URL: https://wipolex.wipo.int/ru/treaties/ShowResults?search_what=C&treaty_id=18 (дата доступа: 08.09.2022).

22. Договоры, административные функции которых выполняет ВОИС. — URL: https://wipolex.wipo.int/ru/treaties/ShowResults?search_what=C&treaty_id=19 (дата доступа: 08.09.2022).
23. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года) // СПС «КонсультантПлюс».
24. Соглашение по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности (ТРИПС) (ВТО, Уругвайский раунд многосторонних торговых переговоров, 15 апреля 1994 года) // СПС «Гарант».
25. Пекинский договор по аудиовизуальным исполнениям от 24.06.2012 // СПС «Гарант».
26. Соглашение о порядке управления авторскими и смежными правами на коллективной основе // СПС «Гарант».
27. Основы законодательства СССР от 31.05.1991 № 2211-1 // СПС «КонсультантПлюс».
28. Закон РФ от 09.07.1993 № 5351-1 «Об авторском праве и смежных правах» (с изменениями на 20 июля 2004 года) (редакция, действующая с 1 сентября 2006 года) // СПС «КонсультантПлюс».
29. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».
30. Комиссарова Е.Г. Формально-логические аспекты понятия «Правовая природа» // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2012. № 2.
31. Алексеев С.С. Общие дозволения и запреты в советском праве. М.: Юридическая литература, 1998.
32. Бузова Н.В. Смежные права: концептуальные подходы, определение и основные характеристики // RUDN Journal of Law. 2021. Т. 25. № 2.
33. Ricketson S., Ginsburg J.S. International Copyright and Neighbouring Rights. Oxford: Oxford Univ. Press, 2006. P. 1206-1207.
34. Bodenhausen G.H.C. Protection of «Neighboring Rights» // Law and Contemporary Problems. 1954. Spring.
35. Закон за авторското право и сродните му права от 01.08.1993. — URL: <https://wipolex.wipo.int/ru/text/544110> (дата доступа: 08.09.2022).
36. Закон № 2019-775 от 24.07.2019 «О предоставлении смежных прав информационным агентствам и издательствам». — URL: <https://wipolex.wipo.int/ru/text/537096> (дата доступа: 08.09.2022).
37. Закон № 139 от 02.07.2010 «Об авторском праве и смежных правах». — URL: <https://wipolex.wipo.int/ru/text/451411> (дата доступа: 08.09.2022).
38. Loi no° 1/87 instituant la protection du droit d'auteur et des droits voisins. — URL: <https://wipolex.wipo.int/ru/text/362137> (дата доступа: 08.09.2022).
39. Закон от 19.05.1999 «Об авторском праве и смежных правах». — URL: <https://wipolex.wipo.int/ru/legislation/details/6897> (дата доступа: 08.09.2022).
40. Зенкин И.В. Право всемирной торговой организации. М.: Международные отношения, 2003.
41. Актуальные проблемы авторского права и смежных прав: учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по направлению подготовки «Юриспруденция» (квалификация (степень) «магистр») / Н.Д. Эриашвили и др.; под ред. Н.Д. Эриашвили, Ю.С. Харитоновой. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2017.
42. Алексеев С.С. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 3. Проблемы теории права: Курс лекций. М.: Статут, 2010.
43. Иванов А.А. Международно-правовая охрана смежных прав. Дис. ... канд. юр. наук. Саратов, 2016.
44. Матузов Н.И. О праве в объективном и субъективном смысле: гносеологический аспект // Правоведение. 1999. № 4.
45. Зенин И.А. Право интеллектуальной собственности: учебник для магистров. М.: Юрайт, 2012.
46. Назаров К.С. Актуальные проблемы гражданско-правового регулирования объектов смежных прав и их правового режима в РФ. М.: Проспект, 2021.
47. Бузова Н.В. Государственные реестры — базы данных, охраняемые как объекты смежных прав? // Журнал российского права. 2019. № 10.

REFERENCES

1. Marchenko M.N. Sravnitel'noe pravovedenie. Obshchaya chast': uchebnik dlya yuridicheskikh vuzov. M.: Zerczalo, 2001.
2. Dyvernua N. Znachenie rimskogo prava dlya russkikh yuristov. Yaroslavl': Fal'k, 1872.
3. Pokrovskij I.A. Osnovny`ya problemy` grazhdanskogo prava. Petrograd': Pravo, 1917.
4. Bratus` D.A. Avtorskoe pravo i Drevnij Rim: Istoricheskij fundament e`ticheskoy koncepczii / Vstup. slovo prof. B.M. Gongalo. M.: Statut, 2018.
5. Popondopulo V.F. Chelovecheskaya deyatel`nost`: pravovy`e formy` osushhestvleniya i publichnaya organizaciya: monografiya. M.: Prospekt, 2021.
6. Buzova N.V. Mezhdunarodno-pravovoe regulirovanie otnoshenij, svyazanny`kh s ob`ektami smezhny`kh prav: sovremennoe sostoyanie i perspektivy` // Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel`stva i sravnitel`nogo pravovedeniya. 2020. No. 3.
7. Bliznecz I.A. Intellektual`naya sobstvennost` i zakon. Teoreticheskie voprosy` // Trudy` po intellektual`noj sobstvennosti. T. III Aktual`ny`e problemy` avtorskikh i

- smezhny`kh prav. M.: Institut mezhdunarodnogo prava i e`konomiki imeni A.S. Griboedova (IMPE`), 2001.
8. Matveev A.G. Ideya smezhny`kh prav i ikh raznovidnosti // Zhurnal Suda po intellektual`ny`m pravam. 2019. No. 24.
9. Matveev A.G. Intellektual`ny`e prava, smezhny`e s avtorskimi: uchebnoe posobie. Ufa: Ae`terna, 2019.
10. Garner A.B. Black's Law Dictionary 8th ed. 2004. Thomson Reuters. 2009. P. 3292, 4027.
11. Jehoram H.C. The Nature of Neighboring Rights of Performing Artists, Phonogram Producers and Broadcasting Organizations. 15 COLUM. — VLA J.L. & ARTS. 1990. Vol. 75.
12. Gesamte Rechtsvorschrift für Urheberrechtsgesetz. — URL: <https://www.ris.bka.gv.at/GeltendeFassung/Bundesnormen/10001848/Urheberrechtsgesetz%2c%20Fassung%20vom%2022.03.2022.pdf>
13. Legge 22 aprile 1941, no. 633 sulla protezione del diritto d'autore e di altri diritti connessi al suo esercizio (aggiornata con le modifiche introdotte dal decreto-legge 30 aprile 2010, No. 64). — URL: <https://wipoex.wipo.int/ru/text/301483>
14. Code of copyright and related rights (approved by decree-law no. 63/85 of march 14, 1985, and amended up to decree-law No. 9/2021 of january 29, 2021). — URL: <https://wipoex.wipo.int/ru/legislation/details/21185>
15. Law No. 1/87 on the establishment of the protection for copyright and neighboring rights. — URL: <https://wipoex.wipo.int/ru/text/362136>
16. Decision No. 351 of the commission of the andean community on the common provisions on copyright and neighboring rights. — URL: <https://wipoex.wipo.int/ru/legislation/details/20994>
17. Garner A.B. Black's Law Dictionary 8th ed. 2004. Thomson Reuters, 2009. P. 3292.
18. Mezhdunarodnaya konvencziya ob okhrane interesov artistov-ispolnitelej, proizvoditelej fonogramm i veshhatel`ny`kh organizaczij // SPS "Garant".
19. Dogovory`, administrativny`e funkczii kotory`kh vy`polnyaet VOIC. https://wipoex.wipo.int/ru/treaties/ShowResults?search_what=C&treaty_id=17 (data dostupa: 08.09.2022).
20. Matveev A.G. E`volyucziya sistemy` mezhdunarodnoj okhrany` prav artistov-ispolnitelej // Vestnik Volzhskogo universiteta imeni V.N. Tatishheva. 2019. No. 3.
21. Dogovory`, administrativny`e funkczii kotory`kh vy`polnyaet VOIC. — URL: https://wipoex.wipo.int/ru/treaties/ShowResults?search_what=C&treaty_id=18
22. Dogovory`, administrativny`e funkczii kotory`kh vy`polnyaet VOIC. — URL: https://wipoex.wipo.int/ru/treaties/ShowResults?search_what=C&treaty_id=19
23. Konstitucziya Rossijskoj Federaczii (prinyata vsenarodny`m golosovaniem 12 dekabrya 1993 goda) // SPS "Konsul`tantPlyus".
24. Soglashenie po trgovy`m aspektam prav intellektual`noj sobstvennosti (TRIPS) (VTO, Urugvajskij raund mnogostoronnikh trgovy`kh peregovorov, 15 aprelya 1994 goda) // SPS "Garant".
25. Pekinskij dogovor po audiovizual`ny`m ispolneniyam ot 24.06.2012 // SPS "Garant".
26. Soglashenie o poryadke upravleniya avtorskimi i smezhny`mi pravami na kollektivnoj osnove // SPS "Garant".
27. Osnovy` zakonodatel`stva SSSR ot 31.05.1991 No. 2211-I // SPS "Konsul`tantPlyus".
28. Zakon RF ot 09.07.1993 No. 5351-1 "Ob avtorskom prave i smezhny`kh pravakh" (s izmeneniyami na 20 iyulya 2004 goda) (redakcziya, dejstvuyushhaya s 1 sentyabrya 2006 goda) // SPS "Konsul`tantPlyus".
29. Grazhdanskij kodeks Rossijskoj Federaczii (chast` chetvertaya) ot 18.12.2006 No. 230-FZ // SPS "Konsul`tantPlyus".
30. Komissarova E.G. Formal`no logicheskie aspekty` ponyatiya "Pravovaya priroda" // Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki. 2012. No. 2.
31. Alekseev S.S. Obshhie dozvoleniya i zaprety` v sovetskom prave. M.: Yuridicheskaya literatura, 1998.
32. Buzova N.V. Smeshny`e prava: konceptual`ny`e podkhody`, opredelenie i osnovny`e kharakteristiki // RUDN Journal of Law. 2021. T. 25. No. 2.
33. Ricketson S., Ginsburg J.S. International Copyright and Neighbouring Rights. Oxford: Oxford Univ. Press, 2006. No. 2. P. 1206-1207.
34. Bodenhausen G.H.C. Protection of "Neighboring Rights" // Law and Contemporary Problems. 1954. Spring.
35. Zakon za avtorskoto pravo i srodnite mu prava ot 01.08.1993. — URL: <https://wipoex.wipo.int/ru/text/544110>
36. Zakon No. 2019-775 ot 24.07.2019 goda "O predostavlenii smezhny`kh prav informaczionny`m agentstvam i izdatel`stvam". — URL: <https://wipoex.wipo.int/ru/text/537096>
37. Zakon No 139 ot 02.07.2010 "Ob avtorskom prave i smezhny`kh pravakh". — URL: <https://wipoex.wipo.int/ru/text/451411>
38. Loi no° 1/87 instituant la protection du droit d'auteur et des droits voisins. — URL: <https://wipoex.wipo.int/ru/text/362137>
39. Zakon ot 19.05.1999 "Ob avtorskom prave i smezhny`kh pravakh". — URL: <https://wipoex.wipo.int/ru/legislation/details/6897>
40. Zenkin I.V. Pravo vseмирnoj trgovoj organizaczii. M.: Mezd. otn., 2003.

41. Aktual`ny`e problemy` avtorskogo prava i smezhny`kh prav: ucheb. posobie dlya studentov vuzov, obuchayushhikhsya po napravleniyu podgotovki "Yurisprudenciya" (kvalifikaciya (stepen`) «magistr») / N.D. E`riashvili i dr.; pod red. N.D. E`riashvili, Yu.S. Kharitonovoj. M.: YuNITI-DANA, 2017.
42. Alekseev S.S. Sobranie sochinenij: v 10 t.. T. 3: Problemy` teorii prava: Kurs lekczij. M.: Statut, 2010.
43. Ivanov A.A. Mezhdunarodno-pravovaya okhrana smezhny`kh prav. Dis. ... kand. yur. nauk. Saratov, 2016.
44. Matuzov N.I. O prave v ob`ektivnom i sub`ektivnom smy`sle: gnoseologicheskij aspect // Pravovedenie. 1999. No. 4.
45. Zenin I.A. Pravo intellektual`noj sobstvennosti: uchebnik dlya magistrv. M.: Izdatel`stvo Yurajt, 2012.
46. Nazarov K.S. Aktual`ny`e problemy` grazhdansko-pravovogo regulirovaniya ob`ektov smezhny`kh prav i ikh pravovogo rezhima v RF: monografiya. M.: Prospekt, 2021.
47. Buzova N.V. Gosudarstvenny`e reestry` — bazy` danny`kh, okhranyaemy`e kak ob`ekty` smezhny`kh prav? // Zhurnal rossijskogo prava. 2019. No. 10.

СМЕЖНЫЕ ПРАВА: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ НЕОДНОРОДНЫХ ПРАВ RELATED RIGHTS: A COMPARATIVE ANALYSIS OF HETEROGENEOUS RIGHTS

Ирина Владимировна ШИРКОВА

Донецкий национальный университет экономики и торговли имени Михаила Туган-Барановского,
E-mail: i-shirkova@yandex.ru,
https://www.elibrary.ru/author_profile.asp?authorid=837423,
SPIN-код: 9444-1822

Информация об авторе

И.В. Ширкова — кандидат философских наук, доцент кафедры правовых и политических наук Донецкого национального университета экономики и торговли имени Михаила Туган-Барановского

Аннотация. Реализация прав и свобод человека, в том числе свободы творчества, участия в научно-техническом прогрессе, и использование его благ обеспечивают формирование определенных ресурсов для развития как самого человека, так и человечества в целом. Поэтому реализация смежных прав в современных условиях особенно актуальна, поскольку именно правообладатели этих прав раскрывают новые горизонты распространения и использования творческой и иной информации, направленной на преобразование и совершенствование условий жизни человека и общества. Учитывая расплывчатость и разнородность смежных прав, целесообразно исследовать объекты и субъекты данной категории прав в целях недопущения ограничения их правовой охраны.

В исследовании сущности смежных прав использовался диалектический метод, позволивший комплексно изучить содержание предмета. Обобщение существующих дефиниций и законодательная база дали возможность выделить характерные черты исследуемой категории: для объектов смежных прав характерным признаком является результат, облеченный в определенную форму с помощью, как правило, технических средств. Смежные права являются только совокуп-

- ностью правовых норм, регламентирующих охрану
- разнородных прав; основания возникновения смежных
- прав подразделяется на категории: для одной (испол-
- нитель) — достаточно деятельности, основанной на
- творческом потенциале, не связанной с материальными
- затратами, а для других — действий, связанных с опре-
- деленными затратами. Смежные права возникают
- и могут реализовываться без соблюдения каких бы то
- ни было формальностей. Обоснована необходимость
- расширения субъектного состава в целях обеспечения
- охраны смежных прав на законодательном уровне.

- **Ключевые слова:** смежные права; объекты смежных
- прав; субъекты смежных прав; исключительные права на
- объекты смежных прав

- **Для цитирования:** Ширкова И.В. Смежные права: сравнительный анализ неоднородных прав // Труды по интеллектуальной собственности (Works on Intellectual Property). 2022. Т. 43, № 4. С. 82–90; [http://: dx.doi.org.....](http://dx.doi.org/.....)

Irina V. SHIRKOVA

- Mikhail Tugan-Baranovsky Donetsk National University of Economics and Trade,
• https://www.elibrary.ru/author_profile.asp?authorid=837423,
• SPIN-код: 9444-1822

Information about the author

- I.V. Shirkova — candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor of the Department of Legal and Political Sciences of Mikhail Tugan-Baranovsky Donetsk National
- University of Economics and Trade

- **Abstract.** The realization of human rights and freedoms, including freedom of creativity, participation in scientific

and technological progress and the use of its benefits, all this ensures the formation of certain resources for the development of both the individual and society as a whole. Therefore, the realization of related rights in modern conditions is of particular relevance, since it is the holders of these rights who reveal new horizons for the dissemination and use of creative and other information aimed at transforming and improving the living conditions of a person and society as a whole. Given the vagueness and heterogeneity of related rights, it is advisable to study the objects and subjects of this category of rights in order to prevent restrictions on the legal protection of their holders. In the study of the essence of related rights, a dialectical method was used, which made it possible to comprehensively study the content of the subject. Generalization of existing definitions and the legislative framework allowed us to identify the characteristic features of the category under study: for objects of related rights, a characteristic feature is the result, clothed in a certain form with the help, as a rule, of technical means; related rights are only a set of legal norms regulating the protection of heterogeneous rights; the grounds for the emergence of related rights are divided into categories: for one, only activities based on creative potential that are not related to material costs are sufficient, and for others, actions related to certain costs; related rights arise and can be implemented without observing any there were no formalities. Related rights arise and can be implemented without observing any formalities. The necessity of expanding the subject composition in order to ensure the protection of related rights at the legislative level is substantiated.

Keywords: related rights; objects of related rights; subjects of related rights; exclusive rights to objects of related rights

For citation: Shirkova I.V. Related Rights: a Comparative Analysis of Heterogeneous Rights // Trudi po Intellectualnoy Sobstvennosti (Works on Intellectual Property). 2022. Vol. 43 (4). P. 82–90; <https://doi.org/>

- -
 -
 -
 -
 -
 -
- Всеобщая декларация прав человека закрепляет положение о том, что «каждый человек имеет право свободно участвовать в культурной жизни общества, наслаждаться искусством, участвовать в научном прогрессе и пользоваться его благами /.../ имеет право на защиту его моральных и материальных интересов, являющихся результатом научных, литературных или художественных трудов, автором которых он является» (ст. 27) [1].

Предоставление культурных прав и свобод, связанных со свободой творчества и доступом к культурным ценностям, обеспечивает формирование человека как уникальной личности, реализующей свои творческие возможности не только на собственное благо, но и на благо общества в целом. Реализация интеллектуальных прав, в частности активно развивающихся в последнее время смежных прав, позволяет обеспечивать охрану творческих интересов человека и его уникальность (права исполнителей), раскрывать новые технические возможности распространения творческих результатов среди широкой общественности и тем самым мотивирует к новым достижениям, к научно-техническому прогрессу, который является важнейшим фактором развития человеческого общества. Именно поэтому в современных реалиях особый интерес представляет механизм обеспечения смежных прав, являющихся связующим звеном между творцом и массовым пользователем.

Актуальность темы настоящего исследования обусловлена относительностью и расплывчатостью объектного и субъектного составов смежных прав, провоцирующих уязвимость соответствующей категории правообладателей, что создает угрозу ущемления и нарушения их прав и законных интересов, а также интересов общества и государства.

Конституция Российской Федерации гарантирует свободу литературного, художественного, научного, технического и других видов творчества (ст. 44) [2] и обеспечивает охрану интеллектуальной собственности. Интеллектуальной собственностью, согласно гражданскому законодательству, являются результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации юридических лиц, товаров, работ, услуг и предприятий, которым пре-

доставляется правовая охрана (ст. 1225 ГК РФ) [3]. В свою очередь, права на охраняемые результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации именуются интеллектуальными правами. К результатам интеллектуальной деятельности относятся авторские и смежные права, права на изобретения, полезные модели, промышленные образцы и некоторые другие объекты.

В последнее время роль и значение интеллектуальной собственности, в частности смежных прав, возрастает, поскольку стремительное развитие технологий влечет за собой активное использование различных способов получения необходимой информации и удовлетворения личных потребностей пользователя. И, как правило, доведение информации (результатов интеллектуального творчества) до пользователей осуществляется благодаря деятельности лиц, которые разрабатывают различные способы распространения и использования созданного творческого продукта, а следовательно, имеют право на вознаграждение.

С учетом указанных факторов вполне возможно и целесообразно с научной точки зрения провести анализ отдельных положений категории «смежные права», принимая во внимание правовую регламентацию охраны интеллектуальной собственности и защиты исключительных прав на объекты смежных прав в международном и национальном законодательствах.

Международное законодательство к смежным правам относит права артистов-исполнителей, изготовителей фонограмм и вещательных организаций. Рассмотрим основные международные нормативно-правовые акты, закрепляющие права указанных субъектов.

На международном уровне первым документом, обеспечивающим охрану прав исполнителей (в отношении исполнений), изготовителей фонограмм (в отношении фонограмм) и вещательных организаций (в отношении теле- и радиопередач) является Римская конвенция об охране прав исполнителей, изготовителей фонограмм и вещательных организаций (1961 год) [4]. Данный документ содержит перечень субъектов смежных прав (не называя их таковыми) и очерчивает границы охраны прав: для исполнителей (актеров, певцов, музыкантов, танцоров и исполнителей литературных или музыкальных произведений) — охрана от определенных действий, на которые они не давали согласия (трансляция, исполнение или воспроизведение записи); для изготовителей фонограмм — запрет или разрешение на воспроизведение их фонограмм; для вещательных организаций — запрет или разрешение на ретрансляцию их передач, запись их передач, воспроизведение таких записей, публичный показ их телевизионных передач, если такой показ

производится в местах, за доступ в которые с публики взимается входная плата [4]. Тем самым акцентируется исключительное право правообладателей и подтверждается производность этих прав от авторских прав, что соответствует современному пониманию смежных прав.

Также Конвенция закрепляет два основных принципа: национального режима и минимального уровня охраны, что характерно для международных документов по охране интеллектуальных прав, отсылающих к национальным нормативно-правовым актам, обеспечивающим охрану и защиту прав интеллектуальной собственности.

Следующим документом, охраняющим права изготовителей фонограмм, является Женевская конвенция об охране интересов производителей фонограмм от незаконного воспроизводства их фонограмм (1971 год) [5]. Конвенция предусматривает обязанность государств-участников охранять интересы производителей фонограмм от изготовления дубликатов фонограмм без их согласия, от ввоза таких дубликатов в случаях, когда изготовление или ввоз осуществляются в целях их распространения для всеобщего сведения, а также от распространения таких дубликатов для всеобщего сведения [5]. Этот документ, однако, также не конкретизирует понятие смежных прав и не устанавливает объектный и субъектный состав этих прав.

Еще одним международно-правовым актом, касающимся смежных прав, является Брюссельская конвенция о распространении несущих программы сигналов, передаваемых через спутники (1974 год) [6]. Конвенция фиксирует обязательство государства принимать адекватные меры для предотвращения несанкционированного распространения на своей территории или с ее территории любого несущего программы сигнала, передаваемого через спутник.

Договор ВОИС по исполнениям и фонограммам (1996 год) [7] касается прав исполнителей (актеров, певцов, музыкантов и т.д.) и производителей фонограмм (физических или юридических лиц, которые берут на себя инициативу и несут ответственность за звукозапись) в цифровой среде. Что касается исполнителей, то Договор предоставляет им имущественные права на их исполнения, записанные в виде фонограмм (но не в виде аудиовизуальной записи, применяемой для кинофильмов).

Пекинский договор по аудиовизуальным исполнениям (2012 год) [8] закрепляет неимущественные права исполнителя (запрет на искажение и изменение аудиовизуальных записей исполнителя, благодаря чему охраняется идентичность исполнителя) и имущественные права (право на воспроизведение исполнения любым способом и в любой форме; право на

аренду (прокат) оригинала или копий исполнения; право на распространение (отчуждение) оригинала или копий исполнения; право на предоставление доступа к исполнению).

Соглашение о торговых аспектах прав интеллектуальной собственности (Соглашение ТРИПС) с поправками, внесенными в него Протоколом 2005 года [9], помимо национального режима впервые закрепило режим наибольшего благоприятствования, а также разделило авторские права и смежные права с установлением охраны классических смежных прав: прав исполнителей, производителей фонограмм (фонограмм) и организаций эфирного вещания.

В национальном законодательстве базовым документом, закрепляющим охрану смежных прав, является Гражданский кодекс РФ [3]. Он несколько расширяет границы классических смежных прав и закрепляет помимо прав исполнителей, изготовителей фонограмм и организаций эфирного или кабельного вещания права изготовителя базы данных и права публикаторов произведений науки, литературы и искусства. Статья 1304 ГК РФ к объектам смежных прав относит следующие виды деятельности, которые будут рассмотрены ниже:

- результаты исполнительской деятельности (исполнения), к которым относятся исполнения артистов-исполнителей и дирижеров, если эти исполнения выражаются в форме, допускающей их воспроизведение и распространение с помощью технических средств, постановки режиссеров-постановщиков спектаклей, если эти постановки выражаются в форме, позволяющей осуществить их повторное публичное исполнение при сохранении узнаваемости конкретной постановки зрителями, а также в форме, допускающей воспроизведение и распространение с помощью технических средств [3]. Существенная конкретизация, обеспечивающая охрану исполнения, выражается в «форме, допускающей их воспроизведение и распространение с помощью технических средств», то есть только в случае возможности осуществления записи исполнения (ст. 1304 ГК РФ);
- фонограммы, то есть любые исключительно звуковые записи исполнений или иных звуков либо их отображений, за исключением звуковой записи, включенной в аудиовизуальное произведение, то есть охраняются законом исключительно звуковые записи исполнений или иных звуков [3]. По мнению И.А. Близнеца, «отображения звуков» являются традицией, заложенной рядом новых международных договоров; их создатели стремились таким образом отразить случаи циф-

ровой записи, в которых звуки «отображаются» с использованием различного рода цифровых технологий [10, с. 114];

- сообщения передач организаций эфирного или кабельного вещания, в том числе передач, созданных самой организацией эфирного или кабельного вещания либо по ее заказу за счет ее средств другой организацией [3]. Исходя из судебной практики, в частности из судебных решений об удовлетворении исковых требований ОАО «НТВ-ПЛЮС» о принятии в отношении интернет-сайта предварительных обеспечительных мер, направленных на защиту авторских и смежных прав на сообщение передач (телевизионное вещание) телеканала «Футбол 3» [11], и из судебного решения об удовлетворении исковых требований ОАО «Первый канал» о принятии в отношении другого интернет-сайта предварительных обеспечительных мер, направленных на обеспечение защиты авторских и (или) смежных прав на сообщение в эфир или по кабелю радио- или телепередач «Время покажет», «Точь-в-точь» и «Воскресное время» при их сообщении для всеобщего сведения по информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» без разрешения правообладателя [12], можно сделать вывод, что объектом охраны может выступать как само вещание телерадиоканала целиком, так и его отдельные передачи, которые созданы вещателем самостоятельно или иной организацией по заказу;
- базы данных в части их охраны от несанкционированного извлечения и повторного использования составляющих их содержание материалов [3]. Согласно ч. 2 ст. 1260 ГК РФ, «базой данных является представленная в объективной форме совокупность самостоятельных материалов (статей, расчетов, нормативных актов, судебных решений и иных подобных материалов), систематизированных таким образом, чтобы эти материалы могли быть найдены и обработаны с помощью электронной вычислительной машины (ЭВМ)». Представляется, что в данном случае речь идет исключительно о систематизации самостоятельных материалов. В случае если создание базы данных сопровождается творческой деятельностью, данный объект охраняется еще и авторским правом;
- произведения науки, литературы и искусства, обнародованные после их перехода в общественное достояние, в части охраны прав публикаторов таких произведений [3].

Анализируя международные и отечественные законодательные нормы, касающиеся смежных прав,

можно сделать вывод об отсутствии у них общих характерных критериев, позволяющих установить сущностные характеристики смежных прав. Этими нормативно-правовыми актами предусмотрены лишь релятивные направления для данной категории.

Попробуем обобщить существующие определения смежных прав, характерные критерии объектов смежных прав, субъектного состава, учитывая дискуссионность положений, выдвигаемых многими юристами.

Проблемам выяснения сущности смежных прав посвящены работы И.А. Близнеца, Э.П. Гаврилова, В.А. Дозорцева, А.Г. Матвеева, А.П. Сергеева, О.В. Черкасовой и др.

В гл. 7 «Глоссарий терминов в области авторского и смежного права» Руководства к Договорам ВОИС в области авторского права и смежных прав термин «смежные права» означает права исполнителей в отношении их исполнений, права производителей фонограмм в отношении их фонограмм, права организаций эфирного вещания в отношении их передач эфирного вещания, права издателей на типографское оформление их опубликованных изданий и права изготовителей баз данных [13].

Определим характерные черты субъектного состава обладателей смежных прав и содержание смежных прав.

Согласно ст. 1313 ГК РФ, исполнителем признается физическое лицо, творческим трудом которого создано исполнение. Законодатель конкретизирует артиста-исполнителя. Это может быть актер, певец, музыкант, танцор или другое лицо, которое играет роль, читает, декламирует, поет, играет на музыкальном инструменте или иным образом участвует в исполнении произведения литературы, искусства или народного творчества, в том числе эстрадного, циркового или кукольного номера, а также дирижер, режиссер-постановщик спектакля, то есть лицо, осуществившее постановку театрального, циркового, кукольного, эстрадного или иного театрально-зрелищного представления [3]. Как правильно заметил, С.П. Гришаев, «смежное право исполнителя возникает только в отношении произведения литературы, искусства или народного творчества», а в отношении имитации пения птиц или подражания выступлениям спортсменов смежные права исполнителя не возникают. Представляется, что это не совсем правильно и охрана должна предоставляться любому исполнению [14].

Статья 1315 ГК РФ закрепляет личные неимущественные права исполнителя, такие как право на имя, право на авторство и право на неприкосновенность исполнения. Исполнителю принадлежит право на указание своего имени или псевдонима на экзем-

плярах фонограммы и в иных случаях использования исполнения; право быть признанным в качестве исполнителя своих исполнений — как записанных на фонограммы, так и не записанных устных исполнений; право на неприкосновенность исполнения, то есть право на защиту исполнения от всякого внесения изменений, приводящих к извращению смысла или к нарушению целостности восприятия исполнения, в его запись, в сообщение в эфир или по кабелю, при доведении исполнения до всеобщего сведения, а также при публичном исполнении постановки спектакля.

Исполнителю принадлежат также исключительные права на исполнение: право на незаписанные исполнения (сообщение в эфир, то есть сообщение исполнения для всеобщего сведения посредством его передачи по радио или телевидению, в том числе путем ретрансляции); право на воспроизведение (запись исполнения, то есть фиксация звуков и (или) изображения или их отображений с помощью технических средств в какой-либо материальной форме, позволяющей осуществлять их неоднократное восприятие, воспроизведение или сообщение, воспроизведение записи исполнения, то есть изготовление одного и более экземпляра записи исполнения или ее части в любой материальной форме); право на распространение (распространение записи исполнения путем продажи либо иного отчуждения ее оригинала или экземпляров, представляющих собой копии такой записи на любом материальном носителе); право на прокат (прокат оригинала или экземпляров записи исполнения); право сделать свои исполнения доступными (доведение исполнения до всеобщего сведения таким образом, что любое лицо может получить к нему доступ из любого места и в любое время по собственному выбору) [3].

Изготовителем фонограммы признается лицо, взявшее на себя инициативу и ответственность за первую запись звуков исполнения или других звуков либо отображений этих звуков [3].

Смежные права на фонограммы также состоят из личных неимущественных прав изготовителей фонограмм (право на имя, право на авторство и право на защиту фонограммы от искажения при ее использовании) и исключительных прав: право на воспроизведение; право на распространение; право на прокат; право сделать фонограммы доступными; право на вознаграждение за эфирное вещание и сообщение для всеобщего сведения. «Переход права собственности на экземпляр фонограммы не влечет уступки каких-либо смежных прав, принадлежащих изготовителю фонограммы. Если оригинал или экземпляры правомерно опубликованной фонограммы введены в гражданский оборот посредством их продажи или

иною отчуждения, то допускается их дальнейшее распространение без согласия производителя фонограммы и без выплаты вознаграждения, то есть собственник может уничтожить, перепродать, подарить и т.п. /.../ Однако он не может заниматься коммерческим прокатом записи, поскольку данное право сохраняется за изготовителем фонограммы независимо от права собственности на ее оригинал или экземпляры» [15, с. 202].

Организацией эфирного или кабельного вещания признается юридическое лицо, самостоятельно определяющее содержание радио- и телепередач (совокупности звуков и/или изображений или их отображений) и осуществляющее их сообщение в эфир или по кабелю своими силами или с помощью третьих лиц [3]. Организации эфирного или кабельного вещания принадлежит исключительное право использовать правомерно осуществляемое или осуществленное ею сообщение в эфир или по кабелю передач любым не противоречащим закону способом, а именно: запись, воспроизведение, распространение, ретрансляция, доведение до всеобщего сведения, публичное исполнение, прокат оригинала и экземпляров записи сообщения радио- или телепередачи [3].

Права организаций эфирного и кабельного вещания возникают на их передачи, то есть эти права действуют с момента осуществления передачи. Как отмечает Э.П. Гаврилов, передача — это не любое сообщение в эфир или по кабелю, а то, которое создано либо этой организацией, либо по ее заказу и за ее счет другой организацией [16].

Изготовителем базы данных признается лицо, организовавшее создание базы данных и работу по сбору, обработке и расположению составляющих ее материалов. Помимо личных неимущественных прав к исключительным правам изготовителя базы данных относится право на составляющие базу материалы и отдельные ее элементы, существующее независимо от авторских прав на саму базу и отдельные ее элементы. Однако в случаях непрямого копирования базы или в случаях, когда сами извлекаемые материалы не защищены авторским правом (например, тексты нормативных актов), страдают имущественные интересы изготовителей баз данных [17].

Публикатором признается гражданин, который правомерно обнародовал или организовал обнародование произведения науки, литературы или искусства, ранее не обнародованного и перешедшего в общественное достояние либо находящегося в общественном достоянии в силу того, что оно не охранялось авторским правом [3]. Смежные права публикатора произведения науки, литературы и искусства в соответствии со ст. 1337 ГК РФ распространяются на про-

изведения, перешедшие в общественное достояние в связи с истечением срока действия авторско-правовой охраны или находящиеся в общественном достоянии в силу того, что во времена, когда произведение было создано, авторско-правовой охраны попросту не существовало [3]. Исключительное право публикатора включает правомочия по использованию произведения, которыми обладает автор.

Ориентиры в научной и законодательной литературе позволили выделить основные признаки категории «смежные права».

1. Субъектный состав смежных прав: исполнители — только физические лица; производители фонограмм; организации эфирного и кабельного вещания — юридические лица, однако сособственниками могут быть и физические лица; изготовители базы данных и публикаторы произведений науки, литературы и искусства — как физические, так и юридические лица.

2. Объектный состав смежных прав: результаты исполнительской деятельности (исполнения), если эти исполнения выражаются в форме, допускающей их воспроизведение и распространение с помощью технических средств, постановки режиссеров-постановщиков спектаклей, если эти постановки выражаются в форме, позволяющей осуществить их повторное публичное исполнение при сохранении узнаваемости конкретной постановки зрителями, а также в форме, допускающей воспроизведение и распространение с помощью технических средств, то есть результаты деятельности субъектов данной группы смежных прав выражаются в живом исполнении или с помощью технических средств; фонограммы, то есть любые исключительно звуковые записи исполнений или иных звуков либо их отображений, за исключением звуковой записи, включенной в аудиовизуальное произведение, то есть охраняются законом исключительно звуковые записи исполнений или иных звуков с использованием различного рода цифровых технологий; сообщения передач организаций эфирного или кабельного вещания по кабелю своими силами или с помощью третьих лиц, то есть также с применением технических средств; базой данных является представленная в объективной форме совокупность самостоятельных материалов, систематизированных с помощью электронной вычислительной машины; произведения науки, литературы и искусства, обнародованные, то есть облеченные в определенную форму. Следовательно, характерным признаком объектов смежных прав является результат, облеченный в определенную форму с помощью, как правило, технических средств.

3. Основание возникновения смежных прав: у исполнителей — творческий результат исполнительской

деятельности в форме, допускающей его воспроизведение и распространение с помощью технических средств; у изготовителей фонограмм — фиксация звуков на любом носителе с использованием различного рода цифровых технологий; у организаций эфирного или кабельного вещания — сообщения передач эфирного или кабельного вещания с применением технических средств; у изготовителей базы данных — электронная форма базы данных, связанная с определенными финансовыми, материальными, организационными или иными затратами, понесенными изготовителем базы данных в связи с ее созданием [18]; у публикаторов произведений науки, литературы и искусства — действие, которое впервые делает произведение, ранее не опубликованное, перешедшее в общественное достояние, доступным любым способом.

Таким образом, можно сделать вывод, что для возникновения смежных прав для исполнителя достаточно только исполнительской деятельности, основанной на творческом потенциале, которая может быть не связана с материальными затратами, а для остальных субъектов смежных прав действия связаны с финансовыми, организационными и иными затратами. Поскольку использование их результатов осуществляется с применением технических средств, возникновение смежных прав сопряжено со сделкой.

4. Срок действия исключительных прав на объекты смежных прав — 50 лет, считая с 1 января года, следующего за годом, в котором имело место основание для возникновения смежных прав (запись, сообщение радио- или телепередачи в эфир или по кабелю, электронная база данных), кроме исполнения, для которого исключительное право действует в течение всей жизни исполнителя, но не менее 50 лет, считая с 1 января года, следующего за годом, в котором осуществлены исполнение либо запись исполнения, и публикатора — на обнародованное произведение исключительное право действует в течение 25 лет, считая с 1 января года, следующего за годом его обнародования.

5. Формальности при возникновении смежных прав. Смежные права возникают и могут реализовываться без соблюдения каких бы то ни было формальностей. Однако ст. 1305 ГК РФ предусматривает право для изготовителя фонограммы и исполнителя для оповещения о принадлежащем им исключительном праве использовать знак охраны смежных прав, который помещается на каждом оригинале или экземпляре фонограммы, состоящий из трех элементов — латинской буквы «Р» в окружности, имени или наименования обладателя исключительного права, года первого опубликования фонограммы [3].

ВЫВОДЫ

1. Анализ научных источников, международных и отечественных законодательных норм, судебной практики российских судов позволил сформулировать следующее определение категории «смежные права». Смежные права это институт права интеллектуальной собственности, регулирующий деятельность организационно-технического, финансово-экономического, в том числе и творческого, характера, облеченную в определенную форму (как правило, с помощью технических средств) лицами, способствующими популяризации произведений науки, литературы и искусства и иной информации в целях использования результатов своей деятельности для удовлетворения личных неимущественных и имущественных интересов любым не противоречащим закону способом.

2. Изучение основных и специализированных норм гражданского законодательства позволяет предложить систематизацию смежных прав по определенным критериям (субъектному составу; объектному составу; основаниям возникновения смежных прав; срокам действия исключительных прав; условиям возникновения смежных прав). Отсюда следует, что смежные права являются только совокупностью правовых норм, регламентирующих охрану разрозненных элементов, не дающих возможности выявить общие черты. Так, для одних исполнителей, как было указано выше, в приоритете охрана и защита творческого потенциала, а для других — реверсия экономических затрат.

По мнению А.Г. Матвеева, «первую группу смежных прав составляют права исполнителей, правовой режим которых позволяет рассматривать права на исполнение как самостоятельную и в своем роде уникальную категорию смежных прав. Вторую группу смежных прав составляют все остальные классические /.../ смежные права /.../ — продюсерские права» [19].

3. Анализ норм российского гражданского законодательства позволяет проследить законодательную относительность, которая создает дополнительные возможности использования результатов интеллектуальной собственности, но без учета интересов создателей таких результатов. Например, смежное право исполнителя ограничено и распространяется только на исполнение произведений науки, литературы, искусства или народного творчества, тем самым исполнение в другой области остается без правовой охраны. Автор предлагает рассмотреть целесообразность концептуальных подходов в признании за определенными лицами смежных прав в целях обеспечения охраны творческих интересов человека и его уникальности — подходов, раскрывающих новые возможности распространения творческих результатов.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Всеобщая декларация прав человека: принята резолюцией 217 а (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 10 декабря 1948 года. — URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml
2. Российская Федерация. Законы. Новый текст Конституции РФ с поправками 2020 года: принята всенародным голосованием 12.12.1993 (с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации. — URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202007040001>
3. Российская Федерация. Законы. Гражданский кодекс Российской Федерации: принят от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 28.06.2021 с изменениями от 08.07.2021) // «КонсультантПлюс» — Электрон. текстовые и граф. данные. М., 2021. — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/aa87cfbdfb5358dce8542e6c9b4b0593639d20e9/
4. Всемирная организация интеллектуальной собственности (ВОИС) / Международная конвенция об охране прав исполнителей, изготовителей фонограмм и вещательных организаций: принята 26 октября 1961 года, Рим. — URL: <https://wipolex.wipo.int/ru/text/531118>
5. Всемирная организация интеллектуальной собственности (ВОИС) / Конвенция по охране интересов производителей фонограмм от незаконного воспроизводства их фонограмм: принята 29 октября 1971 года. — URL: <https://wipolex.wipo.int/ru/treaties/textdetails/12639>
6. Брюссельская конвенция о распространении несущих программы сигналов, передаваемых через спутники // Конвенции и соглашения — Всемирная организация интеллектуальной собственности (ВОИС). — Электрон. текстовые дан., 2021. — URL: <https://wipolex.wipo.int/ru/text/283792>
7. Договор ВОИС по исполнениям и фонограммам // Конвенции и соглашения — Всемирная организация интеллектуальной собственности (ВОИС). — Электрон. текстовые данные, 2021. — URL: <https://wipolex.wipo.int/ru/text/295477>
8. Пекинский договор по аудиовизуальным исполнениям // Конвенции и соглашения — Всемирная организация интеллектуальной собственности (ВОИС). — Электрон. текстовые данные, 2021. — URL: <https://wipolex.wipo.int/ru/text/295838>
9. Всемирная торговая организация / Соглашение о торговых аспектах прав интеллектуальной собственности с поправками, внесенными Протоколом 2005 года, вносящим поправки в Соглашение ТРИПС. — URL: https://www.wto.org/english/docs_e/legal_e/trips_e.htm#part1
10. Блинец И.А., Леонтьев К.Б. Авторское право и смежные права: учебник / под ред. И.А. Блинеца (Российская гос. акад. интеллектуальной собственности). — Изд-е 2-е, перераб. и доп. М.: Проспект, 2015. 452 с. С. 114.
11. Определение Московского городского суда от 13.11.2015 № 2и-481/2015 / Документы системы «Гарант». — Электрон. текстовые и граф. данные. М., 2015. — URL: <http://https://base.garant.ru/144877250/>
12. Определение Московского городского суда от 13.11.2015 № 2и-0467/2015 // Документы системы «Гарант». — Электрон. текстовые и граф. данные. М., 2015. — URL: <http://https://base.garant.ru/144877250/>
13. Руководство к договорам ВОИС в области авторского права и смежных прав: принято в ноябре 2003 года. Женева / Всемирная организация интеллектуальной собственности. — URL: https://www.wipo.int/edocs/pubdocs/ru/copyright/891/wipo_pub_891.pdf
14. Гришаев С.П. Смежные права // Хозяйство и право. 2007. № 11 (370). — URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=9576877>
15. Гражданское право: учебник: в 3 т. Т. 3. — 4-е изд., перераб. и доп. / под ред. А.П. Сергеева, Ю.К. Толстого. М.: ТК Велби; Проспект, 2005. 784 с. С. 201–209.
16. Гаврилов Э.П. Комментарий к Закону об авторском праве и смежных правах (постатейный). — 4-е изд., перераб. и доп. М.: Экзамен, 2005. 384 с.
17. Защита интеллектуальной собственности: учеб. пособие / О.В. Черкасова (Мин-во образования и науки РФ, Урал. фед. ун-т). Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2017. 102 с. С. 46–48.
18. Матвеев А.Г. Интеллектуальные права, смежные с авторскими: учебное пособие. Уфа: Аэтерна, 2019. 126 с. С. 87.
19. Матвеев А.Г. Идея смежных прав и их разновидности // Журнал суда по интеллектуальным правам. 2019. № 24. С. 54–60.

REFERENCES

1. Vseobshchaya deklaraciya prav cheloveka: prinyata rezolyuciej 217 A (III) General'noj Assamblei OON ot 10 dekabrya 1948 goda // Deklaracii/ — URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml
2. Rossijskaya Federaciya. Zakony. Novyj tekst Konstitucii RF s popravkami 2020 (prinyata vsenarodnym golosovaniem 12.12.1993 s izmeneniyami, odobrennymi v hode obshcherossijskogo golosovaniya 01.07.2020) //

- Oficial'nyj internet-portal pravovoj informacii. — URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202007040001>
3. Rossijskaya Federaciya. Zakony. Grazhdanskij Kodeks Rossijskoj Federacii: prinyat ot 30.11.1994 goda. № 51-F3 (red. ot 28.06.2021 s izm. ot 08.07.2021) // "Konsul'tantPlyus" // Elektron. tekstovye i graf. dan. Moskva, 2021. — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/aa87cfbfbdb5358d-ce8542e6c9b4b0593639d20e9/
4. Vsemirnaya Organizaciya intellektual'noj sobstvennosti (VOIS) // Mezhdunarodnaya Konvenciya ob ohrane prav ispolnitelej, izgotovitelej fonogramm i veshchatel'nyh organizacij: prinyata 26 oktyabrya 1961 goda. Rim. — URL: <https://wipolex.wipo.int/ru/text/531118>
5. Vsemirnaya Organizaciya intellektual'noj sobstvennosti (VOIS) // Konvenciya po ohrane interesov proizvoditelej fonogramm ot nezakonnogo vosproizvodstva ih fonogramm (prinyata 29 oktyabrya 1971 goda). — URL: <https://wipolex.wipo.int/ru/treaties/textdetails/12639>
6. Bryussel'skaya konvenciya o rasprostranenii nesushchih programmy signalov, peredavaemyh cherez sputniki // Konvencii i soglasheniya — Vsemirnaya organizaciya intellektual'noj sobstvennosti (VOIS). — Elektron. tekstovye dan., 2021. — URL: <https://wipolex.wipo.int/ru/text/283792>
7. Dogovor VOIS po ispolneniyam i fonogrammam // Konvencii i soglasheniya — Vsemirnaya organizaciya intellektual'noj sobstvennosti (VOIS). — Elektron. tekstovye dan., 2021. — URL: <https://wipolex.wipo.int/ru/text/295477>
8. Pekinskij dogovor po audiovizual'nym ispolneniyam // Konvencii i soglasheniya — Vsemirnaya organizaciya intellektual'noj sobstvennosti (VOIS). — Elektron. tekstovye dan., 2021. — URL: <https://wipolex.wipo.int/ru/text/295838>
9. Vsemirnaya trgovaya organizaciya / Soglashenie o trgovyh aspektah prav intellektual'noj sobstvennosti s popravkami, vnesennymi Protokolom 2005 goda, vnosyashchim popravki v Soglashenie TRIPS. — URL: https://www.wto.org/english/docs_e/legal_e/trips_e.htm#part1
10. Bliznec I.A., Leont'ev K.B. Avtorskoe pravo i smezhnye prava: uchebnyk / pod red. I.A. Blizneca; Rossijskaya gos. akad. intellektual'noj sobstvennosti. — Izd-e 2-e, pererab. i dop. M.: Prospekt, 2015. 45 s. S. 114.
11. Opredelenie Moskovskogo gorodskogo suda ot 13.11.2015 No. 2i-481/2015 // Dokumenty sistemy "Garant". — Elektron. tekstovye i graf. dan. M., 2015. — URL: <http://https://base.garant.ru/144877250/>
12. Opredelenie Moskovskogo gorodskogo suda ot 13.11.2015 No. 2i-0467/2015 // Dokumenty sistemy Garant. — Elektron. tekstovye i graf. dan. M., 2015. — URL: <http://https://base.garant.ru/144877250/>
13. Rukovodstvo k Dogovorom VOIS v oblasti avtorskogo prava i smezhnyh prav (prinyat noyabr', 2003 goda). Zheneva // Vsemirnaya organizaciya intellektual'noj sobstvennosti. — URL: https://www.wipo.int/edocs/pubdocs/ru/copyright/891/wipo_pub_891.pdf
14. Grishaev S.P. Smeshnye prava // Hozyajstvo i parvo. 2007. No. 11 (370). — URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=9576877>
15. Grazhdanskoe pravo: ucheb.: v 3 t. T. 3. — 4-e izd., pererab. i dop. / pod red. A.P. Sergeeva, Yu.K. Tolstogo. M.: TK Velbi, Prospekt, 2005. 784 s. S. 201–209.
16. Gavrilov E.P. Kommentarij k Zakonu ob avtorskom prave i smezhnyh pravah (postatejnyj). 4-e izd., pererab. i dop. M.: Ekzamen, 2005. 384 s.
17. Zashchita intellektual'noj sobstvennosti: ucheb. posobie (Min-vo obrazovaniya i nauki Ros. Federacii, Ural. feder. un-t). Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta, 2017. 102 s. S. 46–48.
18. Matveev A.G. Intellektual'nye prava, smezhnye s avtorskimi: uchebnoe posobie. Ufa: Aeterna, 2019. 126 s. S. 87.
19. Matveev A.G. Ideya smezhnyh prav i ih raznovidnosti // Zhurnal suda po intellektual'nym pravam. 2019. No. 24. S. 54–60.

ВИРТУАЛЬНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ В КОМПЬЮТЕРНЫХ ИГРАХ: ПРОБЛЕМЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ В РОССИЙСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

VIRTUAL PROPERTY IN COMPUTER GAMES: PROBLEMS OF REGULATION IN RUSSIAN LAW

Мария Маратовна КАТКОВА

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Российская Федерация,
mkatkova@hse.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-0374-0050>

Полина Алексеевна СУРЬЯНИНОВА

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Российская Федерация,
pasuryaninova@edu.hse.ru,
<https://orcid.org/0000-0003-0819-1123>

Информация об авторах

М.М. Каткова — студентка факультета права Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ), помощник директора Международного научно-образовательного центра «Кафедра ЮНЕСКО по авторскому праву, смежным, культурным и информационным правам»

П.А. Сурьянинова — студентка факультета права Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ), стажер-исследователь Кафедры ЮНЕСКО по авторскому праву, смежным, культурным и информационным правам

Аннотация. Анализируется место объектов виртуальной собственности в правовой системе Российской Федерации: исследуются проблемы применения в их отношении абсолютно-правовых и относительно-правовых подходов. Описаны современные подходы отечественных судов при рассмотрении дел, касающихся виртуальной собственности. Рассматривается судебная практика США и стран ЕС, обозначающая критерии, в соответствии с которыми имущество может быть квалифицировано как виртуальное. Разбирается вопрос возможно-

- сти привлечения к ответственности за хищения внутри
- игры. Обозначена проблема разграничения объектив-
- ной и виртуальной реальности в вопросе привлечения
- нарушителя к ответственности. При этом поднят вопрос
- о возможности привлечения пользователя к «иной»
- ответственности посредством заключения пользова-
- тельского соглашения. Отмечена важность социальных
- санкций для киберпространств, приведены реальные
- случаи их применения.

- Использование результатов зарубежной правоохрани-
- тельной практики, а также попытки отечественных
- судебных инстанций квалифицировать объекты вирту-
- альной собственности с правовой точки зрения в насто-
- ящее время имеют ряд достаточно схожих черт, в связи
- с чем в работе отмечается, что российский законода-
- тель, вероятно, может использовать в качестве основы
- законопроектных разработок практику стран Азии
- и Западной Европы для имплементации в национальное
- право. Тем не менее в настоящее время отечественный
- законодатель не видит полноценной возможности для
- урегулирования правоотношений в области виртуаль-
- ной собственности, а также для установления ответ-
- ственности за хищения в киберпространстве.

- **Ключевые слова:** виртуальная собственность; проблемы
- регулирования; компьютерные преступления; компью-
- терные игры; ответственность в виртуальном мире

- **Для цитирования:** Каткова М.М., Сурьянинова П.А. Вир-
- туальная собственность в компьютерных играх: пробле-
- мы регулирования в российском законодательстве //
- Труды по интеллектуальной собственности (Works on
- Intellectual Property). 2022. Т. 43, № 4. С. 00–00; [http://: dx.doi.org/.....](http://dx.doi.org/.....)

Marija M. KATKOVA

National Research University «Higher School of Economics», Moscow, Russian Federation,
mkatkova@hse.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-0374-0050>

Polina A. SURYANINOVA

National Research University «Higher School of Economics», Moscow, Russian Federation,
pasuryaninova@edu.hse.ru,
<https://orcid.org/0000-0003-0819-1123>

Information about the authors

M.M. Katkova — student at the Faculty of Law, National Research University Higher School of Economics (HSE), assistante for Director of the International Scientific and Edicational Center “UNESCO Chair on Copyright, Neighboring, Cultural and Information Rights”
P.A. Suryaninova — student at the Faculty of Law, National Research University Higher School of Economics (HSE), intern at the UNESCO Chair on Copyright, Neighboring, Cultural and Information Rights

Abstract. The article analyzes the place of virtual property objects in the legal system of the Russian Federation: the problems of application in respect of them absolutely and relatively legal approaches are given. The current approaches of domestic courts in considering cases involving virtual property are described. The judicial practice of the USA and EU countries, which indicates the criteria according to which the property can be qualified as virtual property, is considered. The discussion of responsibility for cyber theft through the prism of criminal and civil law is given, with particular attention focused on the principle of “Non bis in idem”. The problem of distinction between objective and virtual reality in bringing the offender to justice is outlined. The question of the possibility of bringing the user to “other” responsibility through the conclusion of a user agreement is raised. Notes the importance of social sanctions for cyberspace, as well as real cases of their application.

Using the results of foreign law enforcement practice, as well as attempts of domestic courts to qualify virtual property objects from the legal point of view currently have a number of similarities, in this regard, the paper notes that the Russian legislator is likely to use the developments of Asian and Western European countries as a basis for implementation in national substantive law. Nevertheless, current Russian legislation does not find a full-fledged possibility both to regulate legal relations in the field of virtual property and to establish liability for cybercrime offences.

- **Keywords:** virtual property; regulatory issues; computer crimes; computer games; liability in the virtual world
- **For citation:** Katkova M.M., Suryaninova P.A. Virtual Property in Computer Games: Problems of Regulation in Russian Law // Trudi po Intellectualnoy Sobstvennosti (Works on Intellectual Property). 2022. Vol. 43 (4). P. 00–00; <https://doi.org/>

Бурное развитие интернет-технологий приводит к усложнению объектов гражданского оборота и как следствие привлекает все большее внимание к вопросу правового регулирования объектов виртуальной собственности в компьютерных играх и виртуальных мирах. В 2021 году компания Juniper Research провела исследование, которое показало, что объем мирового рынка лутбоксов (от англ. *loot* — «добыча в игре») на тот момент составил 15 млрд долларов, а к 2025 году достигнет 20 млрд, возрастая на 5% ежегодно [1]. При этом в исследовании отмечено, что на долю Российской Федерации приходится 1,5% указанной суммы. Таким образом, современные реалии подталкивают общество к тому, что определенная часть активов может находиться в форме виртуального имущества, а специалисты Forbes все чаще говорят о появлении «миллионеров из коробок» [2], зарабатывающих на перепродаже игровых предметов.

Тем не менее в Российской Федерации ввиду отсутствия регулирования обращения виртуального имущества негативные последствия в первую коснутся потребителя, тратящего *реальные* деньги на покупку *виртуального* имущества в интернете. Подобный правовой пробел обуславливает возникновение злоупотреблений у правообладателей виртуальных миров, а также не позволяет привлечь к юридической ответственности лиц, недобросовестно получающих виртуальное имущество, принадлежащее другим пользователям.

Наиболее показательным примером такого «белого пятна» в законодательном регулировании может служить достаточно распространенная ситуация «кражи» игровых предметов из аккаунтов пользователей в Counter-Strike: Global Offensive (далее — CS:GO). Так, в 2021 году московский игрок обратился в правоохранительные органы с заявлением об интернет-мошенничестве: он приобрел у другого пользователя CS:GO редкий скин (от англ. *skin* — «внешний облик предмета») на внутриигровой предмет, стоимостью 80 тыс. рублей [3]. После получения денежной суммы продавец пропал, не отправив товар «покупателю». Однако уголовное дело так и не было возбуждено, поскольку, по мнению следствия, Уголовный кодекс Российской Федерации не предусматривает ответственности за подобные деяния.

В то же время, например, в Чехии подобное правонарушение является уголовно наказуемым. Так, за кражу внутриигрового предмета в обозначенной выше CS:GO недобросовестный продавец был приговорен к восьми годам тюремного заключения [4]. Заметим, что подобная ситуация весьма несправедлива и не позволяет должным образом защитить права обладателя виртуального имущества. Таким образом, нам представляется необходимым определение в российском законодательстве юридической природы виртуальных объектов, а также установление правовой ответственности за правонарушения, связанные с их обращением, поскольку рынок виртуального имущества динамичен и постоянно увеличивается, привлекая все больше пользователей.

В американской юридической литературе отправной точкой, положившей начало дискуссиям о необходимости правовой регламентации отношений, связанных с виртуальной собственностью, принято считать разбирательство в одном из судов Шанхая. В 2005 году Цюй Ченгвей (Qui Chengwei) и его приятель получили в качестве награды за выполнение задания в массовой многопользовательской ролевой онлайн-игре (далее — ММОРПГ) «Легенда о Мире 2» виртуальное оружие «Сабля Дракона», которое можно было использовать исключительно для снаряжения персонажа во внутриигровом мире [5]. Впоследствии виртуальная награда была одолжена знакомому игроков Чжу Цаюаню (Zhu Caoyuan), который без получения соответствующего разрешения продал виртуальное оружие на аукционе за сумму, эквивалентную 870 долларам США. Цюй Ченгвей обратился в правоохранительные органы Китая для привлечения Цаюаня к ответственности, однако ему не предоставили никаких средств правовой защиты, поскольку на тот момент китайский правопорядок не признавал право собственности на виртуальные объекты. Ченгвей наказал обидчика самостоятельно, убив его ножом. Парадоксальность ситуации вызвала широкий общественный резонанс в форме дискуссий о необходимости регулирования виртуального имущества.

Закономерно после обозначенного инцидента первыми государствами, закрепившими регулирование виртуального имущества, стали страны Азии,

где, к слову, и без того уже активно развивалось законодательство, регламентирующее деятельность киберспортивной индустрии. Так, законодательство Республики Корея признает право собственности пользователей на объекты виртуальных миров, однако запрещает их коммерческую эксплуатацию [6], что позволяет сбалансировать интересы разработчиков и пользователей. Подобная регламентация объектов виртуальной собственности закреплена в тайваньском законодательстве, где со ссылкой на схожую с реальными объектами природу виртуальное имущество защищается как реальная вещная собственность [7].

Как уже отмечалось, в Российской Федерации правовая природа виртуального имущества не определена: в первую очередь это связывается с идеями немецких пандектистов, которыми руководствуется и современный законодатель. Согласно положениям немецкой доктрины, право собственности может возникнуть исключительно на вещь — материальный объект, который не может существовать в виртуальной реальности. В связи с этим в отечественной доктрине существуют два основных подхода к возможному регулированию прав на виртуальное имущество: абсолютно-правовой и относительно-правовой.

Под абсолютно-правовым подходом понимается идея реализации своих правомочий без необходимости обращения к третьим лицам, а под относительно-правовым — невозможность реализации правового интереса лица исключительно собственными действиями при невмешательстве прочих лиц [8].

Абсолютно-правовой подход подразумевает признание права собственности на объекты виртуальной реальности: как отмечает Г. Ластовка, в таком случае для обозначения их сходства с вещами используется термин «virtual thing» [8]. Подобное правовое регулирование присуще странам англосаксонской правовой семьи и в то же время неприменимо в рамках российского гражданского права, поскольку признание права собственности на нематериальный объект невозможно, что обусловлено, в частности, существующей пандектной системой. Более того, признание права собственности пользователя на виртуальное имущество будет в значительной степени обременять правообладателя виртуального мира, где это имущество находится. Например, последний в таком случае будет обязан постоянно поддерживать функциональность и работоспособность виртуального мира для предоставления доступа пользователю к распоряжению своим виртуальным имуществом.

Необходимость постоянно поддерживать работоспособность виртуального мира может создавать проблемы для его правообладателя. Например, 1 апреля 2021 года окончательно закрылась «Зомби

Ферма» [9] — известная онлайн-игра, где в том числе производились покупки игровых объектов за реальную валюту.

В рамках абсолютно-правового подхода уместно также рассмотреть возможность признания исключительного права пользователя на виртуальное имущество как на нематериальный объект. В данном случае ситуация будет зеркальной — пользователю придется в значительной степени зависеть от ограничений, которые будут создаваться правообладателем виртуального мира [10].

Тем не менее в отечественной науке все большую популярность приобретает квалификация виртуального имущества как «иного имущества» в понимании ст. 128 ГК РФ [11]. В связи с этим заметим, что виртуальное имущество все же в определенной степени отличается от вещей и нематериальных объектов в привычном для права понимании и соответственно требует особого, обусловленного своей спецификой, правового регулирования. Абсолютно-правовой подход не может в достаточной мере обеспечить баланс интересов пользователя и правообладателя виртуального мира. При этом предлагается развить ранее сформированную концепцию «ограниченных исключительных прав», предполагающую наделение пользователя ограниченными исключительными правами на использование необходимого виртуального имущества [12].

Отсутствие в настоящий момент возможности полностью урегулировать правоотношения, связанные с виртуальной собственностью, через призму абсолютно-правового подхода, в свою очередь, позволяет говорить о способах установления правовых конструкций посредством договорного права. Таким образом, относительно-правовой подход в данном случае основывается на потенциальном регулировании обращения виртуального имущества посредством заключения лицензионных, пользовательских и иных соглашений, регламентирующих правила и внутренний оборот внутри виртуальных игровых миров. Предполагается, что создание подобных «внутренних законов» поможет избавиться от внедрения новых правовых конструкций в отечественное гражданское законодательство и при этом сможет поддерживать баланс интересов правообладателя и пользователя [13].

Тем не менее использование лицензионного соглашения также представляется затруднительным: оборот в виртуальных мирах усложняется тем, что непонятно, на что пользователь приобретает право: на самостоятельное произведение внутри самого мира или же на часть самой игры [14]. По нашему мнению, виртуальное имущество необходимо рассматривать

в качестве самостоятельного результата интеллектуальной деятельности, поскольку оно в большинстве своем обладает достаточными индивидуализирующими его характеристиками. Однако не любое виртуальное имущество является результатом интеллектуальной деятельности, к последнему относятся, в частности, кастомные вариации существующих виртуальных объектов, то есть измененные под влиянием творческих способностей пользователей существующие в мирах модели. Наиболее распространенным является то имущество, которое было создано правообладателем виртуального мира, но ценность его определяется вероятностью возможного его появления у пользователя, размером временного промежутка, необходимого для его получения, или количеством вложенных реальных денежных средств, потраченных на открытие лутбоксов.

Возвращаясь к проблеме внедрения лицензионных правоотношений, отметим, что подобная правовая конструкция дает слишком широкие полномочия правообладателю, который может ограничивать предоставление имущества пользователю или даже менять его первоначальные свойства [15].

Судебные инстанции исходят из квалификации правоотношений, связанных с виртуальным имуществом, через призму договора оказания услуг [16]. Надлежащим с практической точки зрения данный подход считается, в частности, из-за возможности применения положений Закона РФ от 7 февраля 1992 года «О защите прав потребителей» и признания договоров публичными, что гарантирует дополнительную защиту потребителю [17]. Однако данный подход также является весьма односторонним, поскольку не принимает во внимание интеллектуальную составляющую правоотношений, которая, например, в случае с кастомной моделью виртуального имущества может играть значительную роль при правовой квалификации.

Таким образом, максимально сбалансированного подхода в рамках отечественного законодательства на данный момент не существует. В связи с этим нам представляется необходимым обратиться к зарубежному опыту и выявить критерии, которые позволяют судам квалифицировать имущество как виртуальное.

Одним из наиболее значимых precedентов, обусловивших в США признание факта существования на территории государства виртуального имущества, стало дело *Kremen v. Cohen VP BVI LLC*. Еще в 2003 году Апелляционный суд девятого округа США выделил три критерия, соответствие которым позволяет квалифицировать имущество как виртуальное и как следствие признать за его обладателем право собственности [18]:

- 1) наличие законного интереса на объект, поддающееся точному установлению;
- 2) объект должен быть доступен для исключительного владения или контроля;
- 3) владелец должен обосновать законные притязания на исключительность его прав.

Таким образом, виртуальные объекты проходят трехкомпонентный тест, после которого могут считаться объектами вещной собственности. В результате признания их таковыми пользователь получает право на исключительность, поскольку он единственный способен обладать объектом или управлять им без необходимости получения разрешения.

Говоря о европейской практике, стоит отметить дело *Runescape*: двое подростков угрозами заставили другого подростка перенести драгоценный амулет и маску в ММОПГ *Runescape* с аккаунта потерпевшего на их собственный. В своем решении Верховный суд Нидерландов столкнулся с вопросом о том, можно ли украсть что-то, существующее только в виртуальной форме, и можно ли вообще владеть чем-то, не существующим никаким образом в объективной реальности [HR 31 januari 2012, LJN BQ9251 (*Runescape*)].

Суд постановил, что, поскольку амулет и маска имели значительную ценность для сторон, участвовавших в похищении, их можно рассматривать как ценность, принадлежащую потерпевшему и подвергшуюся посягательству. Кроме того, подозреваемые нарушили исключительную возможность потерпевшего решать, что делать с этими предметами, когда они применили насилие, чтобы заставить его передать предметы, то есть нарушили исключительное право владельца. Тот факт, что предметы были виртуальными, не имеет значения, поскольку Верховный суд и ранее заявлял, что нематериальные объекты могут считаться товарами, если они представляют реальную ценность, и когда одно лицо получает контроль над предметом, другое лицо теряет исключительное право на него [HR 23 mei 1921, NJ 1921, 564 (*Electriciteitsarrest*)].

Таким образом, учитывая, что оба эти критерия в отношении амулета и маски присутствовали, суд не увидел причин для проведения различий между виртуальными и физическими объектами, когда речь идет о посягательстве на чужое имущество.

Тем не менее на основании результатов трехкомпонентного теста, описанного американским судом, а также сходного теста, примененного нидерландским судом, можно прийти к выводу, что суды, по крайней мере, не видят причин, чтобы в современном обществе проводить различие между виртуальными объектами и физическими объектами реального мира, когда речь идет о признании статуса собственности, особенно когда дело касается правонарушения. Схожий

подход судебных инстанций в описанных выше прецедентах позволяет говорить о потенциальной возможности рецепции отечественными судами подобного подхода, поскольку он является достаточно комплексным и прошедшим неоднократное правоприменение во множестве государств, принадлежащих к разным правовым семьям.

Говоря о судах и судебной практике, необходимо упомянуть об ответственности в игровой индустрии: прежде всего следует хотя бы попытаться предположить, о какого рода ответственности может идти речь и нормами какой отрасли она должна регулироваться. Рассуждая о хищениях в играх, следует учесть, что практика европейских и американских судов в подобных случаях идет по пути уголовной ответственности. Если объект игровой собственности куплен игроком за реальную валюту, как, например, скины в CS:GO [19], а не за игровую (баллы и т.п.) и этот объект тем или иным способом похищен, то можно попробовать воспринять такой объект как любое другое движимое имущество, а его похищение — как хищение такого имущества.

С другой стороны, обращаясь к уголовному праву, нужно иметь в виду, в каких случаях государство избирает уголовную ответственность, а не какую-либо иную. Ключевой фактор — общественная опасность самого деяния, а также его общественно опасные последствия.

Преступления в интернете, в специфической виртуальной реальности, для уголовно-правовой отрасли новы, и в Уголовном кодексе РФ существует даже специальная глава, посвященная киберпреступлениям. В эту главу постоянно вносятся поправки, связанные с преступлениями, совершаемыми с помощью информационных технологий. Однако, если речь заходит об игровой индустрии и игровом пространстве, то ситуация несколько меняется.

Мы неслучайно используем здесь понятие «игровое пространство». Разграничение игр, происходящих в обыкновенной реальности и в реальности виртуальной, особенно актуально в контексте установления ответственности за возможные противоправные деяния в киберпространстве, которое может быть определено как некое виртуальное пространство, где происходят в том числе игровые действия.

К этой проблеме обращался в своих работах В.В. Архипов, ссылаясь на «критерий Б.Т. Дюранске», согласно которому презюмируется разумное осознание (или его должностное) игроком того факта, что игровые действия могут иметь последствия в реальном мире.

В.В. Архипов отметил также, что обыкновенно игровая реальность подчиняется реальному право-

судию при наличии критерия азарта, то есть при условии, что игра, из-за которой произошел спор, была азартной. Более того, он указал, что и судебная практика по ст. 1062 ГК РФ, связанная с играми и пари, сводится к тому, что суд под игрой понимает именно игру азартную, хотя это и является ограничительным толкованием [20].

Таким образом, игровое пространство, если только это не азартная игра, формально не регулируется законодательством Российской Федерации, и то, что происходит там, с правовой точки зрения, там и остается. Тогда, конечно, сложно судить об общественной опасности — формально такая категория возникает только для упомянутого выше игрового пространства, где задействованы даже не сами игроки, а их виртуальные образы и большинство деяний влияет только на процессы внутри игры, но практически никак — на «внеигровые». Таким образом, практика европейских судов в России неприменима, хотя имущественные интересы пострадавшего пользователя все равно могут быть затронуты.

Оставим пока тему правовых отношений в реальности и обратимся к игровой. Каждая игра имеет пользовательское соглашение, где перечислены ее правила, в том числе возможные запреты определенных действий, то есть противоправных с игровой точки зрения. Существуют игры, где воровство объектов приемлемо, но в большинстве из них — это против правил. Смоделируем ситуацию, где произошло хищение объекта, купленного за реальную или виртуальную валюту. В случае жалобы пострадавшего пользователя нарушитель правил будет обнаружен и, вероятно, отстранен от игры на определенный срок или бессрочно с возможным возмещением игровых убытков — допустим, именно такие условия предлагают создатели игры. Итак, меры приняты, игрок наказан. Если объект был возвращен — хорошо, тогда ущерб пострадавшего игрока останется только моральным.

Но что делать, если объект представлял собой ресурс, который был потрачен и не может быть возвращен? Конечно, логично предположить, что его могут возместить создатели игры как ее правообладатели, но такие действия нередко негативно отражаются на внутриигровой экономике, и, чем больше таких случаев, тем выше вероятность дальнейшей уязвимости игровых процессов. В случае же, если ресурс никак нельзя восполнить, игрок терпит и материальный ущерб.

Если покупка была напрямую совершена за реальную валюту, то ситуация проще, виртуальное имущество, пусть и «иное», будет имуществом, приобретенным за другое, реальное имущество, и такая

привязка к реальным же отношениям будет более очевидной и понятной суду. Если же покупка была совершена с помощью игровой валюты, фактически сконвертированной из реальной (при покупке игровой валюты возможно так или иначе получить стоимость одной такой единицы в реальной валюте, поэтому уместно провести аналогию с конвертацией и курсом), то формально внутриигровые отношения таковыми и остаются.

Здесь следует перейти к ключевому вопросу — потенциальной двойной ответственности. Конечно, возможно наступление двойной ответственности за противоправное деяние, тем более что основания для этого есть: с одной стороны, игрок нарушает правила игры, с другой — совершает уголовное преступление, посягая на чужую собственность. Несмотря на то, что моделируемая ситуация все еще находится в плоскости «иног» имущества, само по себе право собственности так или иначе остается конституционным правом гражданина вне зависимости от того, где такая собственность находится, и, безусловно, такое право должно обязательно защищаться законом. Однако в любом ли случае необходима двойная ответственность или следует действовать в зависимости от конкретной ситуации?

Первая ситуация — это ситуация, когда происходит возмещение убытков со стороны разработчиков или из ресурсов либо средств преступившего порядок игрока — вполне достаточное для внутриигровых отношений. Кроме того, игрок-нарушитель, скорее всего, получит запрет на дальнейшее пользование игровым продуктом. С точки зрения игрового процесса запрет на игру — серьезное наказание, вполне достаточное для внутриигровых отношений. Стоит ли повторно наказывать, если пострадавшая сторона удовлетворена? Именно так УК РФ подходит к возбуждению дел частного обвинения. Во всех остальных случаях уголовное дело возбуждается в силу закона и вне зависимости от удовлетворенности пострадавшего. Иными словами, речь в данном случае идет о соразмерности общественной опасности противоправного деяния и возможной ответственности за него.

Кроме того, следует учитывать и то, каким образом было приобретено похищенное имущество: напрямую за реальные денежные средства или с конвертацией в игровые. Необходимо ли при полной внутриигровой компенсации вообще прибегать к каким-то иным мерам или обращаться к ним только при отсутствии таковой? Учитывать ли размеры убытков и исходя из этого даже при наличии компенсации устанавливать какую-то дополнительную ответственность, кроме внутриигровой.

Помимо всего прочего необходимо, конечно, помнить, как мы уже писали, что для российского зако-

нодательства понятия «виртуальное имущество» не существует в том смысле, что оно не признается имуществом. Конечно, суд мог бы учесть то обстоятельство, что украденный предмет был куплен за реальные деньги, то есть имущество реальное, и мы исходили из этой позиции при моделировании возможных ситуаций. Однако фактически об ответственности и речи идти не может — виртуальное имущество в Российской Федерации вещной собственностью не признается, понимание объектов в игре как части произведения довольно сложно технически при дальнейшей законодательной работе, поэтому пока оптимальное понимание происходящего в виртуальном мире — это так называемое иное имущество. Поэтому будем задавать дальнейшие вопросы, исходя из этой позиции и из того, что суд учитывает то обстоятельство, что в игре задействованы вложения, первоначально сделанные из реального имущества. Это позволит хоть как-то соблюсти баланс интересов и пользователей, и разработчиков.

Однако нельзя не учитывать ситуацию, когда пострадавшая сторона не удовлетворена мерами внутриигровой ответственности. Здесь явно необходим некий законный механизм, который обеспечил бы эффективную защиту интересов пострадавшего игрока. При этом необходимо учитывать баланс интересов всех сторон и тот факт, что все процессы протекают только в рамках игры и ее виртуального пространства. Вкладывая средства, игрок понимает, что полученное им взамен виртуальное имущество будет находиться только в таком пространстве и приносить ему скорее моральное удовлетворение, чем какое-либо еще. Более того, вклад средств обычно осуществляется не в целях дальнейшего извлечения прибыли, а чтобы интересно проводить время в игре. Вот почему представляется, что адекватной мерой наказания за похищение виртуального имущества, приобретенного за реальные денежные средства, должен быть именно штраф. В данном случае особенно важно, каким образом приобреталось виртуальное имущество, какая были использованы денежные средства — реальные или виртуальные, игровые.

Это, конечно, лишь теоретические рассуждения, и, прежде чем разобрать конкретный практический пример, попробуем сделать некоторые промежуточные выводы.

Первый вопрос: учитывать или не учитывать возможные компенсации и внутриигровые санкции при принятии решения о необходимости установления ответственности на законодательном уровне?

Из этого вытекает второй вопрос: в каком случае достаточно только внутриигровых мер для наказания игрока-нарушителя и при каких обстоятельствах

к нему необходимо применять меры публично-правовой ответственности?

К обоим этим вопросам уместно добавить и вопрос о природе денежных средств, за которые приобреталось виртуальное имущество.

Наконец, третий вопрос: каково место компьютерных игр без элемента азарта в законодательстве в целом? Конечно, такой вопрос напрямую не относится к теме ответственности, но именно он позволяет определить, как именно квалифицировать деяния, квалифицировать ли их вообще и какие обстоятельства учитывать при решении.

Ранее мы несколько раз упоминали, что если воспринимать объекты внутри игры как самостоятельные объекты интеллектуальной собственности или часть такого произведения, как игра, то возникает ряд юридических проблем. Безусловно, мы учитываем подход к игровому имуществу как к «иному имуществу», однако он в любом случае требует дальнейшей законодательной разработки. Это в том числе актуально в связи с признанием на территории Российской Федерации компьютерного спорта официальным видом спорта в 2016 году [21].

Перейдем к практическим кейсам — примерам описанных выше гипотетических ситуаций. В первом кейсе речь идет об уже упоминавшейся игре CS:GO. В рамках игры, как известно, существует возможность покупки скинов, причем за реальные денежные средства. Среди игрового сообщества на Западе популярен сайт Opskins, где можно на добровольной основе обменяться скинами. Игроки отмечают, что в России этот сайт особой популярностью не пользуется, тем не менее иногда к нему обращаются.

На упомянутом сайте нередко появляются злоумышленники, которые предлагают игрокам обмены, но для демонстрации предлагаемого на обмен инвентаря присылают ссылки на чужие хранилища. Игрок по просьбе оферента выставляет непомерно высокую цену на свой предмет, чтобы его никто не купил, и таким образом дает согласие на его отчуждение, после чего ему приходит ссылка для обмена, однако она предлагается не сайтом, а ботом от имени сайта. При совершении виртуального обмена игрок теряет виртуальную вещь, а взамен не получает ничего. Разумеется, такое поведение противоречит правилам платформы.

Также известны случаи, когда обмен все-таки происходит: например, если готовятся предложения по обмену, где среди нескольких десятков дешевых скинов (например, в пределах 50 рублей) оказывается действительно дорогой — несколько тысяч рублей. Игрок соглашается на такой обмен, не проверяя составленное предложение, и таким образом передает ценный предмет, по сути, за бесценок. Сложно ска-

зать, противоречит ли это правилам платформы, ведь обмен был произведен добровольно, а передача является следствием невнимательности, но в игровом сообществе такие действия считаются обманом. Тут уместно указать и на социальные нормы этого сообщества как один из регуляторов.

Другой кейс представит пример социальных санкций. Речь идет об Albion Online. Там игрок, вступив в гильдию, через какое-то время похитил из ее хранилища предметы на 1 млрд игровой валюты и вышел из гильдии, затем продолжив игру [22]. Конечно, игровая валюта — не реальная, а виртуальная, но так или иначе она была приобретена за вполне реальные деньги. Что же касается возможных последствий, то, безусловно, подобные действия протиправны с точки зрения игровых норм и, более того, порицаемы социально: крупные гильдии в дальнейшем отказали этому игроку в приеме в свои ряды, отклонив его заявки.

Такие кейсы указывают на необходимость детальной проработки законодательства в сфере компьютерных игр и виртуальной собственности в связи с тем, что эти области на данный момент популярны и продолжают набирать популярность. Инвестиции в эти сферы становятся все более ощутимыми, тем более что они всегда касались реального имущества. Таким образом, несмотря на тесную связь таких процессов с игровым пространством и активностью там, так или иначе здесь всегда задействованы реальные имущественные отношения, что уже описано действующим законодательством: по сути, игрок, оплачивая объект в игре, производит те же действия, что и при покупке физической вещи в магазине или где-либо еще.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Video Game Loot Boxes to Generate over \$20 Billion in Revenue by 2025, but tightening legislation will slow growth. — Текст: электронный // Juniper Research Ltd: [сайт]. — URL: <https://steamcommunity.com/sharedfiles/filedetails/?l=english&id=1614288404> (дата обращения: 09.08.2022).
2. Миллионеры из коробки: как россияне зарабатывают на перепродаже игровых предметов // forbes.ru: [сайт]. — URL: <https://www.forbes.ru/tekhnologii/447539-millionery-iz-korobki-kak-rossiane-zarabatyvaut-na-pereprodaze-igrovyyh-predmetov> (дата обращения: 09.08.2022).
3. В CS:GO у фаната из Москвы украли нож за 80 тысяч рублей, и он пошел в полицию // Gamebomb.ru: [сайт]. — URL: <https://gamebomb.ru/gbnews/30630> (дата обращения: 09.08.2022).
4. Игрок украл нож в Counter Strike, и ему не позавидуешь. Теперь его ждет «Симулятор тюрьмы» — при-

- мерно на 8 лет // Medialeaks: [сайт]. — URL: <https://medialeaks.ru/3001sav-trnd-knife-steal-game/> (дата обращения: 09.08.2022).
5. Virtual Game, a Double-edged Sword // China Internet Information Center: [сайт]. — URL: <http://www.china.org.cn/english/Life/132905.htm> (дата обращения: 09.08.2022).
 6. Chao, John S. "Recognizing Virtual Property Rights, It's About Time" (2010) // Law School Student Scholarship: [сайт]. — URL: https://scholarship.shu.edu/student_scholarship/45 (дата обращения: 09.08.2022).
 7. Fairfield Joshua A.T. Virtual Property // Boston University Law Review. 2010. Vol. 85:1047. P. 1048–1102.
 8. Lastowka G. Virtual justice The New Laws of Online worlds. New Haven: Yale University Press, 2011. P. 13.
 9. URL: https://vk.com/zombie_farm?w=wall-21396707_1179586 (дата обращения: 09.08.2022).
 10. Palka P. Virtual property: towards a general theory. PhD. Florence: European Univerity Institute, 2017. P. 26.
 11. Савельев А.И. Правовая природа виртуальных объектов, приобретаемых за реальные деньги в многопользовательских играх // Вестник гражданского права. 2014. № 1; СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 09.08.2022).
 12. Архипов В.В. Виртуальная собственность: системные проблемы в контексте развития индустрии компьютерных игр // Закон. 2014. № 9. С. 69–90.
 13. Горохова О.Н. «Игровое имущество» как разновидность «виртуального имущества» // E-commerce и взаимосвязанные области: сб. ст. М.: Статут, 2019 // СПС «КонсультантПлюс».
 14. Архипов В.В. Интернет-право: учебник для бакалавриата и магистратуры. М.: Юрайт, 2016. С. 212.
 15. Перепелкина Я.А. Виртуальное игровое имущество: перспективы правового регулирования // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2020. № 3 (29). С. 45–59.
 16. Решение Арбитражного суда города Москвы от 8 апреля 2015 года № А40-56211/14-90-70 // СПС «КонсультантПлюс».
 17. Четвергов Д.С. Правовой режим виртуального имущества // Право и бизнес. 2021. № 3. С. 7.
 18. Muijen G. Property rights in virtual objects. How a qualified normative approach to virtual property rights can benefit users and developers of MMOGs. — URL: <https://arno.uvt.nl/show.cgi?fid=139050> (дата обращения 09.08.2022).
 19. Как воруют скины и аккаунты // Valve Corporation: [сайт]. — URL: <https://steamcommunity.com/sharedfiles/filedetails/?l=english&id=1614288404> (дата обращения: 09.08.2022)
 20. Архипов В.В. Виртуальная собственность: системные правовые проблемы в контексте развития индустрии компьютерных игр // Закон. 2014. № 9 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 09.08.2022).
 21. Приказ Министерства спорта Российской Федерации от 29.04.2016 № 470 «О признании и включении во Всероссийский реестр видов спорта спортивных дисциплин, видов спорта и внесении изменений во Всероссийский реестр видов спорта, а также в приказ Министерства спорта, туризма и молодежной политики Российской Федерации от 17.06.2010 № 606 "О признании и включении видов спорта, спортивных дисциплин во Всероссийский реестр видов спорта"». — URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201606070022> (дата обращения 09.08.2022).
 22. Коварный игрок Albion Online вступил в ряды гильдии и украл предметов на сумму более 1 млрд // ММО13.RU: [сайт]. — URL: <https://mmo13.ru/news/post-22001> (дата обращения: 09.08.2022).

REFERENCES

1. Video Game Loot Boxes to Generate over \$20 Billion in Revenue by 2025, but tightening legislation will slow growth // Juniper Research Ltd: [website]. — URL: <https://steamcommunity.com/sharedfiles/filedetails/?l=english&id=1614288404> (data obrashcheniya: 09.08.2022).
2. Millionery iz korobki: kak rossiyanе zarabatyvayut na pereprodazhe igrovych predmetov // forbes.ru: [website]. — URL: <https://www.forbes.ru/tekhnologii/447539-millionery-iz-korobki-kak-rossiane-zarabatyvaut-na-pereprodaze-igrovych-predmetov> (data obrashcheniya: 09.08.2022).
3. V CS:GO u fanata iz Moskvy ukrali nozh za 80 tysyach rublej i on poshel v policiyu // forbes.ru: [website]. — URL: <https://www.forbes.ru/tekhnologii/447539-millionery-iz-korobki-kak-rossiane-zarabatyvaut-na-pereprodaze-igrovych-predmetov> (data obrashcheniya: 09.08.2022).
4. Igrok ukral nozh v Counter Strike, i emu ne pozaviduesh'. Teper' ego zhdyot «Simulyator tyur'my» — primerno na 8 let // Medialeaks: [website]. — URL: <https://medialeaks.ru/3001sav-trnd-knife-steal-game/> (data obrashcheniya: 09.08.2022).
5. Virtual Game, a Double-edged Sword // China Internet Information Center: [website]. — URL: <http://www.china.org.cn/english/Life/132905.htm> (data obrashcheniya: 09.08.2022).
6. Chao John S. "Recognizing Virtual Property Rights, It's About Time" (2010) // Law School Student Scholarship: [website]. — URL: https://scholarship.shu.edu/student_scholarship/45 (data obrashcheniya: 09.08.2022).
7. Fairfield Joshua A.T. Virtual Property // Boston University Law Review. 2010. Vol. 85:1047. P. 1048–1102.

8. Lastowka G. Virtual justice The New Laws of Online worlds. New Haven: Yale University Press, 2011. P. 13.
9. URL: https://vk.com/zombie_farm?w=wall-21396707_1179586 (data obrashcheniya: 09.08.2022).
10. Palka P. Virtual property: towards a general theory. PhD. Florence: European Univerity Institute, 2017. P. 26.
11. Savel'ev A.I. Pravovaya priroda virtual'nyh ob"ektov, priobretaemyh za real'nye den'gi v mnogopol'zovatel'skih igrakh // Vestnik grazhdanskogo prava. 2014. No. 1; SPS "Konsul'tantPlyus" (data obrashcheniya 09.08.2022).
12. Arhipov V.V. Virtual'naya sobstvennost': sistemnye problemy v kontekste razvitiya industrii komp'yuternykh igr // Zakon. 2014. No. 9. S. 69–90.
13. Gorohova O.N. "Igrovoe imushchestvo" kak raznovidnost' "virtual'nogo imushchestva" // E-commerce i vzaimosvyazannye oblasti: sb. st. M.: Statut, 2019 // SPS "Konsul'tantPlyus".
14. Arhipov V.V. Internet-pravo: uchebnik dlya bakalavriata i magistratury. M.: Yurajt, 2016. S. 212.
15. Perepelkina Ya.A. Virtual'noe igrovoe imushchestvo: perspektivy pravovogo regulirovaniya // Zhurnal Suda po intellektual'nym pravam. 2020. No. 3 (29). S. 45–59.
16. Reshenie Arbitrazhnogo suda goroda Moskvy ot 8 aprelya 2015 goda No. A40-56211/14-90-70 // SPS "Konsul'tantPlyus".
17. Chetvergov D.S. Pravovoj rezhim virtual'nogo imushchestva // Pravo i biznes. 2021. No. 3. S. 7.
18. Muijen G. Property rights in virtual objects. How a qualified normative approach to virtual property rights can benefit users and developers of MMOGs. — URL: <https://arno.uvt.nl/show.cgi?fid=139050> (data obrashcheniya: 09.08.2022).
19. Kak voruyut skiny i akkaunty // Valve Corporation: [website]. — URL: <https://steamcommunity.com/sharedfiles/filedetails/?l=english&id=1614288404> (data obrashcheniya: 09.08.2022).
20. Arhipov V.V. Virtual'naya sobstvennost': sistemnye pravovye problemy v kontekste razvitiya industrii komp'yuternykh igr // Zakon. 2014. No. 9; SPS "Konsul'tantPlyus".
21. Prikaz Ministerstva sporta Rossijskoj Federacii ot 29.04.2016 No. 470 "O priznanii i vklyuchenii vo Vserossijskij reestr vidov sporta sportivnykh disciplin, vidov sporta i vnesenii izmenenij vo Vserossijskij reestr vidov sporta, a takzhe v prikaz Ministerstva sporta, turizma i molodezhnoj politiki Rossijskoj Federacii ot 17.06.2010 No. 606 "O priznanii i vklyuchenii vidov sporta, sportivnykh disciplin vo Vserossijskij reestr vidov sporta"" — URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201606070022> (data obrashcheniya: 09.08.2022).
22. Kovarnyj igrok Albion Online vstupil v ryady gil'dii i ukral predmetov na summu bolee 1 mlrd // MMO13.RU: [website]. — URL: <https://mmo13.ru/news/post-22001> (data obrashcheniya: 09.08.2022).

Научная статья
УДК: 342.9, 347.78.01
<https://doi.org/.....>

Original article

МАШИННОЕ ТВОРЧЕСТВО И ПРАВО: ДВЕ ЧАСТИ ОДНОГО ЦЕЛОГО MACHINE CREATIVITY AND THE LAW: TWO PARTS OF A WHOLE

Никита Алексеевич НАЗАРОВ

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Российская Федерация,
naznikitaal@gmail.com,
<https://orcid.org/0000-0002-3997-0886>

Информация об авторе

Н.А. Назаров — аспирант направления «Информационное право» Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, магистр программы «Право информационных технологий и интеллектуальной собственности» Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»

Аннотация. Машинное творчество становится одной из самых важных технологий при создании объектов интеллектуальной собственности. Это происходит во многих отраслях творческой деятельности, как с указанием на использование технологий, так и с утаиванием данной информации. В итоге человеческое творчество может быть заменено творчеством ЭВМ.

Можно предположить, что в дальнейшем все творческие специальности могут исчезнуть и стать такой же экзотикой, как ручная работа мастера. Они будут цениться в определенных социальных кругах, но в массовом обороте окажется труд машины, которая будет эффективнее и экономичнее, чем человек.

Тем не менее в регулировании машинного творчества существуют нерешенные правовые вопросы, так как законодатели многих стран подходят с осторожностью к регулированию новых объектов, чтобы не навре-

- дить дальнейшему развитию этой сферы. Аналогичная ситуация была при создании компьютерных программ.
- В статье описан процесс создания творческого объекта при помощи машинного обучения. Выявлены его основные элементы, обнаружилась правовая нерешенность на этапе сбора данных. В связи с этим проанализированы два основных подхода к использованию объектов интеллектуальной собственности. Выявлены недостатки подходов при создании машинного обучения и предложен альтернативный вариант.

- **Ключевые слова:** искусственный интеллект; машинное творчество; данные; информация; информационное право; интеллектуальная собственность; творчество; авторское право; произведения; анализ текста и данных

- **Для цитирования:** Назаров Н.А. Машинное творчество и право: две части одного целого // Труды по интеллектуальной собственности (Works on Intellectual Property). 2022. Т. 43, № 4. С. 00–00; <http://dx.doi.org/.....>

Nikita A. NAZAROV

National Research University “Higher School of Economics”,
naznikitaal@gmail.com,
<https://orcid.org/0000-0002-3997-0886>

Information about the author

N.A. Nazarov — postgraduate student of the direction “Information Law” of the Institute of Law and Comparative

Law for the Government of RF, Master of Law "Information Technologies and Intellectual Property" of the National Research University "Higher School of Economics"

Abstract. Machine creativity becomes one of the most important technologies in the creation of intellectual property objects. This happens in many creative industries, both by pointing out the use of technology and by withholding this information. As a result, human creativity can be replaced by machine creativity.

It can be assumed that in the future all creative specialties can disappear and become as exotic as the handmade master. They will be valued in certain social circles, but in mass circulation will be used machine labor, which will be more efficient and economical than man.

But nonetheless, there are unresolved legal issues in the regulation of machine art. This is due to the fact that legislators in many countries are careful to regulate new facilities so as not to jeopardize the further development of this area. A similar example existed when computer programs were created.

In the article the author describes the process of creation of creative object by means of machine learning. On this basis, its main elements are identified and a legal failure at the data collection stage is detected. In this context, two main approaches to the use of intellectual property are examined. The shortcomings of the approaches when creating machine learning are identified and an alternative is proposed.

Keywords: artificial intelligence; machine creativity; data, information; information law; intellectual property; creativity; copyright, works; analysis of text and data

For citation: Nazarov N.A. Machine Creativity and the Law: Two Parts of a Whole // Trudi po Intellectualnoy Sobstvennosti (Works on Intellectual Property). 2022. Vol. 43 (4). P. 00–00; <https://doi.org/>

ВВЕДЕНИЕ

Машинное творчество — это уже не миф, а реальность, которая проникла во все сферы нашей жизни. Представленная в мае 2020 года группой OpenAI статья, описывающая принципы работы технологии Generative Pre-trained Transformer 3 (далее — GPT-3)¹, а также аналогичная по заявленному функционалу программа от Сбера, выложенная в Open Source, могут создать еще больше предпосылок к неоднозначному регулированию и закреплению интеллектуальных прав². Пример написания статьи с помощью искусственного интеллекта на технологии GPT-3 был продемонстрирован в The Guardian и привлек широкое внимание общественности [1].

Можно предположить, что в дальнейшем все творческие специальности могут исчезнуть и стать такой же экзотикой, как ручная работа мастера. Они будут цениться в определенных социальных кругах, но в массовом обороте распространится труд машины, которая будет эффективнее и экономичнее, чем человек. Помимо написания статей искусственным интеллектом существуют различные технологии, реализуемые в коммерческих целях и обладающие схожим функционалом, например чат-боты³, аналитические обзоры⁴,

¹ Более подробно: Brown T.B., Mann B., Ryder N., Subbiah M. et al. Language models are few-shot learners. arXiv 2020. DOI: 10.48550/arXiv.2005.14165.

² Марков Сергей. Сбер выложил русскоязычную модель GPT-3 Large с 760 миллионами параметров в открытый доступ // Хабр. — URL: <https://habr.com/ru/company/sberbank/blog/524522/> (дата обращения: 25.08.2022).

³ Например, чат-бот, разработанный в рамках телешоу National Geographic Genius, в котором рассказывается о жизни гениев, был представлен бот, который может общаться, отвечая информацией о шоу и шутками о теории относительности и других темах, которые изучал Эйнштейн. Более подробно: Chatbots: The Definitive Guide (2020). — URL: <https://www.artificial-solutions.com/chatbots> (дата обращения: 25.08.2022).

⁴ Технология Dreamwriter, функционирующая в Китае с 2015 года. Ее производительность составляет около 300 тыс. работ в год. Более подробно: He Huifeng. End of the road for journalists? Tencent's Robot reporter 'Dreamwriter' churns out perfect 1,000-word news story — in 60 seconds. — URL: <https://www.scmp.com/tech/china-tech/article/1857196/end-road-journalists-tencents-robot-reporter-dreamwriter-churns-out> (дата обращения: 25.08.2022); Робот-репортер «Dreamwriter», или

картины⁵, местные новости⁶, спортивные новости [2], короткие новостные отчеты [3], романы⁷, стихи⁸ и т.д.

Право в большинстве случаев следует за социальными явлениями, пытаясь урегулировать новообразовавшиеся институты. Но с технологиями обычно происходит иначе. Новая технология как социальное явление остается неурегулированным. Например, если рассматривать компьютерные программы, то сначала не существовало специального регулирования, а все правоотношения строились по общим принципам договорного права между лицами, участвующими в сделке [4]. Лица, не участвующие в договоре, могли использовать программу в своих интересах.

Лишь в 1976 году Конгресс Соединенных Штатов Америки принял новый закон об авторском праве, который включал в себя помимо прочего регулирование компьютерных программ в рамках авторского права [5]. Данное изменение закона об авторском праве было преждевременным и представляло собой несбалансированный вариант дальнейшего регулирования⁹, который сначала отложили по причине опасений со стороны Конгресса США¹⁰, а впоследствии, при повторном рассмотрении, законопроект был принят без дополнительных правок в части регулирования компьютерных программ.

Конец карьеры для журналистов. — URL: <https://eastwest-cm.ru/articles/dreamwriter/> (дата обращения: 25.08.2022).

⁵ Ресурс с галерей картин, созданных искусственным интеллектом, которые можно купить. — URL: <https://www.artaigallery.com/> (дата обращения: 25.08.2022).

⁶ Местные новости, которые уходят в упадок. Компания Press Association разработала для этих целей RADAR // Reporters and Data and Robots работающая на Natural language generation (NLG). Более подробно: Bernard Marr. Press Association: Using Artificial Intelligence and NLG to Automate Local News. — URL: <https://www.bernardmarr.com/default.asp?contentID=1273> (дата обращения: 25.08.2022).

⁷ Студия Botnik создала трехстраничную главу под названием: "Harry Potter and the Portrait of What Looked Like a Large Pile of Ash". — URL: <https://botnik.org/content/harry-potter.html> (дата обращения: 25.08.2022).

⁸ Robitzski Dan. This AI wrote a poem that's good enough to make you think it's human. — URL: <https://www.weforum.org/agenda/2018/04/artificial-intelligence-writes-bad-poems-just-like-an-angsty-teen> (дата обращения: 25.08.2022).

⁹ Более подробно: Samuelson P. Functionality and Expression in Computer Programs: Refining the Tests for Software Copyright Infringement // Berkeley Technology Law Journal. 2017. Vol. 31 (3). P. 121–1300.

¹⁰ Закон не учитывал уникальность и функциональную применимость компьютерных программ. Данный вопрос отдали на рассмотрение National Commission on New Technological Uses of Copyrighted Works (CONTU), которая занималась больше фотокопированием и оцифровкой опубликованных текстов, чем аналитической работой. Более подробно: Samuelson P. CONTU revisited: the case against copyright protection for computer programs in machine-readable form. Duke Lj., 1984. P. 663–769.

Преждевременное принятие закона создало условия для формирования различных способов охраны компьютерных программ [6]. При этом излишнее расширение охраны для компьютерных программ создало пробелы в праве, которые впоследствии суды США уточняли с переменным успехом¹¹.

Возможно, законодательное регулирование компьютерных программ в США было обусловлено стремлением страны стать крупнейшим технологическим гигантом, так как в рамках авторского права охраняется выражение, а не содержание. Еще одной причиной стала «гонка» подходов в регулировании со Всемирной организацией интеллектуальной собственности (далее — ВОИС), которая была создана в 1967 году и начала заниматься регулированием компьютерных программ на международном уровне.

Наиболее эффективным способом охраны со стороны ВОИС был выбран институт *sui generis* (особого режима охраны), который задал жесткие критерии в отношении защиты от копирования. Но представленный проект «Типовых положений об охране программного обеспечения вычислительных машин» не получил поддержки [7]. Мировое сообщество избрало путь, предложенный США. Тем самым был закреплён существующий на данный момент способ охраны, который запутал ситуацию настолько, что «никто этот клубок распутать не может»¹².

Возможно, по этому пути сейчас идет и регулирование машинного творчества. Оно отличается от регулирования компьютерных программ, что обусловлено несколькими причинами: 1) существует потенциальный риск снижения технологического развития машинного творчества; 2) мировое сообщество в рамках отдельных стран ждет коллективного взвешенного решения международных организаций¹³; 3) трудно

¹¹ Например, в деле *Computer Associates Int'l, Inc. v. Altai*, Inc суд заявил: «Конечно, мы будем соблюдать распоряжение конгресса в отношении регулирования компьютерных программ, но при этом мы не должны нарушать общую целостность закона об авторском праве. Хотя основанные на стимулах аргументы в пользу широкой защиты авторских прав, возможно, привлекательны с точки дальнейшей политики. В конечном счете они оказывают разрушительное воздействие на некоторые фундаментальные принципы доктрины авторского права». Более подробно: Samuelson P. A case study on computer programs // Global dimensions of intellectual property rights in science and technology. 1993. С. 284–318.

¹² Более подробно: Laurence Diver. Would the current ambiguities within the legal protection of software be solved by the creation of a *sui generis* property right for computer programs? // Journal of Intellectual Property Law & Practice, February. 2008. № 3(2). P. 125–138. — DOI 10.1093/jiprp/jpm228

¹³ По данному вопросу прошло множество встреч ВОИС, на которых не выработана единая точка зрения. На момент написания статьи назначено третье собрание. — URL: <https://www.>

находить баланс интересов между обществом и компаниями¹⁴; 4) традиционная модель интеллектуальной собственности плохо справляется с технологическими вызовами¹⁵.

Отметим, что настоящее время отличается от периода возникновения компьютерных программ и в экономическом плане. На рынке предложений товаров, работ и услуг в интернете функционируют крупные технологические компании, заинтересованные в правовой монополии на данные объекты, которые впоследствии могут заменить человека и потенциально сократить экономические издержки¹⁶.

Стоит согласиться с мнением А.Ю. Цариковского, А.Ю. Иванова, Е.А. Войниканис: «Цифровизация экономики, как и сходные по социально-экономическому значению технологические трансформации прошлого (индустриализация, электрификация и т.д.), несет с собой комплекс перемен. Кто-то выигрывает от этих перемен, а кто-то проигрывает» [8, с. 12]. Интересно, как на этот процесс трансформации будут реагировать общество и государство.

Государству сложно что-то противопоставить этим технологическим компаниям, так как они захватили большую часть рынка и сформировали у пользователей привыкание к сервисам, которые установлены на каждом устройстве¹⁷. Кроме того, для интернет-компаний нет единого контролирующего органа вследствие экстерриториальности [9].

Вытеснение людей технологиями было продемонстрировано в компании Amazon. Изначально она

функционировала прежде всего как книжный магазин с профессиональными рецензиями от журналистов¹⁸. Но по мере технологического развития компания стала использовать технологии больших данных, которые позволяли учитывать пользовательский интерес при предложении товара, что отражалось на проценте покупок. Руководство компании приняло решение о поэтапном сокращении сотрудников и закупке и поддержке вычислительных мощностей. Экономическая модель ведения бизнеса с внедрением технологий вместо людей стала технологическим прорывом. На данный момент многие успешные крупные компании строят свой бизнес вокруг больших данных¹⁹.

Технология создания творческих объектов стала развиваться как отрасль искусственного интеллекта в 50–60 годах²⁰ и получила название «машинное творчество». Оно активно развивалось в узкоспециализированных лабораториях либо самостоятельно людьми творческих профессий. Но технология машинного творчества была лишь отраслью искусственного интеллекта, и соответственно их дальнейшее развитие было взаимосвязано²¹, что негативно сказалось на этой сфере. В итоге машинное творчество не могло развиваться вплоть до 2010 года по нескольким причинам: 1) нехватка технологических мощностей; 2) недостаточные объемы данных; 3) отсутствие интернета как главного инструмента развития общества на данный момент [10]; 4) нежелание компаний инвестировать в неперспективные проекты.

На тот момент перечисленные выше причины были барьером для дальнейшего регулирования искусственного интеллекта, но на данном этапе технологического развития они перестали быть преградой для дальнейшего преобразования этой сферы. В связи

wipo.int/about-ip/en/artificial_intelligence/ (дата обращения: 25.08.2022).

¹⁴ Крупные компании хотят, чтобы за ними закрепились активы. С другой стороны, общество хочет, чтобы не создавалась конкуренция на рынке творчества.

¹⁵ Данную гипотезу можно продемонстрировать на примере базы данных, которым не была найдена правовая защита в рамках существующих институтов, а предоставлен особый режим охраны (*sui generis*).

¹⁶ Вследствие отсутствия какого-либо регулирования объектов, созданных машинным творчеством, компания Google прописывает в пользовательском соглашении, что все объекты принадлежат им. Например, сервисы ImageNet, SoundNet и Google Arts & Cultur.

¹⁷ Недавно вызванные в сенат крупные IT-компании США (и всего мира) показывают обеспокоенность данной ситуацией. Председатель данного мероприятия отметил, что доля влияния настолько велика, что невозможно представить нашу жизнь без них. Более подробно: *Romm Tony. Amazon, Apple, Facebook and Google grilled on Capitol Hill over their market power.* — URL: <https://www.washingtonpost.com/technology/2020/07/29/apple-google-facebook-amazon-congress-hearing/> (дата обращения: 25.08.2022). Текст: *Investigation of Competition in Digital Markets: Majority Staff Reports and Recommendations* // U.S. House of Representatives, Jerrold Nadler, David N. Cicilline. 2020. P. 449.

¹⁸ Более подробно: *Майер-Шенбергер В., Кукьер К. Большие данные. Революция, которая изменит то, как мы живем, работаем и мыслим* // М.: Манн, Иванов и Фербер. 2014. 240 с.

¹⁹ Например, Netflix, который выдает запросы на главной странице под интересы пользователей, снимает фильмы в тех форматах, с теми актерами, по тем сценариям, которые вызывают интерес у потребителей. Более подробно: *Enrique Dans. Netflix: Big Data and Playing a Long Game is Proving a Winning Strategy.* — URL: <https://www.forbes.com/sites/enriquedans/2020/01/15/netflix-big-data-and-playing-a-long-game-is-proving-a-winningstrategy/?sh=6e0e6c2c766e> (дата обращения: 25.08.2022).

²⁰ В США в середине 1950-х годов программистом Л. Айзексоном и композитором Л. Хиллером в сюите «Иллиак» (*Lejaren Hiller, Leonard Isaacson: "Illiac Suite: Quartet No. 4 for strings"*); в СССР этими же вопросами несколько позже занимался музыкант и математик Р.Х. Зарипов (*Зарипов Р.Х. Машинный поиск вариантов при моделировании творческого процесса.* М.: Наука, главная редакция физико-математической литературы, 1983. 232 с.).

²¹ Более подробно: *Bostrom Nick. Superintelligence* // Audible Studios on Brilliance Audio. P. 352.

с этим машинное творчество снова создает правовые неопределенности в традиционной системе права.

ОСНОВНЫЕ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ В ПРАВЕ, СВЯЗАННЫЕ С МАШИНЫМ ТВОРЧЕСТВОМ

Примером машинного творчества является создание изображений кошек одним нажатием кнопки. В общем виде разработчику для создания картинки необходимо выполнить определенную последовательность действий²².

1. Сбор коллекций данных и сопоставление их. Этот процесс представляет собой составление трех наборов данных (в данном случае картинок). Первый из них — тренировочный набор данных (Training set), с помощью которого тренируется сам алгоритм (картинки кошек с разных ракурсов, выделение особенных черт кошек, разных пород и цветов кошек и т.д.). Два остальных набора данных — это отладочная выборка (Development set) и тестовая выборка (Test set), с помощью которой проверяется и настраивается алгоритм. Это самый сложный технический процесс, который определяет точность результата, выдаваемого приложением.

2. Написание алгоритма, который будет тренироваться и совершенствоваться с помощью данных и многократного вывода результата.

После выполнения этих двух этапов процесс написания программы по созданию изображений кошек для программистов заканчивается. Но впоследствии сам алгоритм и набор данных будут совершенствоваться за счет действий пользователя и (или) разработчика.

Из рассмотренного примера можно сделать следующие выводы. Самое главное в машинном творчестве — данные. Без них машинное творчество не сможет существовать. Чем больше данных, тем более точным будет результат [11]. Для маленького стартапа количество картинок, возможно, составит десятки тысяч в трех выборках. В большинстве своем программисты будут скачивать картинки из интернета.

При этом стоит отметить, что есть открытые данные, которые публикуются для использования, но они предназначены преимущественно для статистических целей²³ (например, данные о местах с наибольшей про-

ходимостью — для открытия магазина в данной местности, для получения сведений о перекрестках с длительными пробками и т.д.). А открытых данных с объектами интеллектуальной собственности в России не существует по причине невозможности отказа от интеллектуальных прав по российскому праву. Возможен вариант, что будут использоваться только объекты общественного достояния, но сама вариативность итогового продукта снижается. Возникает ключевой вопрос: может ли разработчик использовать объекты авторского права из интернета без разрешения правообладателя?

Вопрос данных является краеугольным камнем во всех отраслях права, которые связаны с машинным обучением, поскольку машинное обучение преимущественно представляет собой набор данных и невозможно создать какой-либо проект, не используя их. Правовое регулирование процесса сбора и обработки данных осуществляется неоднородно во многих правовых порядках, на него влияет экстерриториальность создания продукта и правового регулирования.

ПУТИ РЕШЕНИЯ В СЛОЖИВШЕЙСЯ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ

Данные, загруженные в технологию машинного творчества, по общему правилу являются объектами интеллектуальной собственности, так как их большинство представляют собой творческий объект другого автора, который охраняется в рамках авторского и (или) патентного права. Вопрос, который был поставлен выше, может быть разрешен следующими путями: 1) получением разрешения у правообладателя; 2) ограничением исключительных прав; 3) расширительным пониманием доступа.

Первый вариант — традиционный в рамках регулирования интеллектуальной собственности. Если создано произведение, то это право действует запретительно в отношении третьих лиц. Никто не вправе использовать произведения без предварительного разрешения правообладателя. Данный подход является устоявшимся способом использования интеллектуальных прав, но если при использовании малого количества данных он релевантен, то в случае с технологиями больших данных этот способ представляется не совсем возможным²⁴. Получение разрешения каждого правообладателя — затратный по времени и финансам процесс, кроме того, проблематичен поиск самого правообладателя.

²² Более подробно: Andrew N.G. Machine Learning Yearning. Draft Version. — URL: <https://github.com/ajaymache/machine-learning-yearning>; Исследование The Next Rembrandt, в котором описывалось поэтапное создание такого процесса. — URL: <https://www.nextrembrandt.com/> (дата обращения: 25.08.2022).

²³ Например, портал в Европейском союзе — EU Open Data Portal URL: <https://data.europa.eu/euodp/en/home> (дата об-

ращения: 25.08.2022). В США — Data.gov URL: <https://www.data.gov/> (дата обращения: 25.08.2022).

²⁴ Данный способ вызывает многие обременения, например денежные, временные, трудовые и т.п.

Данные обстоятельства позволяют сделать вывод, что получение разрешения правообладателя на использование объектов не представляется возможным при создании коллекций данных.

Второй вариант представляет собой возможность использования механизма ограничения интеллектуальных прав. Такой способ был применен в Директиве об авторском праве на едином цифровом рынке (*Directive on Copyright in the Digital Single Market*) [12]. В законодательном акте путем прямого действия были введены ограничения для анализа данных и текста (*text and data mining*). Под анализом данных и текста понимается «любой аналитический метод, направленный на анализ текста и данных в цифровой форме в целях получения информации, которая включает, но не ограничивается паттернами, тенденциями и корреляциями»²⁵.

Исходя из дефиниции, можно утверждать, что указанный механизм введен специально для случаев анализа коллекций данных при создании объектов машинным творчеством. Само понятие имеет широкое применение, при котором можно рассматривать любое действие разработчика как анализ текста и данных.

При этом стоит учитывать, что в данном определении не проводится разграничение между данными и информацией, хотя по своей природе два этих объекта разнородны и направлены на разного рода правоотношения. Соотношение данных и информации — дискуссионный вопрос на практике. Следует предполагать, что данные — это та часть информации, которая возникает только при их использовании. Информацию можно сравнить с нефтью. Пока она хранится и не добывается, она остается таковой. Как только она начинает обрабатываться, она становится данными, которые в дальнейшем регулируются в зависимости от сферы использования.

Согласно Директиве, ограничение интеллектуального права на воспроизведение возможно в двух случаях. Первый из них предназначен для исследовательских организаций и учреждений культурного наследия, которые могут осуществлять анализ данных и текста при законном доступе (*Lawful access*)²⁶. Под законным доступом понимается доступ к материалу, основанный на политике открытого доступа (*open access policy*) либо посредством договорных отношений между правообладателями и исследовательскими организациями или учреждениями культурного наследия, таких как подписки, либо другими законными

способами²⁷ (например, подписка на сервис, если в договоре не указано иное, а также объекты, находящиеся в интернете).

Данный способ ограничения интеллектуального права разрешает использовать материал, который не принадлежит разработчикам, только в исследовательской деятельности. Само определение субъектов дает основание полагать, что в качестве таких лиц невозможно понимать частные компании, которые в рамках своей деятельности выполняют исследовательскую работу²⁸. Притом, как написано в Директиве, университеты и исследовательские институты могут работать с частными компаниями, но только в рамках государственно-частного партнерства²⁹. Однако доступ к результатам, полученным в результате таких научных исследований, не может быть предоставлен на льготной основе предприятию, оказывающему решающее влияние на такую организацию³⁰.

Второй способ ограничения исключительных прав направлен на частные компании³¹. В отличие от первого ограничения здесь нет закрытого списка субъектов. Ограничение позволяет использовать в своей деятельности анализ данных и текста, если не будет нарушено право других лиц. Последние могут ограничить данный способ путем внесения уведомления о запрете совершения таких действий в отношении данных материалов (как указано в Директиве, это возможно сделать, например, с помощью машиночитаемых средств в случае материалов, размещенных в открытом доступе в интернете). Данный случай представляет собой договорной запрет на осуществление таких действий, который не может быть проигнорирован никаким образом. Если такое ограничение существует, то разработчику следует спрашивать разрешения у правообладателя либо отказаться от данных материалов.

Общее правило использования материалов на сайте представляет собой двухступенчатый тест: 1) материал получен при использовании законного доступа; 2) на ресурсе правообладателя не содержится ограничений на анализ данных и текста (это возможно путем

²⁷ Пункт 14, там же.

²⁸ Определения содержатся в ст. 2, там же. Само понятие исследовательских организаций рассматривает помимо университетов или других высших учебных заведений и их библиотек такие организации, как исследовательские институты и больницы, которые проводят исследования. Стоит учитывать при определении субъектов учитывать два критерия: они действуют либо на некоммерческой основе, либо в контексте миссии в интересах общества, признанной государством (п. 2).

²⁹ Пункт 11, там же.

³⁰ Определение исследовательской организации в ст. 2, там же.

³¹ Статья 4, там же.

²⁵ Статья 2 Директивы об авторском праве на едином цифровом рынке.

²⁶ Статья 3, там же.

использования машиночитаемых средств, включая метаданные и условия веб-сайта или услуги)³².

Данные ограничения являются попыткой установить ограничение интеллектуальных прав в коммерческих целях³³. Но во многих научных трудах данная концепция была раскритикована, так как в большинстве своем это не дает никакой возможности анализа данных и текста частным компаниям. Это порождает непроницаемые границы. Следует предполагать, что минусы данной Директивы таковы:

1. При использовании ограничений интеллектуальных прав правообладатель может запретить такое использование в соответствующих документах, например в пользовательском соглашении интернет-сайта. Следует предположить, что большинство компаний после имплементации данных положений будут изменять свои пользовательские соглашения, чтобы использование технологии анализа данных и текста было недоступно³⁴. При этом интересно, что компании будут проверять сайты на содержание таких ограничений³⁵. Вероятно, разработчикам придется читать каждое пользовательское соглашение на каждом исходном сайте. Конечно, возможны случаи, когда при осуществлении сбора данных будет создаваться некий след, то есть указание на запрет такого сбора, но маловероятно, что интернет-сайты будут этим заниматься без предварительного указания на то публичного органа.

2. Некоторые авторы задумались, как договорной запрет соотносится с базами данных, охраняемыми *sui generis* [13]. Ромен Мейс (Romain Meys) пришел к выводу, что базы данных еще больше ограничивают анализ данных и текста, так как привносят еще больше обременений, которые порождают неоднородный способ решения. Развивая эту идею, Ромен Мейс пришел к следующему выводу: «По сути, существует три способа достижения более сбалансированной систе-

мы правовой защиты баз данных в Европейском союзе, которая учитывала бы инновационный потенциал стартапов малых и средних предприятий в контексте развития искусственного интеллекта: расширение сферы действия исключения для целей интеллектуального анализа текста и данных, внесение соответствующих изменений в право *sui generis* или его полная отмена.

Однако ни один из этих вариантов нельзя считать достаточным для обеспечения устойчивого решения с точки зрения возможности повторного использования данных, поскольку держатели данных все равно будут иметь возможность ограничить повторное использование своих незащищенных баз данных посредством ограничительных договорных положений». Притом как наиболее приемлемое указывается решение отменить право *sui generis*, так как этот механизм охраны никаким образом не стимулирует развития технологий, как было изначально задумано³⁶.

3. Ограничения интеллектуальных прав, предложенные Европейским союзом, имеют очень странную правовую природу, так как они не укладываются в рамки ограничения интеллектуальных прав в традиционном смысле. Само возникновение интеллектуальной собственности было направлено на наделение обществом правообладателя определенной монополией для дальнейшего прогресса технологии и (или) науки. В свою очередь, монополия имела ограничения (например, правообладатель обязан отправлять экземпляры книги в библиотеку). Это представляло собой противовес, с помощью которого монопольное право могло соблюсти баланс интересов между обществом и правообладателем, а государство должно было выступать в качестве незаинтересованной стороны между ними, регулируя этот баланс. Как считает Виталий Олегович Калятин, «для общества чрезвычайно важно наличие доступа к соответствующим объектам, свободное движение информации и наличие свободы использования такого объекта в определенных ситуациях. Это означает, что в некоторых случаях исключительное право должно быть ограничено в силу особой важности объекта для общества и не может рассма-

³² 0 Пункт 18, там же.

³³ Другие попытки: в 2017 году были введены ограничения интеллектуальных прав в Эстонии и Германии для некоммерческих целей.

³⁴ По состоянию на 26 июля 2021 года только четыре из 27 государств-членов внедрили соответствующие законы. Подробнее см.: URL: <https://www.reuters.com/world/europe/commission-starts-legal-action-against-23-eu-countries-over-copyright-rules-2021-07-26/> (дата обращения: 25.08.2022).

³⁵ Данная технология называется парсинг. Под ней понимают применение заданных пользователем бизнес-правил и искусственного интеллекта для понимания, проверки и сбора любого типа данных из массива и при необходимости улучшения их структуры, чтобы они соответствовали назначению. Parsing Concept Guide. — URL: https://www.oracle.com/webfolder/technetwork/data-quality/edqhelp/Content/advanced_features/parsing.htm (дата обращения: 25.08.2022).

³⁶ Первая комиссия — Kur A., Hilty R.M., Geiger C., Leistner M. First Evaluation of Directive 96/9/EC on the Legal Protection of Databases, 2006. — Comment by the Max Planck Institute for Intellectual Property, Competition and Tax Law, Munich. Вторая комиссия — Commission, “Evaluation of Directive 96/9/EC on the legal protection of databases”, Commission staff working document. Второй документ Staff working document and executive summary on the evaluation of the Directive 96/9/EC on the legal protection of database. — URL: <https://ec.europa.eu/digital-single-market/en/news/staff-working-document-and-executive-summary-evaluation-directive-969ec-legal-protection> (дата обращения: 25.08.2022).

триваться как полностью абсолютное право, исключаящее всех остальных лиц» [14, с. 57].

В данном случае баланс интересов между обществом и правообладателем был применен государством против общества, что дало возможность частным компаниям в своей предпринимательской деятельности применять законодательные ограничения интеллектуальных прав. Возможно, в дальнейшем будет еще больше негативных практик, которые вводят новые ограничения, то есть продолжают усиливать монополии правообладателей.

Также в ограничениях, предложенных Европейским союзом, возможны случаи договорного запрета использования законодательных ограничений, что является областью нетрадиционной правовой природы. Если государство вводит ограничения, то невозможно вводить ограничения на ограничения. Это создает возможность ухода от первого ограничения в пользу второго, на которое оно направлено. Возможно, это был способ государства соблюсти тот самый баланс, который будет потерян. Но это представляет собой введение в коммерческий оборот неоднозначного механизма, который в дальнейшем будет так же неудачен, как базы данных и компьютерные программы, которые не имеют четких критериев.

Исходя из всего сказанного, мы приходим к выводу, что законодателью в Европейском союзе плохо удалось разобраться в содержании данной технологии, созданы новые нерешенные задачи, которые невозможно будет изменять на законодательном или правоприменительном уровне. Данный случай также похож на регулирование компьютерных программ и баз данных, когда были введены неточные и неоднозначные критерии, которые не имеют устойчивого базиса для развития общественных технологий. Эта Директива еще раз показывает, что правовое регулирование сложных технологических объектов плохо укладывается в традиционные основы интеллектуальной собственности.

Третий способ, предлагаемый автором статьи, представляет собой использование права доступа на данные без ограничений. Право доступа закреплено в Законе «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», согласно которому доступ к информации — возможность получения информации и ее использования [15]. Притом граждане (физические лица) и организации (юридические лица) вправе осуществлять поиск и получение любой информации в любых формах и из любых источников при условии соблюдения требований, установленных настоящим Федеральным законом и другими федеральными законами.

Так А.А. Ефремов, Н.П. Коптева, Л.К. Терещенко считают, что цифровая экономика — это экономика,

основу которой составляют свободный информационный обмен, что должно быть обеспечено законодательными мерами <...> Формирование электронного государства и цифровой экономики требует свободного оборота данных. Важным условием является открытость данных [16, с. 5].

Право на доступ дает возможность искать, получать и использовать любую информацию в любых источниках. Это можно сравнить с творчеством человека. При создании нового произведения автор так или иначе вдохновляется идеями и образами, полученными в течение жизни; например, при прослушивании музыки определенного жанра автор будет создавать схожую музыку, поэтому великие композиторы вырабатывали хороший вкус с детства. Автор не наносит никакого вреда правообладателю, так как фактически не воспроизводит это произведение публично.

Так же и при анализе данных и текста разработчик не нарушает в экономическом плане права правообладателя. Различные произведения могут быть загружены в наборы данных, но при выдаче результата сами произведения «размываются». Конечно, возможны случаи, когда разработчик загрузил все произведения определенного автора и тем самым создал аналогичные произведения, но данный случай подходит под понятие злоупотребление правом.

Вследствие этого видится разумным использование механизма доступа к объектам интеллектуальной собственности без разрешения правообладателя. При этом стоит учитывать, что в Законе имеются два неопределенных момента касательно возможности регулирования.

Во-первых, в механизме доступа используется понятие «информация», что создает неопределенность касательно статуса понятия «данные». Видится разумным считать, что информация и данные — это равнозначные термины, но термин «информация» шире.

Во-вторых, в ст. 1 указанного Закона сказано, что его положения не распространяются на отношения, возникающие при правовой охране результатов интеллектуальной деятельности и приравненных к ним средств индивидуализации, за исключением случаев, предусмотренных настоящим Федеральным законом.

Возможно, релевантным будет внесение механизма сбора и обработки данных в ст. 8 Закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации». Это позволит сбалансированно предоставлять возможность собирать, обрабатывать, использовать, создавать, охранять и защищать права на машинное творчество, что в итоге положительным образом скажется на развитии искусственного интеллекта.

Неслучайно В.Ф. Яковлев считал, что задача государства состоит не в том, чтобы управлять, а в том,

чтобы регулировать экономические отношения. При этом главным средством государственного воздействия на экономику становятся законы и нормативные акты [17].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Однозначный и устойчивый путь разрешения вопроса, связанного с данными, еще не предложен и остается дискуссионным. На данный момент объекты машинного творчества создаются по принципу «пока не поймали», основанном на том, что незаконное использование определенного произведения в коллекции данных в машинном творчестве нельзя обнаружить, а исследовать содержание самой коллекции представляется невозможным вследствие того, что компании не будут разглашать свою коммерческую тайну либо не будут раскрывать свою интеллектуальную собственность.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. GPT-3. A robot wrote this entire article. Are you scared yet, human? — URL: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2020/sep/08/robot-wrote-this-article-gpt-3> (дата обращения: 25.08.2022).
2. Beckett Stephen. Robo-journalism: How a computer describes a sports match // BBC. — URL: <https://www.bbc.com/news/technology-34204052> (дата обращения 25.08.2022).
3. Moses Lucia. The Washington Post's robot reporter has published 850 articles in the past year // Digiday. — URL: <https://digiday.com/media/washington-posts-robot-reporter-published-500-articles-last-year/> (дата обращения 25.08.2022).
4. Lee A. Hollaar. Legal Protection of Digital Information Washington. D.C.: Bureau of National Affairs, 2002. P. 498.
5. Public Law 94-553-OCT. 19, 1976. — URL: <https://www.copyright.gov/history/pl94-553.pdf> (дата обращения 25.08.2022).
6. Lowe D.A. A square peg in a round hole: the proper substantial similarity test for nonliteral aspects of computer programs // Wash. L. Rev. 1993. T. I. Vol. 68. P. 351–371.
7. Model Provisions on the Protection of Computer Software. WIPO Publication No. 814 (R) // WIPO, 1978. Официальный сайт Всемирной организации интеллектуальной собственности. — URL: https://www.wipo.int/edocs/pubdocs/en/copyright/120/wipo_pub_120_1978_01.pdf (дата обращения 25.08.2022).
8. Цариковский А.Ю., Иванов А.Ю., Войниканис Е.А. Антимонопольное регулирование в цифровую эпоху.

Как защищать конкуренцию в условиях глобализации и четвертой промышленной революции. Сколково. М.: Изд.-во ВШЭ. 2019. 392 с.

9. Goldsmith J., Tim Wu. Who controls the Internet? Illusions of a borderless world // Strategic Direction. 2007. P. 224.
10. Leiner B.M., Cerf V.G., Clark D.D. et al. A brief history of the Internet // ACM SIGCOMM Computer Communication Review. 2009. Vol. 39(5). P. 22–31. — DOI: 10.1145/1629607.1629613
11. Lehr D., Ohm P. Playing with the data: what legal scholars should learn about machine learning // UCDL Rev. 2017. I. 51. P. 653–717.
12. Directive (EU) 2019/790 of the European Parliament and of the Council of 17 April 2019 on copyright and related rights in the Digital Single Market and amending Directives 96/9/EC and 2001/29/EC. — URL: <http://data.europa.eu/eli/dir/2019/790/oj> (дата обращения 25.08.2022).
13. Meys Romain. Data Mining Under the Directive on Copyright and Related Rights in the Digital Single Market: Are European Database Protection Rules Still Threatening the Development of Artificial Intelligence? // GRUR International. 2020. Vol. 69, Iss. 5, P. 457–473. — DOI: 10.1093/grurint/ikaa046
14. Калятин В.О. О соотношении исключительного права с правом собственности в современном информационном обществе // Закон. 2018. № 5. С. 54–62.
15. Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации».
16. Цифровая трансформация и государственное управление: научно-практ. Пособие / А.С. Емельянов, А.А. Ефремов, А.В. Калмыкова и др.; ред. кол.: Л.К. Терещенко, А.С. Емельянов, Н.А. Поветкина. М.: Инфотропик Медиа, 2022. 224 с.
17. Яковлев В.Ф. Правовое государство: вопросы формирования. М.: Статут, 2012. 318 с.

REFERENCES

1. GPT-3. A robot wrote this entire article. Are you scared yet, human? — URL: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2020/sep/08/robot-wrote-this-article-gpt-3> (data obrashcheniya: 25.08.2022).
2. Beckett Stephen. Robo-journalism: How a computer describes a sports match // BBC. — URL: <https://www.bbc.com/news/technology-34204052> (data obrashcheniya: 25.08.2022)
3. Moses Lucia. The Washington Post's robot reporter has published 850 articles in the past year // Digiday. — URL: <https://digiday.com/media/washington-posts-robot-reporter-published-500-articles-last-year/> (дата обращения 25.08.2022).

4. Lee A. Hollaar. Legal Protection of Digital Information. Washington D.C.: Bureau of National Affairs, 2002. P. 498.
5. Public Law 94-553-ОСТ. 19, 1976. — URL: <https://www.copyright.gov/history/pl94-553.pdf> (дата обращения: 25.08.2022).
6. Lowe D.A. A square peg in a round hole: the proper substantial similarity test for nonliteral aspects of computer programs // Wash. L. Rev. 1993. I. 68. P. 351–371.
7. Model Provisions on the Protection of Computer Software. WIPO Publication N 814 (R) // WIPO, 1978. Official website of the World Intellectual Property Organization. — URL: https://www.wipo.int/edocs/pubdocs/en/copyright/120/wipo_pub_120_1978_01.pdf (дата обращения 25.08.2022).
8. Carikovskij A.Yu., Ivanov A.Yu., Vojnikanis E.A. Antimonopol'noe regulirovanie v cifrovuyu epohu. Kak zashchishchat' konkurenciyu v usloviyah globalizatsii i chetvertoj promyshlennoj revolyucii. Skolkovo. M.: Izd-vo Vysshej shkoly ekonomiki, 2019. 392 s.
9. Goldsmith J., Tim Wu. Who controls the Internet? Illusions of a borderless world // Strategic Direction. 2007. P. 224.
10. Leiner B.M., Cerf V.G., Clark D.D. et al. A brief history of the Internet // ACM SIGCOMM Computer Communication Review. 2009. Vol. 39(5), P. 22–31. — DOI: 10.1145/1629607.1629613
11. Lehr D., Ohm P. Playing with the data: what legal scholars should learn about machine learning // UC DL Rev. 2017. I. 51. P. 653–717.
12. Directive (EU) 2019/790 of the European Parliament and of the Council of 17 April 2019 on copyright and related rights in the Digital Single Market and amending Directives 96/9/EC and 2001/29/EC. — URL: <http://data.europa.eu/eli/dir/2019/790/oj> (дата обращения: 25.08.2022).
13. Meys Romain. Data Mining Under the Directive on Copyright and Related Rights in the Digital Single Market: Are European Database Protection Rules Still Threatening the Development of Artificial Intelligence? // GRUR International. 2020. Vol. 69, Iss. 5. P. 457–473. — DOI: 10.1093/grurint/ikaa046
14. Kalyatin V.O. O sootnoshenii isklyuchitel'nogo prava s pravom sobstvennosti v sovremennom informacionnom obshchestve // Zakon. 2018. No. 5. S. 54–62.
15. Federal'nyj zakon ot 27.07.2006 No. 149-FZ "Ob informacii, informacionnyh tekhnologiyah i o zashchite informacii".
16. Cifrovaya transformaciya i gosudarstvennoe upravlenie: nauchno-prakticheskoe posobie / A.S. Emel'yanov, A.A. Efremov, A.V. Kalmykova i dr.; red. kol.: L.K. Tereshchenko, A.S. Emel'yanov, N.A. Povetkina. M.: Infotropik Media, 2022. 224 s.
17. Yakovlev V.F. Pravovoe gosudarstvo: voprosy formirovaniya. M.: Statut, 2012. 318 s.

Международный научно-образовательный центр «Кафедра ЮНЕСКО по авторскому праву, смежным, культурным и информационным правам» (сокращенно — «Кафедра ЮНЕСКО НИУ ВШЭ») создан решением Ученого совета НИУ ВШЭ в октябре 2020 г. в соответствии с Соглашением между ЮНЕСКО и Национальным исследовательским университетом «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ) от 7 августа 2020 г.

Свою историю Центр ведет от Кафедры ЮНЕСКО по авторскому праву и другим правам интеллектуальной собственности, созданной по инициативе Постоянного представителя Российской Федерации при ЮНЕСКО в 1993–1998 гг., Чрезвычайного и Полномочного посла РФ доктора юридических наук профессора М.А. Федотова. Соглашение о создании Кафедры ЮНЕСКО на базе Института международного права и экономики имени А.С. Грибоедова (ИМПЭ, ныне — Московский университет имени А.С. Грибоедова) было подписано 12 июня 1998 г. В 2009 г. Кафедра по согласованию с Секретариатом ЮНЕСКО была передислоцирована в Высшую школу экономики.

Кафедра ЮНЕСКО является научно-образовательным структурным подразделением НИУ ВШЭ. Одновременно она входит во всемирную сеть Кафедр ЮНЕСКО в соответствии с Программой UNITWIN/UNESCO Chairs, учрежденной по решению 26-й сессии Генеральной конференции ЮНЕСКО в 1991 г. для развития межуниверситетского сотрудничества на глобальном, межрегиональном, региональном и субрегиональном уровнях по отдельным направлениям образования, науки, культуры и коммуникации. Программа UNITWIN/UNESCO Chairs объединяет в настоящее время более 830 кафедр и 20 специализированных кафедральных сетей в 110 странах.

Во всем мире кафедры ЮНЕСКО, действуя в духе академической солидарности, стимулируют процесс формирования крепких и устойчивых связей между вузами и академическими учреждениями, правительствами, местными властями, предпринимательскими кругами, гражданским обществом и т.д. Основополагающим принципом Программы UNITWIN/UNESCO Chairs является полноценное и равноправное партнерство университетов, которые через кафедры ЮНЕСКО иницируют и реализуют в ее рамках различные проекты, уважая университетскую автономию и академическую свободу.

Кафедра ЮНЕСКО НИУ ВШЭ специализируется в области авторского права и смежных прав, культурных и информационных прав, включая правовое регулирование киберпространства, технологий искусственного интеллекта и трансгуманизма. Деятельность Кафедры осуществляется в сотрудничестве с соответствующими подразделениями Секретариата ЮНЕСКО, в особенности с Сектором культуры и Сектором информации и коммуникации, с Институтом ЮНЕСКО по информационным технологиям в образовании, а также с Комиссией Российской Федерации по делам ЮНЕСКО.

Разносторонняя исследовательская, образовательная, просветительская, законопроектная, консультационная и экспертная деятельность Кафедры ЮНЕСКО в сфере свободы творчества и свободы выражения мнений, правовых и этических аспектов информационного плюрализма, развития ин-

формационного общества, многоязычия в киберпространстве, преодоления цифрового неравенства, технологий трансгуманизма, влияния искусственного интеллекта на институты права и общественное развитие требует стабильного функционирования открытой дискуссионной площадки для обмена мнениями, обсуждения идей, передачи и популяризации знаний.

С 1999 г. Кафедра ЮНЕСКО выпускает ежеквартальный научно-аналитический журнал «Труды по интеллектуальной собственности (Works on Intellectual Property)» (www.tis.hse.ru). У его истоков стояли такие выдающиеся российские правоведы, как И.Л. Бачило, М.М. Богуславский, Э.П. Гаврилов, В.А. Дозорцев, А.П. Сергеев, М.А. Федотов и их зарубежные коллеги Mihaly Ficsor (WIPO, CEECA, CITIP), Adolf Ditz (Max Planck Institute for Innovation and Competition), Peter Maggs (Illinois University), Kaarle Nordenstreng (University of Tampere) и др.

Журнал публикует научные статьи и аналитические материалы, рецензии на книги, экспертные мнения по широкому кругу правовых проблем интеллектуальной собственности и современной информационной экосистемы. В числе тем, привлекающих внимание авторов и читателей журнала, — актуальные проблемы авторского права и смежных прав, право интеллектуальной собственности в условиях цифровизации, культурные и информационные права в контексте конвенций и рекомендаций ЮНЕСКО, права человека в цифровую эпоху, правовое регулирование киберпространства, массовых коммуникаций, цифровых платформ и экосистем, технологий искусственного интеллекта и трансгуманизма.

Журнал выпускается на основании Соглашения между ЮНЕСКО и НИУ ВШЭ об учреждении Кафедры ЮНЕСКО по авторскому праву, смежным, культурным и информационным правам. Входит с 2014 г. в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (Перечень ВАК при Минобрнауки России). Журнал входит в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ). Свежий номер и архив журнала доступны на сайте Кафедры ЮНЕСКО: <https://hse.ru/unesco/tis>, а также на странице журнала <https://tis.hse.ru/>.

Кафедра ЮНЕСКО НИУ «Высшая школа экономики» выпускает также ежемесячный информационный бюллетень «Среда», который бесплатно рассылается в электронном виде по подписке. Бюллетень содержит информацию о вступающих в силу нормативных правовых актах, о проектах новых законов, указов и постановлений, о прецедентных судебных решениях, о прошедших и предстоящих научных конференциях, семинарах, форумах и т.д.

Контакты Кафедры ЮНЕСКО НИУ ВШЭ:
109028, Москва, Б. Трехсвятительский пер., 3, каб. 436;
тел./факс +7(495) 772-95-90 * 23017;
www.hse.ru/unesco/
tis@hse.ru

The International Scientific and Educational Center “UNESCO Chair on Copyright, Related, Cultural and Information Rights” (abbreviated as “UNESCO Chair of the NRU HSE”) was built by the decision of the Academic Council of the NRU HSE in October 2020 under the Agreement between UNESCO and the National Research University “Higher School of Economics” (NRU HSE) dated August 7, 2020.

The Center traces its history back to the UNESCO Chair on Copyright and Other Intellectual Property Rights, established by initiative of the Permanent Representative of the Russian Federation to UNESCO in 1993–1998, Ambassador Extraordinary and Plenipotentiary of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor M. A. Fedotov. The agreement on the organization of the UNESCO Chair based on the Institute of International Law and Economics. A.S. Griboyedov (IMPE, now — Moscow University named after A.S. Griboyedov) was signed on June 12, 1998. In 2009, the Chair, in agreement with the UNESCO Secretariat, was relocated to the Higher School of Economics.

The UNESCO Chair is a scientific and educational structural subdivision of the National Research University Higher School of Economics. It participates in the worldwide network of UNESCO Chairs Program called UNITWIN. The program works based on the decision of the 26th session of the General Conference of UNESCO in 1991. The program focuses on inter-university cooperation at the global and regional levels of education, science, culture, and communication. The UNITWIN/UNESCO Chairs program currently unites more than 830 Chairs and 20 specialized chair networks in 110 countries.

All over the world, UNESCO Chairs, acting in the spirit of academic solidarity, stimulate sustainable ties between universities and institutions, governments, local authorities, business circles, civil society, etc. The fundamental principle of the UNITWIN/UNESCO Chairs Program is an equal partnership of universities, which, through the UNESCO Chairs, initiate and implement various projects within its framework, respecting university autonomy and academic freedom.

The HSE UNESCO Chair specializes in copyright, related rights, and cultural and information laws, including the legal regulation of cyberspace, artificial intelligence technologies, and transhumanism. The Chair cooperates with the relevant divisions of the UNESCO Secretariat, particularly the Sector of Culture and Information and Communication. The Chair cooperates with the UNESCO Institute for Information Technologies in Education and the Commission of the Russian Federation for UNESCO.

UNESCO Chair realizes versatile research, education, consulting, and expert activities in the field of freedom of creativity and freedom of expression, legal and ethical aspects of information pluralism. The Chair works on the progress of the informational society and multilingualism in cyberspace. Chair toils on overcoming the digital divide, transhumanism technologies, and the impact of artificial intelligence on social and legal institutions. All this requires the stable functioning of an open discussion platform for the exchange of opinions, discussion of ideas, transfer, and knowledge popularization.

Since 1999, the UNESCO Chair has published a quarterly scientific and analytical magazine named Works on Intellectual Property (www.tis.hse.ru). Its origins were such prominent Russian jurists as I.L. Bachilo, M.M. Boguslavsky, E.P. Gavrilov, V.A. Dozortsev, A.P. Sergeev, M.A. Fedotov, and their foreign colleagues Mihaly Ficsor (WIPO, CEECA, CITIP), Adolf Ditz (Max Planck Institute for Innovation and Competition), Peter Maggs (Illinois University), Kaarle Nordenstreng (University of Tampere) and others.

The journal publishes scientific articles and analytics, book reviews, and expert opinions on a wide range of IP problems and the modern information ecosystem. Among the topics that attract the attention of the authors and readers of the journal are topical issues of copyright and related rights, intellectual property rights in the context of digitalization, and cultural and information rights in the context of UNESCO conventions and recommendations. The list embraces human rights in the digital age, legal regulation of cyberspace, mass communications, digital platforms and ecosystems, artificial intelligence technologies, and transhumanism.

The journal published based on the Agreement between UNESCO and the National Research University Higher School of Economics since 2014. The journal presented in the List of peer-reviewed scientific publications publishing the main scientific results of dissertations for the degree of Candidate of Science for the degree of Doctor of Science (the List of Higher Attestation Commission under the Ministry of Education and Science of Russia). The journal is on the Russian Science Citation Index (RSCI).

The latest issue and archive of the journal are on the website of the UNESCO Chair: <https://hse.ru/unesco/tis>; and on the magazine web page <https://tis.hse.ru/>.

The UNESCO Chair of the National Research University "Higher School of Economics" also publishes a monthly newspaper called "Sreda", distributed free of charge in electronic form by subscription. The Bulletin contains information about normative legal acts coming into force, drafts of new laws, decrees and resolutions, precedent judicial decisions, past and upcoming scientific conferences, seminars, forums, etc.

Contacts of the UNESCO Chair at HSE University:

109028, Moscow, B. Trekhsvyatitsky per., 3, room. 436;

tel./fax +7(495) 772-95-90 * 23017;

website: www.hse.ru/unesco/

e-mail: tis@hse.ru